

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ли Чжожу

Циркуляция политической элиты в условиях модернизации китайского общества: преемственность и развитие

Специальность 5.4.1 Теория, методология и история социологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор Н.Г. Осипова

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ПЕРВАЯ ГЛАВА. МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СУБЪЕКТЫ.....	20
1.1. Сущность и динамика модернизационных процессов в современном Китае.....	20
1.2. Элиты как субъект инициации и реализации модернизационных процессов.....	41
ВТОРАЯ ГЛАВА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	67
2.1. Основные теоретические подходы к концептуализации понятия элиты в китайской социологии.....	67
2.2. Сравнительно-исторический анализ политических элит Китая: преемственность и развитие.....	90
2.3. Основополагающая роль политических лидеров в структуре китайской политической элиты.....	116
2.4. Внутренние движущие силы в межпоколенческой диффузии политической элиты Китая.....	129
ТРЕТЬЯ ГЛАВА. МОДЕЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА.....	146
3.1. Исторические и современные факторы в формировании политической элиты в эпоху Си Цзиньпина.....	146
3.2. Межпоколенческие различия политических элит Китая в эпоху Си Цзиньпина.....	167
3.3. Методология эмпирических исследований циркуляции политической элиты в модернизирующемся Китае.....	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	205
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	215
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	235

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования

В настоящее время никто из ученых не отрицает тот факт, что в современном обществе сосуществуют различные профессиональные, экономические, социальные или политические группы, занимающие неравное положение в системе общественного производства и, соответственно, обладающие неодинаковым доступом к его материальным и символическим благам. Эти группы объединяются в более крупные образования - социальные классы, которые, наряду с различными социальными слоями (стратами) образуют классово-стратификационную структуру социетального целого. Однако в социологии существует и другое основание для социального структурирования общества, включающее всего два элемента – элиту и массы.

В классической социологии элитой называлась правящая группа общества, противопоставленная массе. Как отмечает российский социолог Н.Г.Осипова, «с тех пор, как общество обнаружило социальную неоднородность, как появились власть имущие и народ, мыслители пытались объяснить феномен элиты посредством создания теорий элит»¹. В современной социологии определения элиты неоднозначны: обычно под элитой понимают меньшинство, обладающее монополией на власть, на принятие решений относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе. Но это могут быть и наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, осуществляющие в обществе наиболее важные функции, а также те, кто обладает интеллектуальным или моральным превосходством над массой, или же наделен наивысшим чувством ответственности. Однако, как бы ни отличались воззрения современных

---

¹ Осипова Н.Г. Элиты теории // Социологический словарь / Отв. Ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 585.

социологов, все они соглашались с тем, что элита - неотъемлемый элемент социальной структуры общества, основная функция которого заключается в управлении им.

Элита является необходимым, системообразующим элементом, точнее – «ядром» любого социума, а разнообразная и сложная его социальная структура предопределяет соответствующую структуру элитных групп. Так выделяют элиту военную, элиту экономическую, элиту научную, элиту культурную, и, конечно, элиту политическую (властную). В самом широком смысле под политической элитой понимают избранную часть общества, определяющую государственную политику. В то же время термин «политическая элита», хотя и широко распространен, достаточно противоречив. Часто он пересекается с понятием «политический класс» (тракуемый как совокупность лиц, профессионально занятых в сфере политики) или понятием «правлящий класс», (содержащим определенные социальные характеристики).

Политическая элита формируется и успешно функционирует в любом государстве, и Китайская Народная Республика не является исключением. В современном Китае под влиянием процессов модернизации происходит ротация политической элиты, или, если использовать терминологию В. Парето, циркуляция политических элитных групп, обусловленная как новыми институциональными механизмами, так и микрофакторами различного генеза. Однако, к сожалению, этот процесс чаще служит предметом исследований не китайских, а зарубежных обществоведов, которые не всегда учитывают культурно-исторические традиции, особенности социалистического строя, руководящую роль Коммунистической партии Китая, а также другие уникальные черты китайского общества. Данное обстоятельство существенно обедняет и упрощает представление об этом важнейшем сегменте в политической системе Китайской Народной Республики, что не позволяет эффективно управлять процессом элитогенеза на научной основе.

В данной связи необходима, на базе глубокого знания китайских реалий, серьезная социологическая рефлексия относительно процессов циркуляции политической элиты в процессе модернизации китайского общества. Только подобный анализ, сочетающий в себе как теоретические конструкции классической и современной (западной, российской и китайской) социологии, так и новейшие эмпирические данные, позволит задать методологию выявления баланса между преемственностью - продолжением сложившихся структур и границ элитных кластеров, и развитием - появлением новых сегментов и модификацией правил отбора и продвижения элитных групп в политическую систему китайского общества, а также институционализировать и моделировать эти процессы. Следовательно, разработка теоретико-методологических основ социологического анализа особенностей социальных характеристик, специальных механизмов генерации и преемственности последовательных поколений политической элиты в условиях модернизационных процессов в современном Китае представляется актуальной, теоретически и практически значимой.

Состояние и степень научной разработанности темы исследования

Проблема научной операционализации понятия элиты в социологии, ее функций в обществе и критериев выделения восходит к трудам западных классиков социологической науки – В. Парето, Г. Моски, Р. Михельса² и ряда других. В современной западной социологии в отношении понятия «элита» сформировались два подхода - властный и меритократический. Сторонники властного подхода (Г. Моска, Р. Михельс, Г. Лассуэл, Ч.Р. Миллс, Т. Дай, Х.Зиглер и др.) определяют элиту через критерий обладания высоким

---

² Pareto V. Trattato di Sociologia Generale. Milano, 1964. Vol. II; Mosca G. Elementi di Scienza Politica. Rome, 1986; Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig: Werner Klinkhardt, 1911.

положением в системе властных отношений, что позволяет ей осуществлять управленческие функции и оказывать воздействие на принятие политических решений. Тем не менее данный подход сужает функции и социальное предназначение данного феномена, ограничивая их лишь политической сферой социального бытия. Представители меритократического подхода (Т. Карлейль, А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет и др.) рассматривают элиту в качестве универсального социального феномена, а также выделяют многообразные виды элит, успешно функционирующие в различных социальных классах и слоях. Однако «научный интерес сторонников данных подходов направлен скорее не на выявление объективных критериев вхождения в элитные слои общества, а на поиск источников, обосновывающих привилегированное положение рассматриваемой социальной группы»³, что существенно умаляет значимость институциональных факторов в процессах элитогенеза.

В России, в имперский период её истории, в силу чёткой классовой и сословной иерархии, а также относительно поздней институционализации социологической науки, исследований элитных слоев, как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне, практически не проводилось. В СССР (до перестройки) понятие «элита» анализировалось лишь в рамках критики зарубежных теорий элит, которые не раскрывали подлинную классовую дифференциацию общества, реальные социальные антагонизмы капитализма, были направлены против марксистского учения о классах и классовой борьбе, против требования социального равенства всех членов обществ⁴. Своеобразной заменой термину «элита» служило понятие «номенклатура», имплицитно означающее высшую степень власти и влияния в советском обществе.

В постсоветской России уже к концу 1990-х гг. появились коллективные труды, свидетельствующие о возобновлении интереса к данному социальному феномену. В их числе, например, монография «Российская элита: опыт

---

³ Осипова Н.Г. Социология. М.: Издательство ФИВ, 2024. С. 561.

⁴ См.: Ашин Г.К. Элиты теории // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М.: Наука, 1986.

социологического анализа»⁵, в которой рассматривались существующие концепции элиты, теоретические и методические проблемы изучения современных российских элит, а также сборник «Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений»⁶, посвященный вопросам теории и истории политических элит и государственной службы, подготовки и переподготовки элитных кадров. Затем в социологических и политологических изданиях стали регулярно публиковаться материалы по проблемам элит. Так, теоретические и концептуальные подходы к анализу генезиса и функциям современной российской элиты достаточно полно отражены в работах Г.К. Ашина, М.Н. Афанасьева, С.А. Батуренко, Д.В. Бадовского, М.И. Кодина, А.П. Кочеткова, О.В. Крыштановской, О.Т. Мясникова, Н.Г. Осиповой и многих других российских ученых⁷.

В настоящее время российские ученые также уделяют внимание анализу процессов воспроизводства элит в отдельных странах мирового сообщества, в том числе и Китае, например, центральной политической элите (ЦК КПК) в составе политической элиты КНР. Так, в 2020 году профессор Д.Г. Сельцер проанализировал генезис термина «элита», который, по его мнению, появился после XXIII съезда КПК, в соответствии с целями институциональной реформы, сформулированными на этом съезде. Однако из-за «инцидента на

---

⁵ Микульский К.И., Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. Российская элита: опыт социологического анализа. М.: Институт социологии РАН, 1995.

⁶ Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Ростов на Дону, 1996.

⁷ Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Политические исследования. 1994. № 6; Ашин Г.К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7; Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты в России - от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Политические исследования. 1994. № 6; Батуренко С.А. Современная российская элитология // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. 2015; Кочетков А.П., Моисеев В.В. Российская политическая элита как субъект социально-экономической политики // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57; Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005; Мясников О.Т. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Политические исследования. 1993. № 1; Осипова Н.Г. Роль классического университета в воспроизводстве элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 4. С. 9 – 31.

«Тяньаньмэнь» в 1989 году и распада КПСС и СССР в 1991 году, термин «элита» был отменен ЦК КПК после XIV съезда КПК в 1992 году и заменен термином «кадры»⁸. В.Н. Садченко исследовал эволюцию политического режима в Китайской Народной Республике в период председательства Си Цзиньпина⁹.

Следует отметить, что элитные группы современного Китая вызывают значительный интерес и у западных, прежде всего, американских ученых, которые большое внимание уделяют локальным политическим элитам в рамках китайской политической элиты, а также их сравнению с «центральной» политической элитой. Изучая этот вопрос, американские ученые больше сосредоточились на анализе политического прошлого, должностных продвижений и политических взглядов китайских провинциальных и министерских кадров¹⁰. Кроме того, американские ученые придают большое значение социологически значимой мобильности внутри политической элиты Китая. Например, профессор Мичиганского университета Э. Уолдер дифференцирует карьерные пути представителей политической элиты Китая. Тем не менее в целом международные исследования политической элиты в современном Китае находятся на относительно низком уровне и содержат много неточностей из-за сложности сбора данных и языкового барьера.

Сегодня в КНР академические исследования политических элит сосредоточены на механизмах «входа» в политическую элиту и «выхода» из нее, а также идеологическом и ценностном контекстах этих процессов. Кроме того, достаточно много работ, затрагивают частные проблемы

---

⁸ Сельцер Д.Г. Распад СССР и сохранение КНР через призму анализа кадровой политики: общие подходы // История и археология. 2020. № 4.

⁹ Садченко В.Н. Эволюция политического режима в Китайской Народной Республике в период председательства Си Цзиньпина // Политологические науки. 2018. № 11.

¹⁰ Федоркин Н.С. Политическая социология и политический менеджмент в предметном поле политической науки // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25(4). С. 209 – 226.

функционирования китайских элитных групп¹¹. Однако при изучении этих проблем, как зарубежные, так и китайские учёные, руководствуются преимущественно западными теориями и соответствующей им методологией. К сожалению, работ, использующих теорию и методологию новаторского марксизма, еще очень мало.

В целом растущий объем современной социологической и политологической литературы, связанной с вопросами структуры и циркуляции элит, в том числе, политической элиты в Китае, не свидетельствует о должном качестве анализа этого важнейшего субъекта, активно участвующего в модернизационной трансформации китайского общества, а отсутствие четких теоретических и методологических подходов к анализу исследуемых объектов часто влечет за собой слабо концептуализированный понятийный аппарат, недостаточно обоснованные интерпретации и выводы. При этом сравнительно мало исследований, ориентированных исключительно на политическую элиту КНР и те факторы, которые задают векторы процессам ее циркуляции в условиях модернизации китайского общества.

Объект и предмет диссертационного исследования

Объектом диссертационного исследования является политическая элита Китайской Народной Республики как особый социальный слой и многогранный культурно-исторический феномен. **Предметом диссертационного исследования** служат преемственность и развитие в

---

¹¹ См, напр.: Ли Тинью. Предварительное исследование ценностных взглядов местных политических элит: размышления на основе обследования руководящих кадров Шанхая. Форум по науке о лидерстве (теория). 2014. № 5; Ли Сифан и Хэ Ю. Межпоколенческая передача преимуществ класса: социологический анализ механизма отбора в элитные средние школы на примере школы F в Нанкине // Сюэфан. 2011. № 5; Юн Луанью, Цуй Чэньмяо, Ван Вэйцзя. Технологическое расширение прав и возможностей и социальная мобильность: исследование формирования элитного сообщества «ведущих-продавцов» и его влияния на примере «Дум-Дум-Деревни» в уезде Y провинции Шаньси // Социальное управление. 2021. № 6.

процессе циркуляции политической элиты в условиях модернизации китайского общества.

Цель и задачи диссертационного исследования

Цель диссертационного исследования - на базе метасоциологического марксистского анализа и с теоретических позиций новаторского марксизма выявить ключевые направления и элементы модернизации китайского общества, показать преемственность и развитие в циркуляции политической элиты как ключевого субъекта данного процесса, а также выработать конструктивные рекомендации, способствующие реализации теории и модели институционализированной циркуляции элит, разработанной автором.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **конкретные задачи:**

- выявить сущность и показать динамику модернизационных процессов в современном Китае,
- определить конкретную роль политической элиты в инициации и реализации модернизационных процессов,
- обосновать теоретико-методологические подходы к концептуализации понятия элиты в китайской социологии,
- провести сравнительный исторический анализ политических элит Китая, доказать преемственность и развитие китайской политической элиты в деривации поколений,
- показать основополагающую роль политических лидеров в структуре китайской политической элиты,
- выявить внутренние движущие силы в межпоколенческой диффузии политической элиты Китая,
- дифференцировать исторические и современные факторы формирования политических элит в эпоху Си Цзиньпина,

- установить межпоколенческие различия политических элит Китая в эпоху Си Цзиньпина,
- конкретизировать и перевести в практическую плоскость методологические проблемы эмпирических исследований политических элит в модернизирующемся Китае.

Теоретическая база и методологические основы диссертационного исследования

Теоретическую базу диссертационного исследования составили труды классиков марксизма-ленинизма¹², исследователей неомарксистской теоретико-методологической ориентации¹³, а также труды ведущих западных¹⁴, современных российских¹⁵ и китайских¹⁶ ученых, затрагивающих конкретные

---

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Соч. М., 1931. Том XIV; Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Соч. М., 1955. Т. 2; Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. М., 1959. Т. 13. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // ПСС. М., 1967. Том 1. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ППС. М., 1981. Т. 41. Ленин В.И. Что делать? // ПСС. М., 1963. Т. 6.

¹³ Ван Вэйгуан. Приверженность и развитие марксизма-ленинизма // Ван Вэйгуан. Избранные труды. М.: Родина, 2023; Добренков В.И. Социология на перепутьях трудного пути // Социология. № 1. 2019; Зюганов Г.А. Политический отчет Центрального Комитета КПРФ XVIII съезду партии // <https://kprf.ru/party-live/cknews/201822.html> (Дата обращения; 20.07.2025); Козин М.И. Общественно-политические объединения и формирование политической элиты в России (1990-1997). Дисс. канд. социол. наук. М.: МГУ, 1998; Марксизм-ленинизм эпохи диктатуры пролетариата: цикл научно-популярных работ: В 7 Т. / Планирование социалистической экономики. Ленинград: Издатель Англинова Л.Н., 2025; Чэн Эньфу. Необходимо уделять большое внимание марксистскому методу классового анализа // Тяньфу синьлунь. 2017. № 1.

¹⁴ Парето В. Взлеты и падения великих держав. Шанхай. Шанхайское народное издательство, 2003. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10; Мэтлок-мл. Дж. Личный отчет о распаде СССР / Пер. Ву Найхуа и др. Пекин: Издательство «Мировое знание», 1996. Кн. 1.

¹⁵ Родионов М.А., Волкова Т.А. Китайские политические элиты: история и современность // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4; Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4; Федоркин Н.С. Политическая социология и политический менеджмент в предметном поле политической науки // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25(4); Пляйс Я.А. Политическая элита постсоветской России: этапы трансформации, проблемы совершенствования. М: Издательство "Росспэн", 2024; Кремнёв Е.В. Властно-управленческие концепции китайской марксистской социологии начала XX в.: традиции и революция // Социологические исследования. 2020. № 5.

¹⁶ Чен Энфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения. М.: Родина, 2021; Юнь Чуньси и Ван Са. Логика возникновения явления захвата элиты в процессе возрождения сельских районов и способы его преодоления — на примере исследования деревни С в восточной части провинции Энь // Вестник Северо-Восточного университета (социальные науки). 2025. № 2.

аспекты данной работы, положения и выводы, содержащиеся в них. Автор обращался к конструктивным идеям, предложениям и рекомендациям, представленным в материалах научных дискуссий. Ведущая роль в обосновании ключевых тезисов работы отводилась трудам и взглядам Генерального секретаря ЦК КПК, лидера Си Цзиньпина¹⁷.

Методологическую основу диссертационного исследования составил принцип социально-исторического детерминизма, сущностный, комплексный, структурный и институциональный подходы к изучению различных аспектов образования и циркуляции элитных слоёв применительно к социалистическому государственному строю и культурно-исторической специфике Китая.

Эмпирической базой диссертационного исследования послужили:

- данные, полученные автором из достоверных источников, затрагивающих различные аспекты биографий и деятельности членов Политбюро ЦК КПК, включая кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК КПК^{18*},

- авторские исследования характеристик межпоколенческой диффузии трех поколений политической элиты социалистической КНР путем количественного анализа биографических данных, репрезентативных заявлений и идей сменяющих друг друга руководящих коллективов ЦК КПК, а также данные стандартизированных интервью, проведенных автором по оригинальной методике,

- официальные материалы Государственного статистического управления Китая, а также данные «Жэньминь жибао онлайн» – новостной сети Коммунистической партии Китая.

---

¹⁷ Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2023.

* Это связано с тем, что члены Политбюро (включая кандидатов в члены Политбюро) ЦК КПК и секретари ЦК КПК являются в политической системе Китая ведущими кадрами, обладающими реальной политической властью, способными оказывать влияние на процесс формулирования и реализации национальной политики, и, соответственно, представительными фигурами в рядах политической элиты КНР (*прим. авт.*).

Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена исходными непротиворечивыми теоретико-методологическими предпосылками, использованием стандартных методов социологического анализа и процедур, применением комплекса социологических методов научного познания и статистических методов, а также анализа данных, адекватных предмету и задачам исследования.

Научная новизна диссертационного исследования

Научная новизна настоящей диссертационной работы определяется тем, что в ней обоснованы новые теоретико-методологические подходы к социологическому анализу политической элиты в модернизирующемся китайском обществе, включая «новаторский марксизм», разработана и апробирована авторская методика эмпирического исследования политической элиты, а также выявления факторов, определяющих процессы её циркуляции, позволяющие в совокупности обогатить теорию организации КПК и дать научно обоснованное видение национальной специфики модернизации социалистической системы КПК в электронно-цифровую эпоху. Кроме того, в диссертационной работе:

- систематизированы академические концепции элит, а также последние достижения в международных академических исследованиях по проблемам элитогенеза, релевантные предмету исследования,

- дифференцированы основные парадигмы и теоретические конструкты западной политологии и китайского новаторского марксизма в изучении политических элит в Китае,

- выявлены и уточнены социальные и политические характеристики каждого поколения политической элиты Китая, обоснованы их преэминентность и векторы развития,

- доказано политическое значение группы высшей политической элиты (политических лидеров) для социалистического Китая и охарактеризовано её отношение к реализации и защите высших политических интересов страны,
- методологически обоснована и теоретически интерпретирована модель институционализированной циркуляции политических элит в современном китайском обществе.

Научная значимость и практическая ценность диссертационного исследования

Научная значимость результатов диссертационного исследования состоит в том, что его основные положения и выводы могут быть использованы для дальнейшей разработки научно обоснованных, целостных и однозначных подходов к теоретическому осмыслению процесса циркуляции политической элиты не только Китая, но и других стран, вставших на путь социалистической модернизации.

Собранный теоретический, фактологический и эмпирический материал может быть полезен в процессе преподавания курсов по теории и методологии социологии, политологии, политической социологии, социологии политики, прикладной социологии, а также при организации тематических занятий со студентами и аспирантами высших учебных заведений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В Китае термин «элита» вошел в научный оборот с 1980-х гг. и был адаптирован к национальной специфике. Тем не менее, корректный социологический анализ политической элиты Китая предполагает, с одной стороны, привязку к теоретическим конструктам классических теорий элит – концепции «циркуляция элит» В. Парето и «властвующей элиты» Ч.Р. Миллса,

которые задают макрорамку научного анализа. С другой стороны, прямой перенос положений данных концепций на китайские реалии ограничено эвристичен, поскольку в социалистической системе КНР центром координации и контроля ресурсов и власти является Коммунистическая партия Китая. В данной связи логика формирования и циркуляции элит отличается от плюралистических западных моделей – в Китае обновление правящего слоя обеспечивается внутрипартийной селекцией и административными назначениями, что предопределяет специфическую модель циркуляции. Опыт ранних реформ показывает, что целевые кадровые перестановки — демонтаж маоистских кадров и замещение ключевых постов молодыми, высокообразованными функционерами — закрепили меритократические критерии и технократическую логику правил отбора и продвижения в элитные группы. При этом высокая формализация механизмов обновления правящего слоя и его циркуляции обеспечивает предсказуемую смену поколений и межсекторальную мобильность.

2. В процессе модернизации китайского общества элитный корпус диверсифицировался, а инкорпорация новых элитных групп по формальным каналам усилилась. В настоящее время элитный слой Китая формируют три сегмента — политическая, экономическая и культурная элиты, связанные иерархически организованным взаимодействием. Политическая и экономическая элиты Китая образуют союз власти и капитала: частный предпринимательский сектор инкорпорируется в партийно-государственную систему и поддерживает модернизацию, совмещая развитие с порядком. В то же время, усиливающаяся кооперация экономической и культурной элит в известной мере превращает культурный капитал в связующий механизм воспроизводства элитных позиций: в ходе рыночной трансформации состоятельные акторы, используя образовательные траектории, филантропию и конверсию символического капитала, встраиваются в культурные сети. Образовательная легитимация и символическое признание межпоколенчески

закрепляют статус экономической элиты, а взаимодействие с культурной элитой формирует функционально-комплементарную структурную согласованность, поддерживающую предсказуемую и селективную динамику институционализированной циркуляции элит.

3. Технологическое развитие Китая повлекло за собой появление новых элит, которые не образуют автономных слоев вне традиционной конфигурации, а возникают как подвиды в рамках политической, экономической и культурной элит. Их восхождение идёт по существующим элитным сетям и регулятивным каналам институционализированной циркуляции с последующей равновесной встраиваемостью в верхние эшелоны власти. Например, «элиты Интернета и новых медиа» выступают продуктом включения новых сегментов в прежнюю институциональную конфигурацию, где партийно-государственные структуры через регулятивные — кадровые и организационные каналы инкорпорируют высококвалифицированных акторов в состав элиты, а новые группы, опираясь на действующие властные институты, получают политическое признание и ресурсный потенциал.

4. В период деятельности Си Цзиньпина циркуляция политической элиты Китая приняла выраженно институционализированный характер, который обеспечивает управляемое сочетание преемственности и обновления. В результате закреплённые формальной регламентацией лимиты сроков, правила отбора и продвижения, а также меритократические критерии создают условия для регулярного обновления руководящего слоя и сдерживают монополизацию политической власти. Эта институционализированная циркуляция элит выступает центральным механизмом поддержания социального консенсуса, укрепляет целостность правящего слоя и повышает институциональную результативность и стабильность режима. При этом социально-экономические преимущества и культурный капитал продолжают определять траектории элитной мобильности, что согласуется с концепцией П. Бурдьё о механизмах символического воспроизводства власти.

5. Опыт Китая доказывает адаптивные свойства институционализированной циркуляции элит, смягчающие жёсткость межпоколенческого воспроизводства, поскольку Коммунистическая партия, непрерывно корректируя кадровую политику с учётом меняющейся социальной структуры, стремится предотвратить закрытие руководящего, элитного слоя. В результате в политическую элиту инкорпорируются акторы, обладающие экономическим и техническим капиталом и внегосударственными сетями, что обновляет социальную базу управления и в известной мере повышает институциональную результативность.

Институционализированная циркуляция политической элиты содержит элементы инклюзивности, поскольку наряду с жёстким партийным контролем действуют каналы представительской инкорпорации, через которые ограниченно вливаются разнородные группы — независимые исследователи и деятели культуры, представители этнических меньшинств, выпускники зарубежных вузов, что расширяет спектр артикулируемых интересов и усиливает адаптивный потенциал системы. Эти два процесса — кооптация частного предпринимательского сектора и массовизация высшего образования имеют общий эффект: расширяется набор источников рекрутирования при одновременном усилении селективности каналов.

6. В настоящее время синтез теоретических и эмпирических наблюдений позволяет утверждать, что китайская институционализированная циркуляция политических элит представляет собой подвижное сопряжение структурных ограничений и агентных стратегий, соединяя институционалистскую логику с элементами элитистского воспроизводства. Таким образом, при Си Цзиньпине складывается синтез элитного воспроизводства и институционализированной циркуляции элит: с одной стороны, элита в известной мере самовоспроизводится через образование, родственные связи и неформальные сетевые взаимодействия, что поддерживает преемственность управленческих компетенций и ценностных ориентиров, а с другой стороны, действуют

институциональные фильтры и социальные лифты, вводящие новые кадры и препятствующие замыканию руководящего слоя. В результате устойчивость политической системы возрастает, поскольку адаптивное обновление верхних эшелонов власти происходит без утраты профессиональной памяти, а плановая ротация свидетельствует об управляемой открытости, смягчает социальное напряжение в рамках предсказуемой и селективной динамики.

Апробация результатов диссертационного исследования

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры современной социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Основные результаты диссертационного исследования были представлены автором в виде докладов на ежегодных общероссийских и международных научных форумах¹⁹. По теме диссертационного исследования опубликовано 10 работ общим объемом 5,48 п.л., включая 10 научных статей в журналах рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук²⁰.

---

¹⁹ В их числе: Третий академический форум по инновационному марксизму (24 сентября 2023 г., Шанхай, Китай); 16-й форум Всемирного общества политической экономии (25-27 сентября 2023 г., Фучжоу, Китай); VI Московский экономический форум (май 2024, г. Москва); VIII Международный конгресс политической экономии имени А.В. Бузгарина (май, 2024 г., Москва); XVIII Всемирный политико-экономический форум (август 2025 г., Стамбул, Турция).

²⁰ Ли Чжожу. Социальная структура китайской элиты в условиях модернизации: институционализируемая циркуляция, многомерная напряженность и траектории развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. Т. 31. № 4. С. 150–171; Ли Чжожу, Ханс-Йоахим Виллердинг. Взаимодействие профессионализации кадров и институциональной эластичности: историко-материалистический сравнительный анализ опыта ГДР и Китая // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 241–258; Ли Чжожу. Изменение социальной структуры Китая в эпоху Си Цзиньпина (2012–2025): двойная траектория китайской модернизации и капиталистических элементов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2025. № 4. С. 76–88; Ли Чжожу. Китайская практика марксистской теории государства: логика реформ и институциональных инноваций в КПК в период с Третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва по Третий пленум ЦК КПК 20-го созыва // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 248–258; Ли Чжожу, Ван Цзинсюань. Многомерный анализ эволюции структуры социальной стратификации и трансформации социальных противоречий в Китае XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8. С. 51–56; Ли Чжожу, Макаров И.Н. Социальная структура китайской политической элиты в условиях модернизации, основные

Структура и объем диссертации

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и списка литературы. Объем основного текста диссертационной работы составляет 234 страницы, приложений – 9 страниц, список литературы содержит 188 наименований.

тенденции ее развития // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2024. № 9. С. 81–92; Ли Чжожу, Комендантов И.С. Возрождение и развитие экономической элиты в процессе китайской модернизации: развитие социальной структуры и её особенности // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 7. С. 58–66; Ли Чжожу, Исаков В.П. Эволюция группы элиты СССР в центре КПСС: опыт, характеристики и извлеченные уроки // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 5. С. 77–85; Ли Чжожу. Характерные черты движения вперед китайского общества в условиях китайской модернизации // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2024. Т. 3. № 5. С. 87–93; Ли Чжожу. Диалектика Си Цзиньпина и китайская модернизация: теория, особенности и практика // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2023. Т. 29. № 3. С. 220–240.

ПЕРВАЯ ГЛАВА. МОДЕРНИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СУБЪЕКТЫ

1.1. Сущность и динамика модернизационных процессов в современном Китае

Полноценный научный анализ воздействия модернизации на развивающуюся социальную структуру Китая в XXI столетии, с акцентом на трансформацию политической элиты в период политики «реформ и открытости», предполагает выделение институциональных и структурных параметров, релевантных процессу модернизации китайского общества. Однако для того, чтобы обеспечить достоверность последующего анализа, необходимо сначала определить понятие «модернизация» в координатах различных теоретико-методологических конструктов, обосновать их валидность применительно к социальным реалиям современного Китая, а затем – выделить ключевые направления процесса модернизации китайского общества и тех субъекты, которые в нем наиболее активно участвуют.

Существительное «модернизация» образовано от английского слова «modern», которое в переводе на русский язык означает обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. В социологии, как отмечают Э. Гидденс и Э. Саттон, «слово современный (modern) может использоваться для обозначения всего нового, а противопоставление древнего и нового становится общим местом в Европе с конца XVI века. Сама идея модернизации, как придания чему-то современного облика вызывала сопротивление вплоть до XIX века, когда отношение к ней приобрело позитивный оттенок –

модернизация транспорта, жилья, социальных установок и многого другого воспринималась как необходимая и прогрессивная»²¹.

Модернизация – общественно-исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми. В классической социологии этот термин был осмыслен Э. Дюркгеймом как процесс социальной дифференциации, посредством которого осуществлялось разделение труда, М. Вебером – как процесс рационализации, в ходе которого хозяйствующие субъекты стремились максимально повысить собственную экономическую отдачу»²². В современной социальной теории это понятие имеет достаточно широкое значение, отсылающее к историческому периоду, начавшемуся в середине XVIII века, когда «философы Просвещения, поставили под сомнение традицию, авторитет религии и общепринятые верования, полагая, что человеческий прогресс возможен только благодаря рациональному мышлению, науке и стремлению к свободе и равенству»²³.

Если исходить из этих предпосылок, то «модернизация» – это макропроцесс перехода от традиционного общества к обществу современному, обществу «модерна» или от общества аграрного – к обществу индустриальному. Модернизация – «совокупность социальных, экономических, политических, культурных и иных процессов, связанных с переходом от традиционного (доиндустриального, аграрно-традиционалистского) общества к современному индустриальному и формирующемуся постиндустриальному обществу, основанному на инновациях во всех сферах жизни»²⁴, - отмечает российский ученый В.И. Пантин. В подобной трактовке, на наш взгляд, отражен узкий смысл модернизации, когда под ней понимается лишь процесс

---

²¹ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Р. Рождественской, С. Гавриленко. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики, 2018. С. 24.

²² Соколова Г.Н. Модернизация // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003. С. 583 – 584.

²³ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Р. Рождественской, С. Гавриленко. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики, 2018. С. 24.

²⁴ Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004. С. 7.

перехода от одного типа общества – к другому, более современному. При этом акцент делается на формировании индустриального общества, а сама модернизация рассматривается как процесс, протекающий параллельно процессу индустриализации, связанный с трансформацией системы хозяйствования, вооружения и организации труда.

Социологи признают, что решающим фактором модернизации выступает замена традиционных ценностей, препятствующих социальным изменениям и экономическому росту, на ценности, мотивирующие хозяйствующих субъектов на инновационную деятельность, в том числе разработку, создание и распространение новых технологий, влекущих за собой генерирование новых социально-экономических отношений.

Согласно исследователю С.Н. Гаврову, исторически понятие модернизации рассматривается преимущественно в трёх различных значениях:

- 1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени;
- 2) как догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать;
- 3) как процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), осуществляющиеся посредством проведения реформ и внедрения инноваций. Именно исходя из этого ученые различают «первичную» и «вторичную» модернизацию.

Под «первичной» модернизацией понимают процесс, осуществленный в эпоху промышленных революций (XVII – XVIII вв.) — классический «чистый» тип, благодаря которому появились ведущие экономические страны (Великобритания, Германия, Франция, США и т.д.). Под «вторичной» модернизацией понимается процесс, сопровождающий формирование индустриального общества в странах третьего мира — она происходит в условиях наличия уже апробированного опыта развития в странах Запада. Особенности «вторичной» или догоняющей модернизации в ряде стран

являлись её форсированный характер, авторитарные методы, стремление к преодолению «отставания» посредством «великого рывка» с использованием потенциала тотальной мобилизации масс²⁵.

Фактически же во всех обществах, в том числе европейских, модернизационные процессы протекали по различным сценариям, лишь отчасти планируемыми и прогнозируемыми их участниками и инициаторами. В конкретные исторические эпохи отдельных стран модернизация могла направляться на заимствование и воспроизведение фрагментов иностранного опыта или обосновываться собственными национальными традициями, сопровождаться реформами или революциями, затрагивать все общество или отдельные его сферы и подсистемы. При этом в роли субъектов модернизации могло выступать государство, представляемое политическими лидерами, чиновничеством и армией, а также заинтересованные в преобразованиях экономически активные слои населения, интеллигенция и другие социальные группы.

Достаточно быстро, по мере нарастания и развития модернизационных процессов, в западноевропейской и американской общественной мысли стали формироваться «школы модернизации», представители которых предпринимали попытки научного осмысления модернизационных процессов и их моделирования. В эволюции этих школ исследователи выделяют следующие этапы или «волны».

Первый этап (этап ранней модернизационной перспективы) — вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг. ознаменован рождением и быстрым ростом модернизационных исследований в «классической версии», когда превалировали представления об универсальности линейно-поступательного развития социума от «традиционного» общества к «современному», ориентированного на Западные страны, то есть развитие

---

²⁵ Соловьева В.Л. Теория модернизации в контексте развития общественной мысли в XX веке // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. С. 312 – 316.

общества рассматривалось как всеобъемлющий, универсальный процесс, с одинаковыми этапами для всех стран и народов.

Практически все исследователи ранней модернизационной теории (У. Ростоу, А. Органский, М. Леви, Д. Лернер, Н. Смелзер, С. Блэк, Ш. Эйзенштадт и другие), несмотря на свою разнообразную дисциплинарную принадлежность, соглашались с рядом теоретико-методологических предпосылок эволюционистского и структурно-функционального подходов, что способствовало формированию линейной модели модернизации. В контексте линейной модели модернизация рассматривалась как системный и имманентный процесс, который объединяет различные факторы и атрибуты модернизации в единое целое, предполагая их проявление в кластерах, а не в изоляции. Сам процесс модернизации интерпретировался как революционный, сопровождающийся радикальными и всеобъемлющими изменениями в моделях человеческой жизни и деятельности при переходе от традиционного к современному. В рамках данного подхода считалось, что невозможно свести модернизацию к какому-либо единственному измерению.

Сторонники линейной модели утверждали, что модернизация приводит к изменениям практически во всех сферах человеческой мысли и поведения. Это вызывает процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, формирования национальной идентичности, распространения средств массовой информации, повышения уровня грамотности и образования, а также к созданию современных политических институтов и увеличению политического участия. Они рассматривали процесс модернизации как внутреннее внедрение изменений в социальную систему. По их мнению, как только в одной из областей деятельности происходят изменения, это неминуемо приводит к соответствующим реакциям в других областях.

Линейная модель подразумевает, что модернизация является процессом, который протекает двумя путями: распространением европейских идей,

институтов и технологий в мире и внутренним развитием неевропейских обществ. Приверженцы этой модели полагали, что все общества можно упорядочить по шкале от традиционности к современности. В 1960-х годах начался процесс переоценки вестернизаторских идей, который к 1970-м годам привел к пониманию: разрушение традиций может иметь катастрофические последствия для всего общества.

Второй этап, охватывающий конец 1960-х – 1970-е годы, именуется «критическим». В это время модернизационная концепция столкнулась с серьезной критикой, причем как со стороны внутренних, так и внешних сил, представленных конкурирующими теориями. В этот период начались серьезные споры вокруг упрощенного понимания развития обществ. Многие авторы подчеркивали сложность взаимодействия «традиционных» и «современных» начал в ходе модернизации общества. Они рассматривали эти два полюса развития как взаимосвязанные и взаимовлияющие силы, которые в процессе взаимодействия переплетаются и взаимно обогащают друг друга.

Представление о модернизации как длительном переходе от «относительно немодернизированных» к «относительно модернизированным» обществам, получило углубленное развитие в концепции парциальной (или частичной, фрагментированной) модернизации, автором которой выступил Д. Рюшемейер. Частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур.

Суть парциальной модели сводится к признанию возможности «застревания» некоторых обществ на стадии «частичной модернизации». Таким образом, это означало предоставление права на существование еще одному пути (ответвлению), пускай неполноценному, от традиционности к

современности²⁶. В определенной степени выдвижение модели парциальной модернизации являлось шагом от линейного видения исторического процесса в сторону парадигмы, подразумевавшей возможность многолинейной динамики. Кроме того, традиционные культурные ценности и нормы, специфические особенности сознания и мировоззрения признаются на новом этапе важным фактором развития, хранилищем форм поведения, символов и общезначимых смыслов, обеспечивающим его стабильность и непрерывность²⁷.

В 1980-е начался третий этап – посткритический – в рамках которого произошло возрождение исследований модернизации. В это время проявились тенденции к сближению теории модернизации, концепции зависимости и мир-системного анализа. На этом этапе сформировалась идея модернизации обществ с акцентом на их национальную культуру, без навязывания западных ценностей. Таким образом, произошел синтез универсальных и партикулярных принципов.

Четвертый этап, охватывающий 1980-е – 1990-е годы, характеризуется развитием неомодернизационного и постмодернизационного анализа. Этот период был во многом обусловлен масштабными преобразованиями в странах Центральной и Восточной Европы, а также Евразии. В конце 1980-х – начале 1990-х годов в теории модернизации акцент сместился в сторону учета социокультурных особенностей незападных сообществ, а также поиска принципиально новых, самостоятельных путей развития, основанных на собственных ценностях и нормах.

Разработка современных, многолинейных версий модернизационных исследований связана с именами Э. Тириакияна, П. Штомпки, Р. Робертсона, У. Бека, К. Мюллера, В. Цапфа, А. Турена, С. Хантингтона и др. Теоретико-методологическое ядро этих многолинейных моделей образуют следующие общие принципы:

---

²⁶ См. подробнее: Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М.: ЦЭИ, 2002. С. 146 – 168.

²⁷ См. напр.: Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // New Brunswick, Transaction, 2002. P. 1 – 30.

- отказ от односторонней линейной трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей;
- признание возможностей собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску), поворотных точек, в которых в процессе развития может происходить смена маршрута движения;
- акцент на конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, придание ей статуса дополнительного фактора развития;
- отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации;
- осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса, даже если конкретным обществом пройдена стадия «взлета» (в терминологии У. Ростоу);
- признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса.
- отказ от жесткого детерминизма любого толка (экономического, культурного, политического, когнитивного и т.д.),
- акцент на комплементарный, взаимодополняющий характер взаимосвязей между различными социальными факторами и системами.

Безусловно, многолинейная модель расширила познавательные возможности модернизационного анализа, была более «историчной», характеризовалась большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности.

Шведский ученый Г. Терборн предложил оригинальную концепцию для углубления анализа процессов модернизации, применяя структурационный метод. Его работа «Европейская современность и за ее пределами: пути развития европейских обществ, 1945-2000 гг.» представляет собой масштабное

историко-социологическое исследование, в рамках которого автор разработал уникальную аналитическую схему. Эту модель он охарактеризовал как «компас, необходимый для ориентации в мириадах продолжающихся социальных процессов». В своей концепции Терборн особое внимание уделяет аспектам культурного и структурного характера, что позволяет расширить понимание динамики развития современных европейских обществ²⁸.

Тем не менее, несмотря на определенные эвристические моменты, основная проблема всех западных теорий модернизации состоит в том, что само понятие «модерн» носит слишком общий и размытый характер. В силу этого невозможно дать непротиворечивое объяснение причин или последствий модернизации. Как отмечают Э. Гидденс и Э. Саттон, «западные теории не могут объяснить неуклонный рост неравенства в глобальной системе и очевидную неспособность многих развивающихся экономик уменьшить его уровень»²⁹. Более того, «не ясно, какие элементы (субъекты) образуют главную движущую силу процессов модернизации»³⁰, что делает проект модерна, по мнению Ю. Хабермаса, явно незавершенным³¹.

Исследователи неомарксистского толка оспаривают тезис о том, что неизбежный процесс модернизации автоматически подтолкнет слаборазвитые страны к экономическому росту и процветанию. Они указывают на то, что в реальности наблюдается противоположная картина – самые бедные государства продолжают находиться в подчиненном положении по отношению к развитым странам, их природные ресурсы выкачиваются, а население эксплуатируется в качестве недорогой рабочей силы транснациональными корпорациями из западных стран. Следовательно, идея об универсальной модели модернизации,

---

²⁸ Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146 – 168.

²⁹ См., напр.: Wagner P. *Modernity: Understanding. The Present* Cambridge < Polity, 2012/

³⁰ Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Р. Рождественской, С. Гавриленко. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики, 2018. С. 26.

³¹ См. подробнее: Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40 – 54.

где западное общество выступает в качестве эталона, не подтверждается реальными данными. История демонстрирует существование «различных путей к современности», то есть к обновлению и развитию, что наглядно демонстрирует опыт Китая.

На наш взгляд, термин «модернизация», также как «глобализация», и многие похожие понятия – всего лишь «ярлык», который умело навешивают идеологи западного мира тогда, когда фактически хотят подчинить своим узкокорыстным интересам остальных членов мирового сообщества, подавить те реальные и «автономные от Запада» трансформационные процессы во всех сферах общественной жизни. В данной связи, прежде чем перейти к анализу сути модели модернизации, а точнее – комплексного обновления современного Китая, следует еще раз обозначить ряд его отправных моментов.

Прежде всего, необходимо вести речь не о модернизации вообще, как некой абстракции, оторванной от фундамента социальной жизни, а о ее более конкретной форме – а именно – о модернизации общества. В широком смысле модернизация общества – это глубокое обновление социально-экономических, политических, культурно-духовных основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований.

Модернизация общества носит комплексный характер, протекает на макро-, мезо- и микроуровнях общественной жизни. Прежде всего, эти уровни связаны с технологической составляющей процесса модернизации. Так, макроуровень образуется через смену технологических укладов; мезоуровень – это происходящая с периодичностью примерно в десять лет смена поколений техники, обновление активной части основных фондов, микроуровень – это обновление моделей и модификации продукции, совершенствование её параметров на базе улучшающих инноваций в рамках промышленных предприятий. моделей и модификации продукции, совершенствование ее параметров

В то же время, модернизация общества всегда сопровождается изменениями социальных институтов, поведения и мышления людей, их ценностных ориентаций. С точки зрения различных теоретических подходов в качестве ключевых факторов-детерминант модернизации рассматриваются экономические и политические отношения, развитие техники и средств коммуникации, превалирующие формы знания (религия, наука), особенности культуры и порождаемых ею мотиваций человеческой деятельности.

В теоретико-методологических рамках исторического материализма модернизация понимается как глобальный диалектический процесс перехода от одной общественно-экономической формации к другой, находящейся на более высокой стадии экономического и социально-политического развития. При этом «категория общественно-экономической формации делает положение об определяющей роли общественного бытия более полным, реальным и конкретным. Она выражает то целое, в котором проявляют себя определяющая роль общественного бытия как базиса общества и подчиненная, но *отнюдь не пассивная* (курсив наш – Л. Ч.) роль политической и идеологической надстройки»³².

Процесс модернизации неизбежно включает в себя два компонента:

- 1) развитие базиса (структуры производительных сил общества), который задает технологический (материальный) вектор процессу модернизации;
- 2) модернизацию надстройки, которая предопределяет её социальный вектор, то есть социальную направленность данного процесса.

В современном Китае модернизация трактуется как процесс стадийного перехода от традиционного к современному состоянию, в котором эмпирически выявляются дифференциация и неравномерность. «Китайская модернизация»

---

³² См. подробнее: Попов М.В., Мазур О.А. Материализм и теория формации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.

представляет собой институционально и культурно специфичный вариант общего, глобального модернизационного процесса, обеспечивающего ускоренное развитие при сохранении социалистических приоритетов.

Специфику процесса модернизации в Китае определяют следующие особенности.

Во-первых, социалистический тип пути общественного и соответственно модернизационного развития, принципиально отличный от капиталистического типа.

Во-вторых, непосредственное руководство данным процессом со стороны Коммунистической партии Китая, что задает ему стратегическую направленность.

В-третьих, специфические условия реализации, связанные с наличием огромного человеческого капитала и культурно-историческими особенностями развития страны.

Эти особенности во многом определили целевые установки многогранного модернизационного процесса в КНР: целевую установку на «общий достаток», ориентацию на общечеловеческие ценности совместного развития и взаимозависимости, синхронность и согласованность в городских и сельских модернизационных мероприятиях.

Следует отметить, что концепт «модернизации», оформившийся в конце 1970-х годов и неоднократно уточнявшийся, в логике соотношения производительных сил и производственных отношений исходит из сопряжения традиционных культурных ресурсов с актуальными научно-технологическими достижениями и отобранными элементами мирового опыта, адаптируемыми к локальным контекстам. На этой основе формируется особая – китайская модель, укоренённая в исторической специфике и институциональных практиках страны, но открытая заимствованиям и новациям. Таким образом, снимается редукция модернизации к вестернизации и создаётся база для серьёзного социологического анализа её содержания и специфики.

После старта экономических реформ и политики «открытости» (1978 – 1992 гг.) ослабление прямого контроля над распределением ресурсов ускорило становление рыночной модели и усложнение социально-экономических структур: трансформировались централизованные институты, сформировались новые слои и ассоциации, а усиливающаяся дифференциация стимулировала мобильность, укрепляя рынок и закрепляя поворот от жёсткой централизации к децентрализованной системе с множественными ресурсами и статусами.

Начиная с 2012 г. экономика страны претерпела серьезные материально-технические и институциональные преобразования. Так, за период с 2012 по 2024 гг. объем ВВП страны вырос с 519 470 млрд юаней³³ до 1349084 млрд юаней³⁴, а экономика Китая по показателям валового внутреннего продукта опередила экономику Японии, заняв второе место в мире по своим масштабам.

Кроме того, значительное развитие получила цифровая экономика. Как отмечают исследователи, «цифровая экономика — это тактика ведения народного хозяйства, где оцифрованные знания и информация — ключевой производственный фактор, современные информационные сети — носитель информации, а информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — движущая сила производительности и оптимизации структуры экономики»³⁵. Например, данные Китайской академии информационных и коммуникационных технологий (CAICT) показывают, что с точки зрения «широкой» цифровой экономики масштабы³⁶ цифровой экономики Китая увеличиваются из года в год – с 2016 по 2022 годы. В 2022 году они уже достигли 50,2 трлн. юаней (около 7,27 трлн. долларов), что составляет 41,5%

---

³³ ГСУ Китая. Объявление Национального бюро статистики об окончательной проверке ВВП (валового внутреннего продукта) в 2012 году. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

³⁴ ГСУ Китая. Предварительные результаты учета ВВП за четвертый квартал и полный 2024 год. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

³⁵ Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М.: Интеллектуальная литература, 2019. С. 21 - 22.

³⁶ Под масштабом цифровой экономики в дальнейшем подразумеваются широкая цифровая экономика; узкая цифровая экономика и связанные с ними показатели и понятия, будут специально указаны – прим. авт.

ВВП Китая³⁷. По данным Китайской академии информации и коммуникационных технологий (САИСТ), масштабы цифровой экономики Китая выросли с 15% ВВП в 2008 г. до 41,5% в 2022 г., а темпы роста цифровой экономики всегда превышали темпы роста ВВП³⁸, что свидетельствует о том, что развитие цифровой экономики оказывает большое влияние на рост ВВП.

Фундаментом и базовым направлением развития всей цифровой экономики является процесс цифровой индустриализации. В 2022 году масштаб цифровой индустриализации Китая достиг 9,2 трлн юаней, что составило 7,6% ВВП и 18,3% цифровой экономики³⁹. Кроме того, заметную роль в росте цифровой экономики играет интеграция традиционных отраслей и информационно-компьютерных технологий, то есть цифровизация промышленности. В 2022 году масштабы промышленной цифровизации примерно в четыре раза превысили цифровую индустриализацию, а темпы роста как промышленной цифровизации, так и цифровой индустриализации составляют около 10,3%⁴⁰. То есть цифровизация промышленности достигла быстрого роста и сыграла важную роль в развитии цифровой экономики и даже экономики в целом.

Преимущества цифровой экономики Китая сосредоточены в новых цифровых отраслях, таких как электронная коммерция, цифровые финансы,

---

³⁷ САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2022) [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития // URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm, свободный – (Дата обращения 05.08.2023).

³⁸ САИСТ. Белая книга о глобальной цифровой экономике (2022) [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития // http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm, свободный (Дата обращения 05.08.2023). С. 7.

³⁹ САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2023) [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития // http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm, свободный (Дата обращения 15.08.2023).

⁴⁰ САИСТ. Белая книга о глобальной цифровой экономике (2022) [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития // http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm, свободный (Дата обращения 05.08.2023). С. 12.

облачные вычисления, беспилотники и фотоэлектрическая промышленность⁴¹. Стремительное развитие этих отраслей связано с мощной их поддержкой со стороны государства – по данным ЮНКТАД, инвестиции Китая в исследования и разработки в новые технологические области достигли 2% ВВП в 2020 году⁴².

Исследователями доказано, что влияние цифровой трансформации и общая структура занятости в китайском обществе постоянно меняются. Поэтому влияние цифровой трансформации на экономическую деятельность проявляется не только в повышении эффективности экономической деятельности, снижении социальных и экономических издержек, но и в создании дополнительных рабочих мест. В 2020 году количество рабочих мест, принятых на работу в сфере цифровой индустриализации в Китае, составило 32,6% от общего числа новобранцев в цифровой экономике, а количество принятых на работу сотрудников составило 24,2% от общего числа принятых на работу в цифровой экономике⁴³. Кроме того, высокотехнологичные и развивающиеся отрасли Китая в цифровой экономике имеют огромный спрос на таланты, а структура занятости в Китае развивается от низкоквалифицированной, низкоуровневой структуры занятости до высококвалифицированной, высокоуровневой структуры занятости⁴⁴.

Стремительный макроэкономический рост в КНР, усилив международную конкурентоспособность, инициировав глубокую перестройку производственных отношений и социальной структуры, изменил стратификационный ландшафт. По мере роста экономической активности и высвобождения производительных сил фиксируется перераспределение

---

⁴¹ Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks / International Monetary Fund. 2019. – P. 4 - 6; UNCTAD. Technology and Innovation Report 2021 // <https://unctad.org/webflyer/technology-and-innovation-report-2021> (Дата обращения: 10.05.2022).

⁴² DIGITAL 2022: GLOBAL OVERVIEW REPORT // https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report?utm_source=Global_Digital_Reports&utm_medium=Article&utm_campaign=Digital_2022 (Дата обращения 05.04.2022).

⁴³ См.: Цзо Ци. Цифровое доверие в цифровой трансформации Китайской Народной Республики. Дисс. канд. соц. наук. М.: МГУ, 2024.

⁴⁴ Цзо Ци. Цзо Ци. Цифровое доверие в цифровой трансформации Китайской Народной Республики. Дисс. канд. соц. наук. М.: МГУ, 2024.

социально-классовых отношений — сдвиги в доходах, городско-сельских пропорциях и структуре занятости, тогда как углубляющаяся дифференциация формирует новые группы интересов и обостряет конфликты с традиционными классами.

Таким образом, модернизация в Китае представляет собой сложную многоуровневую комбинацию институциональных реформ, структурных экономических и социальных преобразований, а также кадровых изменений, поскольку неизбежно требует обновления кадров. Тем не менее, факторы, определяющие занятость и профессиональную структуру, отличаются многообразием и сложностью. С 2012 года общее число трудоспособных граждан в Китае сократилось с 930⁴⁵ до 858⁴⁶ млн. (к концу 2024 г.), что ослабило прежний избыток рабочей силы, но одновременно обнажило новые проблемы структурной, фрикционной и циклической безработицы. Занятость смещается из первичного сектора в другие отрасли: в период 2012–2023 гг. доля занятых в сельском хозяйстве снизилась с 33,49% до 22,8%, во вторичном секторе — с 30,3% до 29,1%,⁴⁷ а в третичном секторе выросла с 36,05% до 48,1%,⁴⁸ образуя «перевернутую пирамиду», характерную для постиндустриальных обществ.

Ускоренное развитие высокотехнологичных и капиталоемких отраслей слабо способствует массовому поглощению рабочей силы, усиливая напряжённость, особенно среди молодёжи. По данным статистических

---

⁴⁵ ГСУ Китая. Трансформация страны с большим населением в страну с сильными человеческими ресурсами: результаты высококачественного развития населения - отчет № 15 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития в новом Китае // https://www.stats.gov.cn/sj/sjkd/202409/t20240920_1956588.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁴⁶ ГСУ Китая. Ван Пинпин: Общее снижение численности населения сокращается, качество населения продолжает улучшаться // https://www.stats.gov.cn/sj/sjkd/202501/t20250117_1958337.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁴⁷ Источник: база данных "государственные данные" ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0402&sj=2024> (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁴⁸ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось - Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая // https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzcyj/202409/t20240920_1956594.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

наблюдений, уровень безработицы среди городских жителей 16–24 лет в декабре 2023 г. составил 14,9%, к августу 2024 г. поднялся до 18,8%, а в январе 2025 г. вернулся к 16,1%; схожая тенденция характерна и для возрастной группы 25–29 лет⁴⁹.

Следует отметить, что в Китае системный дисбаланс городских и сельских траекторий развития сохраняется: несмотря на преодоление в 2011 г. 50-процентной отметки урбанизации (51,27%) и достижение к концу 2024 г. уровня 67% ($\approx 943,5$ млн городских жителей),⁵⁰ разрыв остаётся устойчивой чертой социальной структуры. Разграничение «город — деревня», закреплённое правилами учёта населения, за последнее десятилетие заметно смягчилось, однако в ряде прибрежных экономически развитых регионов (Гуандун, Шанхай, Чжэцзян, Фуцзянь, Шаньдун) оформились «супердеревни», сопоставимые по экономическому потенциалу с городскими территориями, что меняет контуры стратификации. В то же время в центральных, западных и северо-восточных областях сохраняются отставание сельского хозяйства, стагнация местной промышленности, имеет место отток населения и налицо экологические риски, углубляющие неравенство сельской среды. Однако такая ускоренная трансформация распределительных механизмов и урбанистические сдвиги одновременно расширяют возможности мобильности и фиксируют устойчивые территориальные асимметрии.

В Китае растёт численность рабочего класса, во многом за счёт сельских трудовых мигрантов: по оценкам, в 2023 г. их число достигло 298 млн человек, то есть около 40,27% занятого населения⁵¹. Однако внутренняя структура этого

⁴⁹ Источник: база данных "государственные данные" Национального бюро статистики Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zб=A0E01&sj=202502> (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁵⁰ ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты // https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁵¹ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось - Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая //

класса крайне неоднородна. При этом всё большее число таких работников занято в сфере услуг (около 53,8% в 2023 году),⁵² где предприятия зачастую не располагают сильной традицией профсоюзной поддержки или механизмами коллективного представительства. В наблюдаемом массиве данных ослабевает классовая консолидация и сокращаются возможности корпоративной солидарности работников сектора услуг по сравнению с индустриальными предприятиями, где формы объединений институционально закреплены.

Параллельно расширяется сегмент самозанятых и частных предпринимателей: по официальным данным к сентябрю 2024 г. насчитывалось свыше 125 млн. индивидуальных предпринимателей; частных предприятий — 55 млн (92,3% зарегистрированных)⁵³. Частный предпринимательский сектор, долгое время дополнявший госсектор, со временем стал одним из ключевых драйверов рыночного роста и преобразований. Вместе с тем статистические ряды и эмпирические наблюдения фиксируют явную неоднородность этой группы и широкий спектр интересов и стратегий; следовательно, оценка её дальнейшей роли в социальной структуре остаётся условной и контекстно-зависимой.

Как уже было показано при постановке научной проблемы, задавшей вектор настоящему исследованию, стратификационную структуру общества можно рассматривать в различных аспектах, — социально-территориальном, социально-демографическом, социально-этническом, социально-конфессиональном, социально-политическом или профессиональном, выделяемой по объективным основаниям. Однако самым актуальным аспектом остается классово-стратификационный, в соответствии с которым наиболее

---

https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzcyj/202409/t20240920_1956594.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁵² ГСУ Китая. Отчет о мониторинге труда мигрантов за 2023 год // https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁵³ Агентство новостей Синьхуа. Число зарегистрированных частных предприятий по всей стране превышает 55 миллионов // <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html>. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

часто предметом социологического анализа служит социально-классовая (классовая) структура. Социально-классовая структура – это «совокупность взаимосвязей и взаимодействий общественных классов, слоев и групп, отражающая их социальное неравенство»⁵⁴. Основными единицами при рассмотрении подобной структуры какого-либо общества, прежде всего, с социально-экономических позиций являются классы, а проблема «социальных классов имеет свою судьбу, тесно связанную с историей развития социального знания вообще»⁵⁵.

Однако для того, чтобы четко понимать, какая именно группа в социальной структуре общества является движущей силой (субъектом) модернизационных процессов в современном Китае, необходимо проанализировать структуру и мобильность его элитных слоев. Это связано с тем, что очевидным пробелом всех западных концепций модернизации является акцент на стихийности и деперсонализации этого процесса.

Следует отметить, что, начиная с 1978 г., многоступенчатые трансформации усложнили стратификационный ландшафт Китая и институционально оформили сравнительно узкие высокостатусные (элитные) группы. Так, вопреки эгалитарным представлениям, был эмпирически зафиксирован элитный сегмент, воздействующий на социальную, экономическую и культурную сферы, когда структурно выделились три элитные подгруппы — политическая, экономическая и культурная, каждая — с особыми правилами отбора и продвижения. Их современные контуры расширяются за счёт инноваций, межсекторальной мобильности и сетевых форм взаимодействия, опирающихся на регулируемые каналы селекции и ротации.

---

⁵⁴ Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. С. 348.

⁵⁵ Солнцев С.Н. Общественные классы / вступ. Статья, сост. и комментарии В.С. Сычевой. М.: Астрель, 2008. С. 33.

С точки зрения социологии модернизационное развитие Китая эмпирически сопряжено с вертикальной мобильностью классов и горизонтальными траекториями элит. Ключевые политические институты выступают центром координации, регулируя общественно-политические процессы и регуляторные механизмы доступа к ресурсам, вследствие чего политические полномочия, как правило, институционально связаны с управлением государственными активами – устойчивой связкой политической власти и экономического влияния⁵⁶. Параллельно общество функционирует как источник инкорпорации: неполитические элитные кластеры включаются по каналам горизонтальной мобильности со стороны политической элиты, однако дискуссионным остаётся вопрос о цене такой интеграции и её идеологических границах.

Применительно к Китаю поздний старт индустриализации и модернизации, компенсированный руководством КПК, за несколько десятилетий обеспечил масштабные результаты в промышленной, урбанистической и информационной сферах. При этом «китайская модернизация» не сводится к копированию западной капиталистической модели, а выступает особым вариантом с собственным содержанием и спецификой. Эти специфические характеристики, которые раскрываются ниже, трактуются и как программные ориентации официального дискурса и как гипотезы о механизмах, подлежащих эмпирической верификации, которые дополнительно сопоставляются с индикаторами стратификационных сдвигов, параметрами ротации и горизонтальной мобильности как народных масс, так и элитных групп.

Если говорить о китайской альтернативе тезису о «вестернизации как единственно возможном пути прогресса» — социально-экономические преобразования трактуются не как копирование образцов, а как адаптация

---

⁵⁶ Крылов В.В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове. Москва: Товарищество научных изданий, 2024. С. 415.

разнородных достижений к внутренним условиям. Исходное требование — учитывать специфику локального контекста и избегать механического переноса «универсальных» моделей. Отсюда вывод о возможности органичного совмещения национальных традиций и современных форм общественной организации без утраты уникальных признаков. Уточнённая дефиниция позволяет аналитически разложить переход на этапы, релевантные динамике элит, и, таким образом, поставить вопрос об адаптации этих этапов к особенностям национальных институтов и практик селекции.

Итак, в заданной аналитической рамке, в логике соотношения базиса и надстройки, модернизация трактуется как непрерывное развитие социальной структуры и институциональных механизмов под воздействием экономического роста, технологических инноваций и глобализации. Соответственно в процессе модернизационного развития Китая, сопровождающегося ротацией старых и формированием новых элитных групп, выделяют три этапа.

Первый этап (1978 – 1992 гг.) – этап старта рыночных реформ.

Второй этап (1992 – 2012 гг.) – этап углубленной дифференциации элитных слоев.

Третий этап – с 2012 г. по настоящее время – этап институционализированной циркуляции элит, где формализованные процедуры кадровой ротации сочетаются с расширением инструментов управления, усилением межсекторальной мобильности, инкорпорацией акторов цифровой экономики и постоянной оценкой институциональной результативности.

Поворотным рубежом от второго к третьему этапу стал демонтаж традиционной «системы единиц», охватывавшей до 2012 г. производственные и непроизводственные организации и выступавшей универсальным регулятором доступа к ресурсам и механизмам социальной поддержки. После 2012 г. её элементы были инкорпорированы в обновлённую административную сеть, где сложились «новые сообщества», функционирующие по рыночным принципам и

отражающие развитие общественных отношений и расширение межсекторальной мобильности. Таким образом, менялись входные барьеры и регулятивные каналы отбора и продвижения в элитные группы.

Известно, что любая модернизация требует обновления управленческих кадров, нормативное обоснование которого исторически укоренено в партийной традиции обновления. В данной связи эвристически показательным высказывание Мао Цзэдуна, использовавшего метафору организма и подчёркивавшего необходимость обновления: «<...> без устранения ненужного и принятия свежей крови партия теряет жизнеспособность»⁵⁷. В данной связи в ходе модернизации Китая особую актуальность приобретает управляемая кадровая ротация, минимизирующая риски концентрации властных ресурсов и предупреждающая институциональную инерцию верхних эшелонов власти. Соответственно, на первый план выходит анализ интеграции и дифференциации высокостатусных (элитных) групп, который позволит создать основу для более прозрачной и динамичной системы их селекции и ротации, способной быстро адаптироваться к актуальным запросам модернизационных процессов.

1.2. Элиты как субъект инициации и реализации модернизационных процессов

Китайский опыт показывает, что становление элит системного масштаба опирается на интегративную конфигурацию административных, институциональных и общественных механизмов, обеспечивающих устойчивое воспроизводство и обновление элитных слоев, а расширение внешних экономических и коммуникативных связей диверсифицирует их социальную базу. При этом наличие ресурсных дефицитов и латентных структурных ограничений требует многоуровневых исследований, операционализирующих

---

⁵⁷ Газета «Женьминьжибао», 15 ноября 1968 г. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

факторы, определяющих развитие и устойчивость элиты, являющейся основным субъектом – инициатором и движущей силой модернизационных процессов. Исходя из этого в настоящем параграфе предмет исследования смещается к анализу роли элиты как субъекта инициации и реализации модернизационных процессов, а именно к определению стратегических ориентиров и внутренних организационных механизмов, поддерживающих преемственность курса, вертикальную рекрутацию и горизонтальную мобильность элитных групп, а также результативность государственного управления.

Согласно концепции циркуляции элит, разработанной В. Парето, если приток новых членов в элиту из масс блокируется, то процесс обновления элиты приостанавливается. В Китае, спустя четыре десятилетия после начала политики «реформ и открытости» более 60% населения изменило свой социально-классовый статус, а среди молодёжи до 35 лет этот показатель достиг 79,1%. Такая высокая горизонтальная и межпоколенческая мобильность усложнила конфигурацию социальных связей и снизила вероятность стагнации элитной среды⁵⁸. В то же время возникли так называемые «проблемы представительства», которые наглядно проявились при инкорпорации в элитную среду лиц из частного предпринимательского сектора. Так, включение его представителей в крупные политические объединения, ориентированные на наёмных работников, либо в консультативные процессы имело двойственный эффект: возростала гибкость и институциональная проницаемость состава элит, но одновременно усиливались сомнения в его презентативности и легитимности, что провоцировало внутрисистемную социальную напряжённость.

В частности, анализируя современную ситуацию, голландский исследователь Нана де Грааф указывает, что «при продолжающейся

---

⁵⁸ Гу Хуэй. Переходная классовая структура и механизм трансформации социальной мобильности: теоретическая интерпретация и реалистичный анализ // Zhejiang Journal. 2023. № 06. P. 81 - 92.

транснационализации китайского капитала и корпораций китайская бизнес-элита сталкивается с действующими властными структурами, сформированными транснациональными элитными сетями, расположенными в ядре либерального мирового порядка. Сотрудничество с ними требует адаптации стратегий и моделей поведения со стороны китайской бизнес-элиты. <...> Директора китайских транснациональных корпораций, выходящих на глобальный уровень, через обширные государственно-деловые связи оказались тесно связаны с верхушкой национальной экономики, ключевыми политическими органами и, благодаря личным контактам, с партией-государством. Многие из них занимают высокие посты в Центральном комитете партии и центральных правительственных организациях <...>. Одними из наиболее значимых политических связующих звеньев становятся западные директора, обеспечивающие потенциальный доступ и влияние высокопоставленных политических элит Запада на высшие эшелоны китайских государственно-деловых отношений <...>.⁵⁹ Более того, «в механизмах реализации властных отношений значительную роль играют неформальные политические практики»⁶⁰.

Следует отметить, что конструкция верхних эшелонов власти в КНР принципиально расходится с конфигурациями иных политических систем. Так, уже в 1990-е гг. доля членов ЦК КПК исключительно с партийно-государственным опытом существенно снизилась. На смену им пришло новое поколение технократов и образованных профессионалов, которые стали мощным ресурсом для адаптивного обновления китайской элиты. В период реформ значительно увеличилось присутствие в высшем руководстве специалистов с высшим образованием и практическим, в том числе и управленческим опытом, вытеснивших прежних «революционных ветеранов».

---

⁵⁹ Nana de Graaff China Inc. goes global. Transnational and national networks of China's globalizing business elite // Review of International Political Economy. 2020 № 27:2. P. 208 – 233.

⁶⁰ Федоркин Н.С. Политическая социология и политический менеджмент в предметном поле политической науки// Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25(4). С. 209 - 226.

Такой сдвиг позволил китайской элите конца XX века более адекватно отвечать требованиям модернизации экономики. Новые лидеры инициировали ускоренное развитие экономики и инфраструктуры, владея соответствующими знаниями, чего не могло обеспечить старшее поколение.

Подобное обновление элиты качественно изменило её профиль: существенно повысилась роль рыночного опыта и современного образования в процессе селекции руководящих кадров, что сыграло важную роль в стратегии управления страной на новом этапе. Так, наличие у многих высокопоставленных лиц опыта работы в рыночной среде позволило им лучше понимать логику развития рыночной экономики и стимулировать предпринимательскую инициативу при проведении реформ, а высокий образовательный уровень, который подтверждают ученые степени, часто присвоенные за рубежом, привел к более обоснованному и технократичному стилю принятия решений. Проще говоря, китайская элита стала более профессиональной и открытой для нового, что повысило её способность отвечать на требования динамично меняющегося общества. Кроме того, усложнение социальной структуры китайского общества привело к усложнению социальных отношений, что способствовало относительной дифференциации его элиты, когда её важнейшим сегментом, наряду с элитой политической, стали элита экономическая, а также элита культурная.

Экономическая элита, за более чем сорок лет реформ, претерпела существенное обновление. Так, на местном уровне экономическая элита формируется преимущественно из групп, не интегрированных первоначально в государственный аппарат. Например, в экономически развитых прибрежных провинциях (Гуандун, Чжэцзянь и др.) крупные частные предприниматели все чаще привлекаются во властные структуры – они становятся депутатами местных Народных собраний или членами консультативных органов (НПКСК) провинциального уровня. Такие «красные капиталисты» на региональной арене демонстрируют интеграцию в политическую систему через институциональные

каналы единого фронта. Следует подчеркнуть, что после 2012 г. регулятивные акты существенно расширили присутствие частных предпринимателей в политических институтах. Например, доля представителей бизнеса среди делегатов Всекитайского НПКСК заметно возросла по сравнению с 2000-ми годами. Многие известные частные предприниматели получили статус членов НПКСК или местных консультативных советов, формально не включившись в политический процесс. Это привело к тому, что в обсуждении и выработке государственных решений стал учитываться и голос бизнес-сообщества, а экономическая элита интегрировалась в структуру власти институциональным путем. Такой шаг не только укрепил связь между партийным аппаратом и рыночным сектором, но и повысил способность элиты аккумулировать опыт и инициативы из реальной экономики, что является проявлением её адаптивного обновления. Всё это не только усилило связи между властью и бизнесом на местах, но и способствовало поддержанию баланса интересов и стабильности в обществе на региональном уровне.

Очевидно, что новая социально-экономическая среда при возросших требованиях к качеству жизни сделала профессиональный выбор селективнее, тогда как демографические и технологические факторы, усиливая социологическую значимость структурного распределения рабочей силы, переопределили спрос на компетенции. Одновременно модернизация потребления — рост спроса на культурные товары и услуги — запустила перераспределение отраслевого, а также экономического и культурного капитала, стимулируя экспансию культурной индустрии и укрепляя позиции культурной элиты. В свою очередь, сдвиг структуры занятости, сопряжённый с перераспределением капитала, сделал динамику культурного сектора специфическим каналом элитной кооптации, а модернизация, ускорив рост культурной индустрии, сопровождала этот процесс коммерциализацией и расширением рядов культурной элиты. Таким образом, культурный сегмент,

будучи встроен в институционализированную циркуляцию элит, усилил предсказуемую и селективную динамику горизонтальной мобильности.

В частности, добавленная стоимость национальной культуры и смежных отраслей выросла с 344 млрд юаней в 2004 году до 5 946,4 млрд юаней в 2023 году,⁶¹ а её доля в ВВП увеличилась с 2,13%⁶² до 4,59% за тот же период.⁶³ Подобная динамика отражает высокий уровень коммерциализации сектора, куда активно вливаются новые члены культурной элиты. Совокупность наблюдаемых индикаторов фиксирует продолжающуюся рыночную экспансию и расширение возможностей современной культурной элиты – расширение культурной индустрии генерирует целенаправленный приток ресурсно обеспеченных акторов в элитное поле и модифицирует каналы инкорпорации и селекции.

Появление так называемой «новой элиты», например, элиты в сфере Интернета и новых медиа, в КНР не изменило сложившуюся и обозначенную выше трёхэлитную конфигурацию — она не образует автономного кластера вне. В Китае подобная элита формируется не отдельно от традиционных элит, а посредством её включения в существующую структуру. Так, руководители крупнейших технологических компаний, добившись экономического успеха, получают полуофициальные роли – их приглашают в консультативные органы (например, Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета) или в совещательные советы при правительстве, где они вносят свой вклад в политику модернизации. Это доказывает, что даже новые цифровые элиты не остаются вне элитной системы, а целенаправленно инкорпорируются

---

⁶¹ Государственное статистическое управление Китая. В 2023 году доля добавленной стоимости национальной культуры и смежных отраслей в ВВП составила 4,59% // https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202412/t20241230_1957934.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁶² Государственное статистическое управление Китая. Культурная жизнь народа становится все более разнообразной, строительство культурной державы ускоряется — двадцать первый отчет серии о достижениях экономического и социального развития новой Китая за 75 лет // https://www.stats.gov.cn/sj/sjgd/202409/t20240923_1956632.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

⁶³ Государственное статистическое управление Китая. В 2023 году доля добавленной стоимости национальной культуры и смежных отраслей в ВВП составила 4,59% // https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202412/t20241230_1957934.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

в неё, пополняя ряды экономической и культурной элиты под эгидой государства.

Несмотря на то, что социальная структура Китая заметно диверсифицировалась и расширилась (особенно после 2012 г.), «новая элита» в логике китайской модернизации пока функционирует как добавочный контур, дополняющий уже сложившиеся элитные формирования и заполняющий «пустоты» стратификационного ландшафта. Отсюда вытекает, что, хотя новая элита быстро развивается и наращивает вес, её роль остаётся преимущественно инкорпорационной — она способствует институциональной интеграции и обновлению существующих элит в контексте социальных изменений.

В целом политическая, экономическая, культурная и «новая» элиты располагают специфичными ресурсами и функциями, а формализованные механизмы координации объединяют их в единое элитное поле управления общественной жизнью. Тем не менее, ведущая роль в инициации и проведении модернизационных преобразований принадлежит именно политической элите.

Как уже было частично показано ранее, политическая элита КНР выступала и выступает инициатором модернизационных реформ, удерживая доминирование на стадии их реализации, задавая стратегические ориентиры и ритм социальных трансформаций. Организационным основанием политической элиты выступает правящая Коммунистическая партия Китая как центр координации — через её аппарат консолидируется ресурсный потенциал и программируется направление развития.

Как справедливо отмечает академик КАОН Чэн Эньфу: «связывание руководства КПК с политической сущностью социализма — это теоретическое новшество, являющееся результатом сочетания научного социализма с практикой социализма с китайской спецификой»⁶⁴. Это проясняет триаду

---

⁶⁴ Чэн Эньфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения / Обогащение и развитие существенной коннотации социализма благодаря «Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху». М.: Родина, 2021. С. 299.

«лидерство — сущность — практика» и задаёт нормативно-объяснительный базис для последующего анализа.

Для того, чтобы раскрыть, каким образом обозначенное лидерство превращается в институционализированную циркуляцию элит и поддерживает преемственность — развитие, необходимо далее операционализировать ключевые понятия, а затем обозначить конкретные механизмы этого процесса.

С позиции китайской социологии понятие «политическая элита» трактуется в широком и узком значениях.

В своем «широком» значении оно включает партийно-государственные структуры, руководство массовых организаций и институционализированных экспертных советов. В «узком» значении — это высшее партийно-государственное руководство. В дополнение важно указать уровни (центральный/провинциальный) и периодизацию (с 1978 г.).

Теоретические модели подтверждают, что партиям свойственны программная артикуляция целей, иерархическая структура руководства и способность интегрировать группы поддержки с целью институционального воздействия. Более того, внутри партийной системы формируется руководящее ядро, осуществляющее контроль за стратегическими направлениями и принимающее важнейшие политические решения. Формальные нормы, регулирующие внутрипартийную дисциплину, дополняются неформальными сетевыми взаимодействиями лидеров, что укрепляет положение партий в системе институционализированной циркуляции элит. Таким образом, исследование её конкретных механизмов открывает возможность концептуализации взаимодействия партий с другими сегментами социальной структуры и позволяет оценить их роль в воспроизводстве руководящих слоёв.

Как справедливо отмечает академик КАОН Чэн Эньфу, «Коммунистическая партия Китая — марксистская партия, которая хорошо учится, а обучающаяся партия — отличительный признак передовой

пролетарской партии»⁶⁵. Тем самым организационный принцип сопрягается с институционализацией способности к обучению, что поддерживает согласованность целей и обновление политического курса. Указанные структурно-функциональные признаки раскрываются в партийной модели демократического централизма, задающей соотношение участия и централизации, а также формирующей руководящее ядро.

Российский социолог С.О. Елишев утверждает, что «создать новую элиту возможно лишь в результате масштабных реформ или революционных потрясений, а на это пойдёт или сможет осуществить отнюдь не каждый правитель»⁶⁶. Эта идея С.О. Елишева задействуется как сравнительная эвристика макропредпосылок появления «новой политической элиты», не подменяя китайский контекст. Тем самым указанные предпосылки в нашем анализе переводятся в институционально запрограммированные и процедурно закреплённые механизмы обновления правящего слоя, и, следовательно, партийно-государственная организация Китая превращает «скачкообразную» смену элит в программируемый процедурный процесс и поддерживает баланс преемственности и развития.

На наш взгляд, во избежание редукции связки «лидерство — практика» к эмпиризму целесообразно зафиксировать теоретико-методологический ориентир: стратегическое продвижение модернизации и деятельность политической элиты должны пониматься в рамках единства теории и практики диалектического материализма. Как справедливо отмечает академик КАОН Ван Вэйгуан, «Только настаивая на сочетании теории и практики, диалектический материализм всегда будет оставаться живым и динамичным»⁶⁷.

---

⁶⁵ Чен Энфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения / Многовековой опыт построения марксистской учебной партии в Китае и путь его продвижения. М.: Родина, 2021. С. 226.

⁶⁶ Современная социология: Учебное пособие для Вузов (для направления подготовки 39.04.01 «СОЦИОЛОГИЯ», уровень высшего образования: Магистратура) / Личность как субъект революционного процесса и процесса государственного переворота. М.: АНО ЦЭМИ, 2023. С. 237.

⁶⁷ Ван Вэйгуан. Приверженность и развитие марксизма-ленинизма. Ван Вэйгуан. Избранные труды / Диалектико-материалистическое мировоззрение и методология являются идеологической основой всей теории и практики КПК. М.: Родина, 2023. С. 63.

Соответственно, дальнейший анализ рассматривает институциональные решения и исполнение политики в отношении элит как часть воспроизводимого цикла «теория → практика → обновление теории».

Прежде всего в моделях, сочетающих широкую вовлечённость и централизованную координацию, «демократический централизм» целесообразно трактовать как институционально нормированный режим сопряжения «участия» и «централизации», при котором консультативные процессы и экспертиза обеспечивают участие, тогда как окончательное решение и настройка повестки дня концентрируются в центре координации, а относительный вес компонентов варьирует в зависимости от конфигурации внешних угроз и степени внутренней стабильности.

Кроме того, необходимо четко операционализировать основные понятия, связанные с моделью «демократического централизма» - «участие» и «согласительный формат».

Под «участием» понимаются формально закреплённые каналы — межуровневые согласования, постоянно действующие согласительные комиссии, процедурные окна сбора замечаний, формирующие контролируемую траекторию предварительного обсуждения кандидатов. Под централизацией — полномочия центра координации, включающие право принятия окончательного решения, приоритет в формировании повестки и санкционирование распределения ресурсов. Следует подчеркнуть, что в фазах острого конфликта усиливаются централизованные инструменты, что выражается в росте доли ускоренных процедур, сокращении объёма предварительных согласований, повышении частоты директивных поручений и временной концентрации полномочий. При стабилизации среды расширяются открытые форматы взаимодействия.

Под «согласительными (консенсуальными) форматами» понимаются институционально оформленные процедуры выработки согласия — регламентированные заседания с кворумом и протоколом, согласительные

комиссии, совместные протоколы и меморандумы – обеспечивающие фиксацию и валидность всех договорённостей. Внутренним примером консенсуальных форматов выступают регламентированные заседания согласительных комиссий при обязательном кворуме и последующей публикации протокола, причём именно такая организационно-правовая конструкция, как представляется, задаёт операционализируемые индикаторы. В их числе:

- 1) доля заседаний, завершившихся совместным протоколом,
- 2) средняя медианная задержка между датой заседания и публикацией протокола,
- 3) число меморандумов о согласии по приоритетным траекториям за календарный год,
- 4) частота межуровневых согласований по одному вопросу до финального решения.

В результате указанный набор индикаторов позволяет, по крайней мере в известной мере, проверять устойчивость согласительных процедур и их вклад в предсказуемость решений. Следовательно, предложенная интерпретация переводит принцип с уровня деклараций на уровень проверяемых механизмов и позволяет связывать параметры «участие — централизация» с вариациями вертикальной рекрутировки элитных кадров и латеральной мобильности элит в контуре институционализированной циркуляции элит при меняющихся условиях.

В продолжение операционализации понятий, на наш взгляд, целесообразно исходить из базовых положений анализа социальных систем, декомпозируя понятие «политическая элита» по структурно-функциональным признакам. Как отмечает Н.Г. Осипова, «главными качествами, присущими любой системе, являются: целостность, интеграция, иерархичность,

структурность и многоуровневость»⁶⁸. Соответственно, далее выделяются четыре измерения — иерархия, интеграция, функциональность и многоуровневость — и устанавливается соответствие между ними и механизмами отбора, ротации, оценки и ответственности, что позволяет аналитически осмыслить процесс институционализированной циркуляции элит.

Историко-социологический анализ последовательно фиксирует наличие «руководящего ядра» — узкого круга профессиональных акторов, обладающих достаточным символическим ресурсом и организационной мобилизационной способностью для консолидации ресурсов и координации действий. Такое устойчивое функционирование сравнительно стабильных групп авторитетных и влиятельных субъектов — тех, чья позиция придаёт им статус центра координации и доступ к соответствующим регулятивным каналам, в известной мере предопределяет воспроизводство и укрепление управленческих контуров и повышает институциональную результативность. В этих условиях «группа лидеров» выступает институциональным узлом координации, функционально эквивалентным политической элите на верхнем уровне иерархии.

Следует отметить, что политическая элита, выступая драйвером быстрого экономического роста, одновременно вынуждена решать нарастающие социальные противоречия. Так, реагируя на экзогенные вызовы, политическая элита КНР активизирует институциональные механизмы адаптации, ориентированные на поддержание социальной стабильности и управляемого развития. В свою очередь, ускоренная глобальная реструктуризация и транснационализация коммуникаций требуют от верхних эшелонов власти повышенной адаптивности, поскольку внешние шоки, усиливающие социально-экономическую дифференциацию, стимулируют институциональные инновации и перестраивают регуляторные механизмы доступа к ресурсам.

---

⁶⁸ Осипова Н.Г., Современная социология: Учебное пособие для Вузов (для направления подготовки 39.04.01 «СОЦИОЛОГИЯ», уровень высшего образования: Магистратура) / Основные подходы к анализу социальных систем и социальных процессов в социологии. М.: АНО ЦЭМИ, 2023. С. 203.

На мезоуровне и уровне местного управления политическая элита транслирует стратегические ориентиры посредством государственных институтов. Как подчёркивает А.В. Бредихин, «Государство при этом является наиболее заинтересованным актором <...>, отражающим решения, принятые на самом высоком уровне»⁶⁹.

Совокупность проведённых исследований показывает, что формализованные механизмы селекции и ротации политической элиты положительно сказываются на структурной устойчивости и институциональной результативности управления:

1) регулярная ротация снижает риск олигархической инерции и повышает адаптивность институтов;

2) «двухконтурная» конфигурация — сопряжение консультативных процессов с жёсткими регулятивными барьерами — локализует конфликты и переводит их в конструктивное русло трансформации, выполняя компенсаторную функцию нормативных механизмов.

Кроме того, статистико-эконометрическая обработка данных, охватывающих период с 1978 г. выявляет значимую положительную корреляцию между частотой ротации руководящего состава, уровнем институциональной модернизации и показателями социальной стабильности. Следовательно, регулярность и цикличность обновления высшего управленческого корпуса сопряжены с ростом результативности административных структур и одновременным снижением индексов социального напряжения — что эмпирически подтверждает гипотезу об усилении организованности регуляторных каналов при ускорении ротационных процедур. Как справедливо отмечает академик КАОН Чэн Эньфу, «Необходимо рассматривать решающую роль рынка и лучшую роль государства как органичное целое, чтобы сформировать “двойную высоту” — “сильный рынок”

---

⁶⁹ Современная социология: Учебное пособие для Вузов (для направления подготовки 39.04.01 «СОЦИОЛОГИЯ», уровень высшего образования: Магистратура) / Социология местного самоуправления. М.: АНО ЦЭМИ, 2023. С. 266.

и “сильное государство”»⁷⁰. Тем самым демонстрируется инструментально-координационная способность политической элиты при реализации модернизационных задач.

На наш взгляд, формализованное обеспечение регулярного притока «новой крови» в элитный сегмент делает обновление правящего слоя непрерывным, не подрывая структурную устойчивость, одновременно повышая эффективность госуправления и смягчая латентные социальные противоречия. Тем самым ротация — не только механизм обновления, но и инструмент поддержания когнитивной ёмкости управленческих контуров.

В целом политическая элита не только инициирует и направляет модернизационные преобразования, но и через формально закреплённые механизмы селекции и ротации в контуре институционализированной циркуляции элит поддерживает адаптивность контуров управления и структурную устойчивость. Таким образом, можно предположить, что институционализированная циркуляция элит повышает результативность модернизации и ослабляет социальное напряжение, тем самым балансируются структурная устойчивость и динамика модернизационных изменений.

Для подтверждения обозначенного положения, а также верификации основных концептуальных положений, выдвинутых в настоящей работе, автором было предпринято оригинальное эмпирическое исследование «Политическая элита в условиях модернизации китайского общества» (далее — авторское исследование) методом экспертного опроса по самостоятельно разработанной оригинальной методике.

Целью индивидуальных интервью, проведенного автором среди экспертов, являлось получение оригинальных эмпирических данных относительно восприятия и непосредственного опыта представителей политической элиты Китая, касающихся процессов её формирования, структурной трансформации и

---

⁷⁰ Чен Энфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения / О трех этапах социалистического развития: экономическая система и конкретная деятельность. М.: Родина, 2021. С. 538.

циркуляции в контексте модернизационных изменений в КНР. Интервью были нацелены на выявление субъективных представлений респондентов относительно действующих механизмов рекрутирования элитных кадров, ключевых этапов их собственной карьерной траектории, а также степени и характера влияния макросоциальных факторов, прежде всего таких, как политический режим, экономический базис общества и специфика идеологической надстройки, на направленность и динамику эволюции элиты.

Интервьюирование было проведено в форме полуструктурированного личного интервью, предполагающего наличие предварительно разработанного руководства.

Потенциальную генеральную совокупность экспертов составили представители действующей и бывшей политической элиты КНР, включая:

- 1) высокопоставленных чиновников центрального и регионального уровней,
- 2) членов Центрального и региональных комитетов КПК,
- 3) руководящий персонал государственных предприятий.

Выборочная совокупность экспертов являлась целенаправленной и вариативной, с учётом таких переменных, как межпоколенческие различия, региональная и этническая принадлежность, а также различный служебный опыт, охватывающий партийные структуры, органы государственной власти, армию и промышленные предприятия.

Логическая структура каждого интервью была выстроена по принципу последовательного перехода от общего к частному: от реконструкции личной биографии респондента и этапов его профессиональной карьеры к более узким вопросам восприятия макрополитических процессов и функционирования механизмов рекрутирования в состав политической элиты, и далее к оценкам современных тенденций циркуляции элитных кадров в условиях реформ, политики открытости и специфики политического управления в период пребывания у власти Си Цзиньпина. Именно такая логическая

последовательность вопросов позволила обеспечить постепенное вхождение респондентов в проблемное поле исследования и способствовала формированию связного и внутренне согласованного нарратива, а также получить научно значимые результаты, которые могут служить яркой иллюстрацией теоретико-методологических конструктов и обобщений, представленных в настоящей работе.

В частности, анализ ответов экспертов на первую часть вопроса «Каково Ваше понимание сущности модернизационных процессов в новейшей истории Китая, и каким образом, на Ваш взгляд, эти процессы повлияли на структуру и состав политической элиты?» - о сущности модернизационных процессов в новейшей истории Китая) показал, что

Например, Ли Шэньмин понимает процесс модернизации Китая как осуществляемую под руководством Коммунистической партии Китая социалистическую модернизацию. При этом он отметил, что после XVIII съезда партии последовательно обеспечивалось поступательное движение от исторических рубежей «подняться» и «обогатиться» к рубежу «окрепнуть», при котором партия своевременно корректировала стратегию модернизации, сочетая смелое использование элементов рыночной экономики с неизменной ориентацией на социализм и целеполаганием всеобщего процветания.

Ван Вэйгуан, подчеркивая самобытность китайской дороги социалистической модернизации, считает, что следует исходить из преемственности институциональной базы, заложенной в революционный период, и готовности творчески заимствовать достижения мировой цивилизации, что в совокупности обеспечивает соединение основных положений марксизма с китайской спецификой на этапах от основания Нового Китая через реформы и открытость к новой эпохе. Это и принципиально отличает наш путь от капиталистических моделей, поскольку в центре неизменно находится интерес народа, подтвержденный масштабным

сокращением бедности при сохранении социальной стабильности и национального единства.

Ли Ланьцин утверждал, что модернизация является безальтернативным путем движения государства к могуществу и культурной зрелости, но при этом необходимо учитывать национальную специфику. После основания Нового Китая была создана самостоятельная и целостная индустриальная и народнохозяйственная система, а в период реформ и открытости — с опорой на заимствование передовых технологий и управленческих практик был обеспечен ускоренный рост и заметное повышение уровня жизни. При этом особое внимание уделялось образованию и науке как государственной стратегии, а в XXI первом веке, под руководством Центрального Комитета во главе с товарищем Си Цзиньпином, модернизационный курс был переосмыслен сквозь призму центрированности на народе и концепции всестороннего, согласованного и устойчивого развития, что отличает его от традиционных западных подходов, ориентированных на количественный прирост.

Хуан Цян отметил, что определяя сущность китайской модернизации как обеспечиваемый под руководством партии процесс достижения государственного могущества и общего процветания народа, необходимо подчеркнуть, что ускоренное развитие индустрии и информатизации, выход в передовые позиции по ряду технологических направлений и наличие второй по величине экономики мира сочетаются с отказом от модели «сначала загрязнение — затем восстановление» и с реализацией концепции нового развития, включающей инновационность, согласованность, экологичность, открытость и общность, что переориентирует модернизацию с количественного расширения на качественный рост. Цзинь Лэй подчеркнул, что китайская модернизация отличается необычайной скоростью при сохранении общего системного контроля и управляемости. Это достигается посредством научного планирования и организующей роли партии, путем сопряжения рыночных механизмов с институциональными гарантиями социальной политики и

посредством увязки стратегических горизонтов и оперативных целей через пятилетние планы, что позволяет избегать разрушительных ошибок и поддерживать поступательность модернизационного процесса.

По мнению Чен Эньфу, с позиций марксистской политической экономии модернизация прежде всего выражается в освобождении и мощном развитии производительных сил, что в Китае нашло отражение в значительном наращивании экономического потенциала и создании широкого материального фундамента, при одновременном приспособлении производственных отношений и надстройки к требованиям растущих производительных сил. Сохраняя общественную собственность в качестве основы и обеспечивая совместное развитие различных форм собственности, партия институционально предотвращает движение по пути крайнего расслоения, закрепляя через центрированность на народе и стратегию всеобщего процветания равновесие эффективности и справедливости.

Итак, все без исключения эксперты:

- во-первых, глубоко понимают сущность процесса модернизации в новейшей истории Китая;
- во-вторых, подчеркивают самобытность «китайской дороги социалистической модернизации», её специфику применительно к реалиям китайского социалистического общественного строя и насущным потребностям общества»;
- в-третьих, однозначно и адекватно оценивают итоги модернизационных процессов;
- в-четвертых, подчеркивают руководящую и неизменно важнейшую роль Коммунистической партии Китая в них.

В своих ответах на вторую часть обозначенного выше вопроса (каким образом процессы модернизации в Китае повлияли на структуру и состав политической элиты) все эксперты также солидарны в том, что обозначенные ими процессы, выдвинули новые требования к руководящим кадрам и, тем

самым, однозначно повлияли на структуру и качественно трансформировали состав политической элиты. Так, Ли Шэньмин подчеркнул, что модернизация существенным образом трансформировала структуру политической элиты: если в условиях плановой экономики авторитет руководящих кадров опирался преимущественно на революционные заслуги и массовое признание, то в период реформ и открытости образовательная подготовка и профессиональная компетентность объективно стали жесткими критериями отбора. При этом неизменным оставалось требование партии к твердости политической позиции и идеологических убеждений, что и обеспечило движение китайской модернизации по социалистическому направлению и получение устойчивых результатов. По мнению Цзян Хуэй, преобладающая часть членов руководящих коллективов обладает высшим образованием, что соответствует возросшим требованиям современного управления, соединяющего знание экономики и технологий с искусством социальной регуляции, при неизменном требовании сохранять социалистическую направленность и проводить политику, центрированную на народе.

Согласно Хуан Цзяньфа, в кадровой практике отчетливо фиксируется переход от преимущественного учета революционного стажа и низовой закалки к оценке фундаментальной теоретической подготовки и профессиональной компетентности. Вследствие расширения высшего образования доля специалистов с углубленным знанием экономики управления и технологических инноваций в составе руководящих кадров существенно возросла, что рационализировало знаниевую структуру элиты и повысило ее способность к решению задач современного управления, при одновременном усилении идеологического воспитания для пресечения влияния меркантилистских тенденций и обеспечения верности идеалам социализма и целям второго столетнего рубежа.

Ли Ланьцин утверждал, что к корпусу руководящих кадров стали предъявляться качественно новые требования: наблюдается устойчивая

тенденция повышения образовательного уровня и профессионализации, что соответствует вызовам рыночной экономики и глобализации. Сун Пин отметил, что изменились параметры формирования партийного корпуса: в условиях мирного строительства и ускоренного развития потребовалась элита, обладающая высокой образовательной планкой и владением современными управленческими и научно-техническими компетенциями, что объективно повышает общий уровень руководящих кадров. Однако сохраняется неизменное требование к преемственности революционных традиций, к строгой партийной дисциплине и служебной скромности, призванным предохранять от соблазнов потребительства и закреплять ориентиры политической твердости, без чего модернизационный курс неизбежно подвергался бы рискам.

По мнению академика Чен Эньфу, быстрый экономический рост диктует необходимость постоянного обновления знаний и наращивания компетенций, что в сочетании с системами государственной службы и непрерывного образования формирует корпус руководителей, одновременно понимающих логику рыночной экономики и сохраняющих твердость социалистических убеждений, что и составляет основу институциональной уверенности и успешного догоняющего развития.

В целом ответы экспертов показали, что:

- во-первых, существенно изменились параметры формирования партийного корпуса: в условиях мирного строительства и ускоренного развития потребовалась элита, обладающая высокой образовательной планкой и владением современными управленческими и научно-техническими компетенциями. В данной связи в ходе модернизации был осуществлен переход от управления «по опыту» к научно обоснованному регулированию;

- во-вторых, если раньше мерилом служили фронтовые заслуги и боевая закалка, то в условиях эпохи высоких технологий акцент сместился к

образовательной подготовке, научно-технической грамотности и опыту участия в международных учениях и совместной подготовке;

- в-третьих, неотъемлемой чертой любого члена политической элиты остается твердость социалистических убеждений, политическая выдержанность, дух служения народу, дисциплина и высокая социальная ответственность. Также сохраняется неизменное требование к преемственности революционных традиций, к строгой партийной дисциплине и служебной скромности. Все это гарантирует продвижение модернизационного процесса в социалистическом направлении при устойчивости к внешним и внутренним колебаниям.

Таким образом, модернизационные процессы, происходящие в Китае в XXI столетии, образуют многоуровневую связку институциональных реформ, структурных экономических преобразований и социальных сдвигов, которая во многом определяет вектор и особенности трансформации политической элиты.

Как уже было неоднократно показано выше, политическая элита КНР выступила инициатором социальных реформ и сохраняет ведущую роль в их реализации, задавая стратегические ориентиры и темп социального развития. Однако модернизация перманентно ставит перед политической элитой и обществом новые задачи, что делает необходимой предсказуемую и селективную динамику обновления руководящего слоя без ущерба для структурной устойчивости. В данной связи в КНР важнейшим драйвером модернизационного процесса, который связывает порождённые модернизацией структурные преобразования с устойчивостью и эффективностью управления, обеспечивая согласованную координацию между изменением конфигурации элит и воспроизводством социально-классовой структуры, является институционализирующая циркуляция элит.

При этом процесс институционализирующей циркуляции элит носит особый характер. С одной стороны, формализованные правила отбора и каналы горизонтальной мобильности гарантируют предсказуемое и селективное

обновление руководящего слоя без нарушения структурной преемственности и стабильности. С другой стороны, инкорпорация новых представителей экономической и культурной элиты в политическую структуру стимулирует адаптивное развитие элитной группы и формирует новую конфигурацию элит.

Механизм институционализированной циркуляции элит объединяет противоположности: через институциональные ограничения предотвращает закрытость элиты и застой статусных позиций (обеспечивая преемственность), и одновременно посредством контролируемой инкорпорации «новых элементов» стимулирует инновации и адаптацию (способствуя развитию структуры элит). Однако, прежде чем перейти к конкретизации структуры и выделению функций этого механизма, а также к операционализации его основных элементов, необходимо провести ревизию основных теоретических подходов к концептуализации понятия элиты в китайском обществе, представить анализ политических элит Китая в сравнительно-исторической перспективе, показав их преемственность и обозначив перспективы развития, доказать основополагающую роль политических лидеров в структуре политической элиты Китая и чётко определить внутренние движущие силы в межпоколенческой диффузии политической элиты КНР.

Таким образом, понимание особенностей и движущих сил воспроизводства элитного слоя Китая в контексте модернизации служит логической отправной точкой для последующего анализа активной роли политической элиты в Китайском обществе.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

1. В социологии под модернизацией обычно понимают совокупность социальных, экономических, политических, культурных и иных процессов, связанных с переходом от традиционного общества к современному индустриальному и формирующемуся постиндустриальному обществу. В

соответствии с подобной трактовкой в западноевропейской и американской общественной мысли стали формироваться теории модернизации, которые, к сожалению, не смогли дать непротиворечивое объяснение причин и последствий модернизации, а также четко определить её движущие силы. Кроме того, предположения западных ученых о некой единой, стандартизированной схеме модернизационного развития, в центре которой находится модель западного общества, не нашли эмпирического подтверждения. История насчитывает «множество путей к модерну» – к обновлению, а китайская модель – явное тому доказательство.

2. В современном Китае модернизация представляет собой институционально и культурно специфичный вариант общего, глобального модернизационного процесса, обеспечивающего ускоренное развитие при сохранении социалистических приоритетов. Специфику процесса модернизации в КНР определяют: социалистический тип пути общественного и соответственно модернизационного развития; непосредственное руководство данным процессом со стороны Коммунистической партии Китая; специфические условия реализации, связанные с наличием огромного человеческого капитала и культурно-историческими особенностями страны. В целом модернизация в Китае представляет собой сложную многоуровневую комбинацию институциональных реформ, структурных экономических и социальных преобразований, а также кадровых изменений. В данной связи в ходе модернизации Китая особую актуальность приобретает управляемая кадровая ротация, минимизирующая риски концентрации властных ресурсов и предупреждающая институциональную инерцию верхних эшелонов власти.

3. Многоступенчатые социальные трансформации усложнили стратификационный ландшафт Китая и институционально оформили сравнительно узкие элитные группы: вопреки эгалитарным представлениям, был эмпирически зафиксирован элитный сегмент, воздействующий на социальную, экономическую и культурную сферы, когда структурно

выделились три элитные подгруппы — политическая, экономическая и культурная, каждая — с особыми правилами отбора и продвижения. В целом политическая, экономическая, культурная и «новая» элиты располагают специфичными ресурсами и функциями, а формализованные механизмы координации объединяют их в единое элитное поле управления общественной жизнью. Тем не менее, ведущая роль в инициации и проведении модернизационных преобразований принадлежит именно политической элите.

Политическая элита КНР выступала и выступает инициатором модернизационных реформ, удерживая доминирование на стадии их реализации, задавая стратегические ориентиры и ритм социальных трансформаций. Организационным основанием политической элиты выступает правящая Коммунистическая партия Китая как центр координации — через её аппарат консолидируется ресурсный потенциал и программируется направление развития.

4. С позиции китайской социологии понятие «политическая элита» трактуется в широком и узком значениях. В своем «широком» значении оно включает партийно-государственные структуры, руководство массовых организаций и институционализированных экспертных советов. В «узком» значении — это высшее партийно-государственное руководство. Историко-социологический анализ последовательно фиксирует наличие «руководящего ядра» — узкого круга профессиональных акторов, обладающих достаточным символическим ресурсом и организационной мобилизационной способностью для консолидации ресурсов и координации действий.

Политическая элита КНР, выступая драйвером быстрого экономического роста, активирует институциональные механизмы адаптации, ориентированные на поддержание социальной стабильности и управляемого развития. В свою очередь, ускоренная глобальная реструктуризация и транснационализация коммуникаций требуют от верхних эшелонов власти повышенной адаптивности, поскольку внешние шоки, усиливающие

социально-экономическую дифференциацию, стимулируют институциональные инновации и перестраивают регуляторные механизмы доступа к ресурсам.

5. В целом политическая элита не только инициирует и направляет модернизационные преобразования, но и через формально закреплённые механизмы селекции и ротации в контуре институционализированной циркуляции элит поддерживает адаптивность контуров управления и структурную устойчивость. Таким образом, можно предположить, что институционализированная циркуляция элит повышает результативность модернизации и ослабляет социальное напряжение, тем самым балансируются структурная устойчивость и динамика модернизационных изменений. Для подтверждения обозначенного положения, а также верификации основных концептуальных положений, выдвинутых в настоящей работе, автором было предпринято оригинальное эмпирическое исследование «Политическая элита в условиях модернизации китайского общества» (далее – авторское исследование) методом экспертного опроса по самостоятельно разработанной оригинальной методике.

6. Политическая элита КНР выступила инициатором социальных реформ и сохраняет ведущую роль в их реализации, задавая стратегические ориентиры и темп социального развития. Однако модернизация перманентно ставит перед политической элитой и обществом новые задачи, что делает необходимой предсказуемую и селективную динамику обновления руководящего слоя без ущерба для структурной устойчивости. В данной связи в КНР важнейшим драйвером модернизационного процесса, который связывает порождённые модернизацией структурные преобразования с устойчивостью и эффективностью управления, обеспечивая согласованную координацию между изменением конфигурации элит и воспроизводством социально-классовой структуры, является институционализированная циркуляция элит.

7. Процесс институционализированной циркуляции элит носит особый характер. С одной стороны, формализованные правила отбора и каналы горизонтальной мобильности гарантируют предсказуемое и селективное обновление руководящего слоя без нарушения структурной преемственности и стабильности. С другой стороны, инкорпорация новых представителей экономической и культурной элиты в политическую структуру стимулирует адаптивное развитие элитной группы и формирует новую конфигурацию элит.

Механизм институционализированной циркуляции элит предотвращает закрытость элиты и застой статусных позиций, обеспечивая преемственность, и одновременно посредством контролируемой инкорпорации «новых элементов» стимулирует инновации и адаптацию, способствуя развитию структуры элит. Однако, прежде чем перейти к конкретизации структуры и выделению функций этого механизма, необходимо провести ревизию основных теоретических подходов к концептуализации понятия элиты в китайском обществе, представить анализ политических элит Китая в сравнительно-исторической перспективе, доказать основополагающую роль политических лидеров в структуре политической элиты Китая и чётко определить внутренние движущие силы в её межпоколенческой диффузии.

ВТОРАЯ ГЛАВА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

2.1. Основные теоретические подходы к концептуализации понятия элиты в китайской социологии

Представляется целесообразным выстроить понятийный аппарат, необходимый для анализа категорий, связанных с элитогенезом, а для этого необходимо реконструировать трактовки «элиты» в западной классической и советской социологии, а затем – в китайской социологии, чтобы в дальнейшем анализе опираться единый и однозначный понятийный аппарат.

Термин элита происходит от латинского слова «*eligere*» (выбирать) и французского слова «*elite*», означающего лучший, отборный, избранный⁷¹. Начиная с XVII века так назывался товар наивысшего качества, а в XVIII столетии применение этого термина расширилось – он начал употребляться для наименования отборных воинских частей, а затем и высшей знати. Сегодня в социологии элитой обозначают «высший уровень в системе стратификации (независимо от оснований этой стратификации) в обществе – привилегированные группы»⁷².

Следует отметить, что в западной социологии XX века сложился богатый теоретический фундамент, на котором базируются современные исследования элит, хотя его основатели по-разному интерпретировали природу и роль элитарных групп.

В классической социологии элитой принято называть правящую группу общества, противопоставляя ее массе. С тех пор, как общество обнаружило социальную неоднородность, как появились власть имущие и «народ», мыслители пытались объяснить феномен элиты общества посредством создания «теорий элит». В качестве определенной системы взглядов теории

---

⁷¹ Ашин Г.К. Элита. Социологическая энциклопедия. В 2-х Т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 800.

⁷² Ашин Г.К. Элита. Социологическая энциклопедия. В 2-х Т. М.: Мысль, 2003. Т. 2. С. 800.

элит были сформулированы в начале XX века социологами В. Парето, Г. Моской и Р. Михельсом.

Согласно Вильфредо Парето, «<...> общество предстает перед нами как гетерогенная масса с иерархией компонентов. Такая иерархия существует всегда, за исключением, пожалуй, популяции диких людей, живущих, подобно животным, в состоянии рассеяния. Следствием этого факта является общество, которое всегда находится под управлением небольшого числа людей, *элиты*, даже когда кажется, что оно устроено совершенно демократически»⁷³. «Тем, кто имеет наивысший показатель в своей области деятельности, мы даем название элиты»⁷⁴, - писал ученый. Как отмечают специалисты, «В. Парето вводит понятие элиты как избранного элемента населения. Остальная его часть приспособляется к полученным от нее стимулам. Представители низов поднимаются наверх, пополняя правящую элиту, члены которой, деградируя, опускаются вниз, в массы. Происходит циркуляция элит – процесс взаимодействия между частями гетерогенного общества, которое представляется В. Парето в виде пирамиды с элитой в ее вершине»⁷⁵.

Гаэтано Моска отождествлял элиту с «правлящим классом», а Роберт Михельс – с классом «господствующим». Согласно Г. Моске, «во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации, вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляющих. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс, управляется и контролируется в форме, которая в настоящее время более или менее законная, более или менее произвольная и насильственная и обеспечивает первому классу, по крайней мере

---

⁷³ Парето В. Учебник политической экономии: пер. с фр. / предисл. В.С. Автономова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. С. 285.

⁷⁴ Pareto V. Trattato di Sociologia Generale. Milano, 1964. Vol. II. P. 530.

⁷⁵ Осипова Е.В. Патриархи социологии. М.: ИСПИ РАН, 2011. С. 387.

внешне материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма»⁷⁶.

Р. Михельс особо отмечал незыблемость данного элемента социальной структуры, его перманентную возобновляемость. В частности, этот ученый писал: «... даже в том случае, если когда-либо недовольным массам удастся лишить господствующий класс его власти, то [...] в среде самих масс с необходимостью появится новое организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса»⁷⁷. Таким образом, он вывел формулу «о необходимости смены одного господствующего слоя другим» и вытекающий из нее «закон олигархии» как «предустановленную форму общежития в больших союзах»⁷⁸.

В целом определения элиты в первоисточниках западной социологии неоднозначны, многие из них противоречат друг другу. Как отмечает Н.Г. Осипова, «существуют десятки концепций относительно данного термина, анализ которых возможен лишь в специальных работах»⁷⁹. Так, «в разных теоретических построениях элитой называются: 1) наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть; организованное меньшинство; 2) люди, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством; 3) люди, обладающие позициями власти; 4) сравнительно небольшие группы, состоящие из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества; 5) лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы»⁸⁰.

⁷⁶ Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187.

⁷⁷ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. №№ 5,9; 1991. № 4. www.studfiles.ru/preview/3025802/. Дата обращения 05.05.2017.

⁷⁸ Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. №№ 5,9; 1991. № 4. www.studfiles.ru/preview/3025802/. Дата обращения 05.05.2017.

⁷⁹ Осипова Н.Г. Элиты теории // Социологический словарь / отв. Ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 585.

⁸⁰ Осипова Н.Г. Элита. Социологический словарь / отв. Ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 580.

В послевоенный период, по мере смещения исследовательского центра тяжести на западные общества, в западном социологическом дискурсе наметилась критическая перспектива, а фундаментальная монография Ч. Р. Миллса «Властвующая элита», опубликованная в 1956 году, подвергла сомнению представление о множественности дисперсных центров власти, предложив концептуальную схему из трёх взаимосвязанных сегментов — корпоративной управленческой верхушки, руководства силовых структур и высшего административного аппарата, — которые, консолидируя ресурсы власти и влияния, задают долгосрочные параметры общественной динамики. Этот аналитический ракурс послужил катализатором критического направления в социологическом изучении элит, сосредоточенного на исследовании того, каким образом привилегированные группы трансформируют социальную иерархию и целенаправленно ориентируют институциональное развитие.

Тем не менее, к концу 1990-х годов исследовательская активность в области критического анализа элит в западной социологии заметно снизилась: структурные сдвиги в финансировании академических проектов и изменение методологической повестки ведущих журналов сузили пространство для эмпирических и сравнительных работ, что привело к маргинализации ряда классических подходов в дисциплинарных дискуссиях⁸¹. Постепенный сдвиг в теоретической парадигме, ориентированный на обобщённые структурные или культурные факторы, во многих случаях маргинализовал роль высокостатусных групп как ключевых акторов социальной стратификации⁸². В итоге критическая традиция в социологии элит, акцентировавшая исследование механизмов влияния узкого круга привилегированных субъектов, утратила

---

⁸¹ Carroll W.K. Corporate power in a globalizing world: A study in elite social organization. Ontario: Oxford University Press, 2004.

⁸² Savage M., Williams K. Elites: Remembered in Capitalism and Forgotten by Social Sciences // The Sociological Review. 2008. №: 56. P. 1 - 24.

свою доминирующую позицию и ныне лишь фрагментарно используется при рассмотрении вопросов властных отношений и групповой иерархии⁸³.

Эпистемологический сдвиг, обусловленный переходом западной социологии от позитивистского операционализма к макроаналитическим и постструктуралистским парадигмам, привёл к временной маргинализации исследований элит: традиционные количественные процедуры демонстрировали низкую эвристическую способность при изучении закрытых высокостатусных сегментов. Одновременно дискурс о линейном росте благосостояния и расширении социальной мобильности нивелировал аналитическое внимание к привилегированным группам.

Глобальный финансовый кризис 2008 г., однако, выявил институциональную уязвимость экономических систем и продемонстрировал воздействие финансовой монополизации узким кругом акторов на макросоциальную динамику, тем самым актуализировав многомерное исследование роли элит в институциональных трансформациях и стратификационных процессах, включая их влияние на долгосрочные траектории развития социальной системы. Обозначенная критическая перспектива предоставляет аналитический инструмент для рассмотрения «интеграции верхушечных ресурсов — институциональной эволюции» в незападных системах. Следовательно, необходимо перейти к интерпретации опыта анализа элит социалистических (СССР) и транзитных обществ (России) и, затем - безусловно, Китая.

Как указывает Н.Г. Осипова, «в СССР сам термин “элита” был долгое время запрещён, поскольку считалось, что не элита управляет обществом, а сам народ во главе с рабочим классом»⁸⁴. Тем не менее в постсоветской социологии понятие элиты прочно вошло в научный оборот: российские социологи, в свою

---

⁸³ Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.R. Making capitalism without capitalist: Class formation and elite struggles in post-communist central Europe. London: Verso, 1998.

⁸⁴ Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л. Н. Москвичев; уч. секр. О. Е. Чернощек. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 580.

очередь, сходятся во мнении, что элита занимает центральные позиции в процессах общественного управления и структурных преобразований. Эта исследовательница также отмечает, что несмотря на то, что в советской научной литературе долгое время понятие элиты использовалось в социально-негативном значении⁸⁵, сегодня не подлежит сомнению то, что элите в целом присущи социально-значимые качества. Так, к элите относят наиболее авторитетных, выдающихся в интеллектуальном (профессиональном) плане представителей определенной социальной группы, реализующих себя в одной из важнейших сфер общественной жизни – политике, экономике, науке, образовании, культуре, пользующихся там несомненным авторитетом и принимающих значимые управленческие решения.

В современной российской социологии достаточно много исследований посвящено проблемам идентификации отдельных видов элит, выделения устойчивых критериев «элитности» в определенной сфере жизнедеятельности социума. В частности, под политической элитой – в самом широком смысле данного термина – понимают избранную часть общества, определяющую государственную политику. При этом сам термин «политическая элита» достаточно противоречив, но широко распространен. Обычно он «пересекается» с понятием «политический класс», (понимаемым как совокупность лиц, профессионально занятых в сфере политики) и понятием «правлящий класс», (содержащим определенные социальные характеристики). Иногда это символическое обобщенное название высокой политической «тусовки» – собрания разнородных партий, кланов, клубов, учреждений, группировок. К политической элите, безусловно, относят Президента, депутатов представительных органов; глав и членов Правительства, высшее

---

⁸⁵ Смотри об этом: Буренкова Э.Э. Трансформация общества и внутренние характеристики элитных групп // Мир России. 1995. № 3-4. С. 3 – 24; Дука А.В. Теоретические проблемы исследования властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. С. 63 – 66.

военное руководство; высшее чиновничество, лидеров наиболее влиятельных политических партий и движений⁸⁶.

На наш взгляд, интерес в данной связи представляют результаты экспертного опроса, предпринятого российским исследователем М.И. Кодиным, в рамках которого анализировались признаки нарождающейся политической элиты в постсоветской России. Так, по мнению экспертов, «политическая элита – это общественно признанная, структурированная часть политически активного населения»; «политическая элита – это умные, эрудированные, широко образованные люди, умеющие увлечь за собой массы различных слоев населения, не боящиеся временных неудач, смелые, бескорыстные люди с государственным масштабом мышления»; «политическая элита - это верхний слой социума, носитель традиций и культуры страны, искренне заботящийся о выживании и развитии науки и государства»; «политическая элита, это часть руководителей страны, способствующая ее экономическому, социальному и культурному прогрессу». «Представители политической элиты — образованные профессионалы - организаторы, живущие ради осуществления определенной общественной цели». Среди ответов экспертов встречались и определения, отражающие одностороннее восприятие данного понятия. Например, «политическая элита - лица, занимающиеся исключительно политической деятельностью», «политическая элита — активная часть общества». Тем не менее, по мнению большинства экспертов, даже такой элиты в России на 1998 г. не существовало.

В результате М.И. Козин вывел обобщенное (синтетическое) определение данного понятия. «Политическая элита — это относительно небольшая социальная группа (верхний слой социума) авторитетных в массовом сознании российского общества личностей, вносящих конкретный вклад в улучшение жизни народа, которую отличают:

---

⁸⁶ Челищев В.И. Элита политическая // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 582 - 583.

1) высокий уровень образования, компетентности и профессионализма в своей основной сфере их деятельности, каковой является политика;

2) преданность государственным интересам России, умение определять и защищать их»⁸⁷.

Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что представители элиты не просто преобладают в экономике и публичном администрировании, но и оказывают существенное воздействие на развитие и трансформацию социальных отношений, будучи носителями значительного образовательного, культурного и социального ресурса. Кроме того, отсутствие межнациональной сравнительной оптики в изучении элитного поля ограничивает понимание специфики китайской элиты в глобальном социологическом контексте. Однако одной лишь реинтерпретации социалистического контекста недостаточно для учёта институциональных различий и местной структурной специфики. В данной связи важно проанализировать специфику развития понятия «элита» в китайской социологии, а также операционализировать основные компоненты и этапы процесса её институционализированной циркуляции. Другими словами, необходимо проследить, как категория «элита» была воспринята и переработана в китайской социологии в контексте китайских социальных реалий.

Действительно, постепенное оформление китайской национальной исследовательской традиции потребовало адаптации и переосмысления элитологических идей с учётом специфики китайского общества.

Начиная с периода реформ и политики открытости, запущенных в Китае в 1978 году, в среде китайских социологов постепенно сформировалась устойчивая тенденция к научному анализу элиты. Китайская академическая общественность не только включила термин «элита» в научный оборот, но и развила соответствующие направления исследований, нацеленные на

---

⁸⁷ Кодин М.И. Общественно-политические объединения и формирование политической элиты в России (1990-1997). Дисс. канд. социол. наук. М.: МГУ, 1998.

выявление специфических черт, закономерностей и механизмов функционирования элиты в контексте модернизационных процессов, происходящих в китайском обществе.

Однако, хотя в рамках китайских исследовательских традиций феномен элит сохраняет значительную научную притягательность, его концептуализация остаётся гетерогенной и может включать даже сельских должностных лиц, что отражает многоуровневую структуризацию общества и специфические социально-экономические условия⁸⁸. В то же время китайские исследователи принимают к сведению аналитические инструменты П. Бурдьё, которые позволяют выявлять значение культурного капитала в воспроизводстве элитарного статуса через образовательные институты и социальные сети, подчёркивая межпоколенческие механизмы передачи символических ресурсов⁸⁹. В более поздних исследованиях усиливается внимание к роли подобных нематериальных активов, способствующих закреплению привилегированного положения помимо формального образования⁹⁰. Тем самым сравнительно-типологическая перспектива выступает действенным подходом к фиксации «экономико-культурно-сетевой» триады конфигурации элитных позиций в Китае.

Сравнительно-аналитическая перспектива исследования элит, в свою очередь, показывает, что в Китае конфигурация престижных позиций определяется не только экономическими параметрами, но и совокупностью культурных и сетевых детерминант, задающих специфику этого высокостатусного социального слоя. Осмысленное изучение таких высокостатусных групп предполагает междисциплинарную методологию, фокусирующуюся одновременно на структурных и символических измерениях

---

⁸⁸ Manion M. How to Assess Village Elections in China // *Journal of Contemporary China*. 2009. № 18 (60). P. 379 – 383.

⁸⁹ Bourdieu P. *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

⁹⁰ King A., Smith D. The Jack Wills crowd: towards a sociology of an elite subculture // *British Journal of Sociology*. 2018. Mar. № 69 (1). P. 44 - 66.

и позволяющую реконструировать многообразие траекторий вертикальной мобильности и стратегий удержания элитного статуса. Следовательно, многоуровневый аналитический ракурс, интегрирующий культурные и институциональные компоненты, обеспечивает углублённое понимание процессов конституирования и иерархизации элитарных статусных позиций⁹¹.

В целом китайская социология, опираясь на западные классические элитологические концепции и советскую социологическую традицию, стремится к концептуализации понятия «элита» в соответствии с национальным контекстом модернизации. Этот процесс подразумевает теоретическое преодоление противоречия между элитоцентричной и классовой парадигмами, а также методологический баланс количественного эмпирического анализа и качественного критического осмысления, что, тем самым, позволяет достичь диалектического единства макроструктурного и микроаналитического подходов.

Китайские социологи, интегрируя эмпирику с критическими теоретическими рефлексиями, формируют концептуальную рамку изучения элит, укоренённую в национальном социальном опыте и обладающую универсальным объяснительным потенциалом для анализа эволюции структуры власти и механизмов социальной стратификации в современном Китае. Следовательно, последующий анализ сосредоточен на теоретическом осмыслении и операционализации категории «элита» в китайской социологии и раскрывает, как китайское научное сообщество, ассимилируя разнородные теоретические традиции, определяет её содержание и изучает институционализированную циркуляцию элит.

Прежде всего на операциональном уровне под «политической элитой» понимаются акторы партийно-государственной системы, занимающие ключевые позиции в выработке и исполнении решений и располагающие

---

⁹¹ Rivera L A. Pedigree: How elite students get elite jobs. Princeton: Princeton University Press, 2015.

политическими, организационными, социально-сетевыми и культурными ресурсами.

Итак, в социологическом плане категория «элита» представляет собой сложную теоретическую конструкцию, особенно значимую в контексте модернизации современного Китая. Формирование и воспроизводство политической элиты в условиях ускоренной социальной трансформации напрямую определяют динамику социальной структуры, выступая ключом к осмыслению процессов преемственности и развития. Теоретические подходы в китайской социологии к понятию «элита», сохраняя нейтральную и эмпирически ориентированную позицию, критически сопоставляет классические представления западной и советской элитологических традиций с китайской социальной практикой, стремясь интегрировать разнородные теоретические подходы и специфику национального контекста.

Один из таких подходов разработал китайский учёный Чжоу Сюэгуан, который, опираясь на концепцию «дифференциального порядка», разработанную Фэй Сяотуном, обосновал, что мобильность элит в китайском обществе в значительной степени предопределяется весомым влиянием родственных и квазиродственных культурных практик. При этом он особо подчёркивает значимость неформальных институтов, рассматривая их в качестве ключевого фактора циклического обновления элиты⁹². Другой подход прослеживается у китайского исследователя Ван Пэн, который подверг критическому переосмыслению традиционные подходы к анализу социальной мобильности и предложил модель контроля мобильности, в которой он убедительно продемонстрировал механизмы взаимодействия «отношений передачи власти» и «рыночных обменных отношений» применительно к элитам в Китае.

---

⁹² Чжоу Сюэгуань. Дифференциальные паттерны: построение и интерпретация идеального типа // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 136 - 157.

Особого внимания, в русле проводимого нами анализа, заслуживает работа Ли Цяна и Ей Юйли «“Ты — старший брат”»: происхождение управленческих элит государства в семье», где при отсутствии консенсуса относительно дефиниции «управленческой элиты» под ней понимаются индивиды, занимающие административные и управленческие позиции в организациях. Прежде всего, с учётом многоуровневости иерархий используется классификация Лю Пэна и Фань Сяогуана, разграничивающая поля государственного сектора и рынка с нижним и верхним уровнями. В результате анализ данных панельного исследования китайской семьи (CFPS) показывает, что у мужчин из многодетных семей ранний порядок рождения увеличивает шансы занять государственные должности на обоих уровнях, при этом у вторых сыновей фиксируется выраженный эффект «фактического старшего сына», следовательно, прослеживается влияние внутрисемейной стратификации на механизмы вертикальной рекрутировки элит. Таким образом, семейно-социальные факторы выступают значимыми механизмами элитной селекции и в известной мере уточняют микрологику формирования управленческих элит Китая⁹³.

Кроме того, фокус на ценностных ориентациях локальных политических элит представлен в исследовании Ли Тиньюй «Предварительное исследование ценностных взглядов местных политических элит: размышления на основе обследования руководящих кадров Шанхая», где через модель терминальных и инструментальных ценностей М. Рокича выявляется иерархия, сочетающая конечные ориентиры социальной стабильности и развития с инструментальными предпочтениями эффективности, честности и служения народу. Соответственно фиксируется сложный сплав ценностей, формируемый культурой управления социалистического Китая, а применение западного инструментария к китайскому массиву демонстрирует продуктивный синтез

---

⁹³ Ли Цян, Ей Юйли. «Ты — старший брат»: происхождение управленческих элит государства в семье. Обзор государственного управления. 2025. № 1. С. 121 – 146.

эмпирического подхода и национального контекста, а также расширяет понимание микромеханизмов институционализированной циркуляции элит⁹⁴.

Дальнейшее развитие методологического инструментария привело к активному использованию больших данных и машинного обучения для анализа поведенческих моделей элит. Так, в работе Ван Синьи и Яна Цзэсэнь «Исследование моделей исполнения должностных обязанностей глав местной администрации: длительный анализ города А в Центральном Китае» главы городских администраций трактуются как локальные политические элиты, а обработка хроник партийно-административной активности (2010–2019 гг.) методами НЛП и структурного тематического моделирования позволяет выделить двадцать типов действий и показать, что конфигурации паттернов определяются макро тенденциями, циклическими, связанными со сроками полномочий, а также индивидуальными чертами руководителей. При этом вклад факторов варьирует по типам активности, следовательно, строгий количественный разбор повседневных практик проверяет гипотезы о поведении должностных лиц и расширяет инструментарий эмпирики элит за счёт текстовой аналитики⁹⁵.

Обращение к проблемам формирования и функционирования экономических элит и их сетей демонстрируется в исследовании Лю Цзянькуна и Хэ Сяобиня «Влияние неформальных сетей элит на инновации частных предприятий». Согласно их исследованиям, специфичная практика новогодних визитов формирует предпринимательские сети, которые аналитически разделены на сети политических элит (контакты с чиновниками) и экономических элит (связи с ведущими бизнесменами), а статистический анализ по частным фирмам показывает:

---

⁹⁴ Ли Тинъю. Предварительное исследование ценностных взглядов местных политических элит: размышления на основе обследования руководящих кадров Шанхая. Форум по науке о лидерстве (теория). 2014. № 05. С. 29 - 33.

⁹⁵ Ван Синьи, Яна Цзэсэнь. Исследование моделей исполнения должностных обязанностей глав местной администрации: длительный анализ города А в Центральном Китае // Общественное управление. 2025. № 2. С. 80 - 114.

- во-первых, положительную связь неформальных связей с инновационными инвестициями и выходом через каналы финансирования, доступа к технологической информации и снижения воспринимаемых рисков;

- во-вторых, преимущество сети политических элит в стимулировании инвестиций за счёт доступа к финансам и уменьшения неопределённости, тогда как сеть экономических элит преимущественно поставляет техническую информацию и повышает инновационную продуктивность;

- в-третьих, усиление эффекта по мере ухудшения институциональной среды, таким образом социально-сетевой подход в сочетании с анализом условий уточняет функции социального капитала и дифференцированную роль политической и экономической элит в доступе к ресурсам развития⁹⁶.

Наконец, на макроуровне фиксируется парадигмальный сдвиг, артикулированный Ге Шань и Сюань Чаоцином в статье «От управления элитами в структурах — к элитному управлению с агентностью»: ранняя логика «государство — общество» сводила поведение местных элит к производным иерархий власти, тогда как более поздние работы трактуют элиты как активных акторов, интегрирующих локальное сообщество и государственные институты, следовательно внимание смещается от статических структур к динамическим процессам — взаимодействию формальных и неформальных институтов, стратегиям организационного участия, сетевой связанности и формированию коллективной субъектности, а тематический центр переходит к средним слоям, групповой идентичности и функциональному разнообразию ролей. Таким образом складывается теоретический синтез, интегрирующий элементы теории актора-сети и франко-германских критических традиций и соотносящийся с историко-диалектическим пониманием единства структуры и агентности, что

---

⁹⁶ Лю Цзянькунь, Хэ Сяобинь Влияние неформальных сетей элит на инновации частных предприятий // Вестник менеджмента. 2025. № 3. С. 483 - 494.

проясняет место центров координации в институционализированной циркуляции элит⁹⁷.

Следует отметить, что институциональная концептуализация элит, прежде всего, сопряжена с анализом системы меритократического отбора «достойных и способных» и её отличий от западных аналогов. Так, в статье Дуань Чжечжэ, Пэн Юнь и Цзяо Цзясинь «Содержание системы отбора достойных и способных кадров: сравнительный подход» показано, что китайская модель, будучи фактором развития и общественного благополучия, расширяет понятие «способностей» за пределы профессионализма, включая идейно-политическую надёжность и моральные качества. Причём централизованный экзаменационный отбор на госслужбу остаётся ключевым механизмом, тогда как дискуссии о балансе политических и профессиональных критериев одновременно углубляют теорию и создают прикладные неопределённости. Исходя из этого институциональная перспектива в сочетании с историко-культурным контекстом позволяет интегрировать западные идеи институциональной эффективности и марксистско-политэкономические положения в оригинальную модель отбора элит⁹⁸.

Как уже было показано выше, теоретико-методологическое осмысление категории «элиты» в Китае исторически соединяет собственные традиции с западноевропейскими и советскими влияниями: по наблюдениям Цзоу Сяочжэня, дискуссии конца династии Цин и начала Республики о «массовой» или «элитной» власти — от опасений «охлократии» до апелляций к конфуцианской идее «правления достойных» — задали координаты для

---

⁹⁷ Ге Шань, Сюань Чжаоцин. От управления элитами в структурах — к элитному управлению с агентностью // Социологический обзор. 2025. № 3. С. 140 - 162.

⁹⁸ Дуань Чжечжэ, Пэн Юнь, Цзяо Цзясинь. Содержание системы отбора достойных и способных кадров: сравнительный подход // Китайский журнал кадровой науки. 2025. № 6. С. 1 - 11.

последующего понимания соотношения масс и руководящих групп при конструировании политического устройства⁹⁹.

Наконец современное обострение социального неравенства на Западе вызвало возрождение критической традиции в элитологии: Люй Пэн и Фу Фань фиксируют смещение фокуса на «суперэлиты», меньшинства, сетевые структуры и классовую перспективу, а методологический плюрализм стимулирует переосмысление количественных, качественных и смешанных методов. Следовательно, достижения и ограничения зарубежной элитологии стали стимулом для обновления китайских исследований элит¹⁰⁰.

Значительный вклад в концептуализацию элиты в Китае внесла советская социологическая школа – в первую очередь, за счет перевода известной работы Г.К. Ашина «Элитология» (переводчик Лю Шэнь), в которой подчёркнуто, что «элита» означает «отборное меньшинство» или «лучшие люди», а понятие в аналитический оборот политической науки целенаправленно ввёл В. Парето, который, вместе с Г. Москкой, сформировавшими классическую рамку «циркуляции элит», в которой деградация правящего слоя ведёт к подъёму «новой элиты» и круговому потоку. При этом Г. Моска, предлагая идею «воспроизводства элиты» показывает, что перераспределение власти меняет тип носителей статуса, не трансформируя сущность правящего слоя, а воспроизводство разворачивается как в межпоколенческой, так и в латеральной мобильности, что усиливает закрытость границ и даёт перспективу операционализации степени открытости/закрытости элитных страт в сопоставлении с институционализированной циркуляцией элит.¹⁰¹

В то же время в современной китайской политической мысли предпринимаются попытки теоретически преодолеть элитарные модели в

---

⁹⁹ Цзоу Сяочжань. Дискуссия о политике простого народа и элиты в интеллектуальных кругах в конце династии Цин и начале Китайской Республики // Исследования современной истории. 2023. № 6. С. 78 – 92.

¹⁰⁰ Люй Пэн, Фу Фань. Критическая традиция элитарной социологии: возрождение и итерация // «Цзянхай». 2020. № 1. С. 96 – 104.

¹⁰¹ Ашин Г.К. Элитология / Пер. Лю Шэнь Элитарные науки. Зарубежные общественные науки. 2004. № 1. С. 32 - 35.

пользу западной демократии. Так, Лю Боцзянь в статье «Превосходство всепроцессной народной демократии над элитизмом и плюрализмом: взгляд с позиции теоретического конструирования» противопоставляет модель всепроцессной народной демократии элитистским и плюралистическим подходам по целям, логике построения и ожидаемым результатам участия, прослеживая генеалогию западных теорий от платоновского идеала через Г. Моску и В. Парето к Й. Шумпетеру и Р. Далю. Таким образом формируется позиция о необходимости сопоставлять институциональную результативность китайской модели с меритократическими механизмами селекции и каналами институционализированной циркуляции элит¹⁰².

Еще один важный вопрос, который также находится в поле зрения китайских ученых, звучит следующим образом: как институциональные фильтры и неформальные сети совместно формируют каналы и границы элит? Поиск ответа на этот вопрос осуществляется в таких сферах как образование, платформенная экономика и базовое управление.

Так, в статье Ли Сифана и Хэ Ю «Межпоколенческая передача преимуществ класса: социологический анализ механизма отбора в элитные средние школы на примере школы F в Нанкине» показано, что жёсткие экзамены и скрытые культурные и финансовые барьеры предоставляют преимущество детям из образованных и обеспеченных семей, закрепляя стратификационные границы и ограничивая межпоколенческую мобильность. Следовательно, образовательный отбор институционализирует воспроизводство элитного статуса на уровне среднего образования¹⁰³.

Кроме того, развитие цифровых технологий породило феномен «низовой элиты»: в исследовании Юн Луанью и его коллег «Технологическое

---

¹⁰² Лю Боцзянь. Превосходство всепроцессной народной демократии над элитарностью и плюрализмом — с точки зрения теоретической конструкции // Вестник Административной академии провинции Хубэй. 2024. № 6. С. 45 - 52.

¹⁰³ Ли Сифан и Хэ Ю. (2011). Межпоколенческая передача преимуществ класса: социологический анализ механизма отбора в элитные средние школы на примере школы F в Нанкине // Сюэфан. 2011. № 5. С. 109 - 113.

расширение прав и возможностей и социальная мобильность: исследование формирования элитного сообщества «ведущих-продавцов» и его влияния на примере «Дум-Дум-Деревни» в уезде Y провинции Шаньси» платформы мобильного интернета через механизмы «массовой децентрализации», «виртуальных сетей» и «алгоритмической логики» открывают канал вертикальной рекрутации в элитные группы для сельских стримеров-продавцов, ускоряя конверсию в экономический и символический капитал и формируя новые элитные кластеры на периферии социальной структуры.¹⁰⁴

Наконец, исследователи в области сельского управления Инь Юйжу и Сунь Цзыцин изучают трактуют сельские политические элиты — глав деревенских комитетов, секретарей парткомов, отставных кадров как ключевых субъектов локального самоуправления, обеспечивающих политическую стабильность, развитие и культурную преемственность. При этом на базе опросов и интервью предлагаются меры повышения институциональной результативности: подготовка кадров на местах, кооперация элит с общиной, институциональные гарантии включения элит в модернизацию управления¹⁰⁵.

Вместе с тем эмпирические исследования фиксируют и негативные эффекты локального элитного влияния в виде «захвата ресурсов элитой». Например, Юнь Чуньси и Ван Са, на материале села С на востоке Хубэя показывают, как социально-сетевые структуры и инерция неформальных институтов позволяют узкой группе лидеров монополизировать внешние ресурсы и информацию, а иерархическая циркуляция сведений и атомизация хозяйств повышают апатию и терпимость к привилегиям. Исходя из этого, ими предлагается формировать культуру ответственности элиты, повышать

---

¹⁰⁴ Юн Луанью, Цуй Чэньмяо, Ван Вэйцзя. Технологическое расширение прав и возможностей и социальная мобильность: исследование формирования элитного сообщества «ведущих-продавцов» и его влияния на примере «Дум-Дум-Деревни» в уезде Y провинции Шаньси // Социальное управление. 2021. № 6. С. 66 - 75.

¹⁰⁵ Инь Юйжу, Сунь Цзыцин. Исследование участия сельских политических элит в управлении сельскими территориями с точки зрения возрождения села // Contemporary Economy. 2024. № 5. С. 77 – 83.

политическую эффективность населения, укреплять нормативное обеспечение модернизации сельского управления и роль партии как центра координации¹⁰⁶.

В противоположность акценту на рисках, обусловленных новыми факторами элитогенеза, Чжу Сюфэн в статье «Социальный капитал группы китайских политических элит: анализ с точки зрения структурализма» утверждает, что власть и социальный капитал политической элиты операционализируются через архитектуру её сетей, отсылая к концепции «властвующей элиты» Ч. Райта Миллса и декомпозируя сеть на иерархические уровни — подсеть политических и подсеть социальных элит — с применением опросов и сетевого анализа по национальной выборке. Таким образом в его статье уточняется понятийное содержание категории «элита» и соединяется критико-структурная перспектива с количественными процедурами¹⁰⁷.

Тем не менее, в целом, несмотря на интенсивную разработку категории «элита» в китайской социологии, подгруппа политической элиты изучена значительно слабее. Между тем именно формирование и воспроизводство политических элит определяют трансформации социальной структуры и играют решающую роль в анализе преемственности и развития китайского общества в модернизационном контексте. В данной связи важно еще раз уточнить понятие «элита» и раскрыть его концептуальное место в изучении институционализированной циркуляции политических элит, придерживаясь нейтральной эмпирико-критической позиции.

В настоящем исследовании понятие «элита» трактуется как наиболее влиятельная и высокостатусная социальная прослойка, располагающая ключевыми ресурсами и оказывающая решающее воздействие на общественные процессы. При этом данная категория не сводится к

---

¹⁰⁶ Юнь Чуньси и Ван Са. (2025). Логика возникновения явления захвата элиты в процессе возрождения сельских районов и способы его преодоления — на примере исследования деревни С в восточной части провинции Энь // Вестник Северо-Восточного университета (социальные науки). 2025. № 2. С. 66 - 76.

¹⁰⁷ Чжу Сюфэн. Социальный капитал группы китайских политических элит: анализ с точки зрения структурализма // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 86 - 116.

экономическим критериям и не претендует на отражение радикальных структурных сдвигов в обществе. Напротив, аналитическое внимание концентрируется на механизмах внутреннего обновления и ротации в элитном сегменте.

Особый интерес вызывает конкуренция индивидов, обладающих властью, сетевыми ресурсами или культурным капиталом, а также их стратегии закрепления привилегий. Ключевое значение при этом имеет сравнительное разграничение понятий «элита» и «класс»: если «класс» фиксирует устойчивые позиции в производственных отношениях, то «элита» обозначает узкий круг агентов, контролирующих стратегические ресурсы и определяющих долгосрочную повестку. Классовый подход, в свою очередь, выступает дополнительной теоретической перспективой, объясняющей социальные предпосылки концентрации власти и воспроизводство стратификационных барьеров. В условиях многоуровневой стратификации современного Китая социологический анализ элит позволяет раскрыть механизмы распределения ресурсов и факторов социального развития, изучить влияние привилегированных групп (политических, экономических и культурных) на ключевые институты и уровень неравенства, а также методологически учесть разнообразие акторов и их связи в контексте институциональных преобразований.

В свете вышеизложенного важно оценить прикладную значимость теоретических моделей и получить ответ на вопрос: каким образом западные концепции элиты соотносятся с китайской реальией и какие методологические выводы можно сделать для сравнительных исследований? На наш взгляд, опыт Китая предоставляет возможность проверить универсальность элитологических подходов и выявить границы их практической применимости.

В последние годы внимание международного социологического сообщества к вопросам исследования элит, включая китайские элиты, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, что в значительной мере

обусловлено процессами глобализации и возрастанием многоаспектной роли элитарных групп в самых разных общественных полях – от политико-административных институтов до экономических и культурных сфер. Современные исследования китайской элиты всё чаще сочетают динамический (исторический) и комплексный (количественно-качественный) анализ, формируя целостное представление о том, каким образом элита изменяет свою структуру и роль по мере ускоренной модернизации. Помимо экономических и политических сфер, механизмы формирования охватывают также культуру, образование и технологии, что подчёркивает многоаспектность элиты и особый характер каналов продвижения, отличающих её от западных образцов.

Сопоставление китайских и западных контекстов свидетельствует, что при схожем росте влияния отдельных групп в Китае применяется специфический набор критериев для анализа элиты и оценки стратификационного неравенства. Переход от показателей доходов домохозяйств к учёту совокупного имущества даёт более объёмное представление о распределении ресурсов, формируя полиструктурный подход, позволяющий выявлять, каким образом элита закрепляет и переосмысляет властные позиции в динамичном социальном пространстве.

На теоретическом уровне исследование социальной структуры китайской элиты способствует расширению и уточнению классических теорий элит, основанных на существующих аналитических моделях. В то время как большинство исследований фокусируются на плюралистической демократии или зрелых капиталистических экономиках как неявных предпосылках формирования элитных групп, переход Китая к рыночной экономике и его уникальный политический контекст предоставляют новые эмпирические данные, которые могут быть использованы для проверки и обогащения теоретических конструкций, разработанных такими классиками, как К. Маркс, М. Вебер и П. Бурдьё. В этом контексте механизмы формирования власти, её легитимности и пути воспроизводства ресурсов среди политических,

экономических и культурных элит в Китае значительно отличаются от западных моделей. Это не только позволяет критически оценить применимость и ограничения теорий элит в рамках плюралистической теоретической парадигмы, но и открывает новые перспективы для сравнительного анализа теоретических моделей элит в различных политических и экономических системах.

Кроме того, опыт Китая в плане формирования и развития новой элиты предоставляет ценную эмпирическую базу для социологов из других переходных экономик, в частности для России. Как и Китай, Россия также проходит этап глубинных институциональных преобразований и рыночных реформ, сталкиваясь при этом с проблемами анализа элитных ротаций, трансформации структур власти и логики глобального капитала. Сопоставление китайских исследований с российскими реалиями позволяет выявить общие закономерности и специфические отличия, что даёт возможность не только расширить теоретический инструментарий, но и стимулировать обмен опытом между исследователями обеих стран, внося вклад в развитие более диверсифицированной и универсальной системы социологических знаний. Эти факторы указывают на необходимость пересмотра классических элитологических теорий в условиях технологических трансформаций, а также стимулируют сравнительные исследования, включая развивающиеся страны, расширяя перспективу понимания того, каким образом элита влияет на социальные изменения на фоне глобализации. Следует подчеркнуть, что указанные сопоставления и теоретические расширения фокусированы на «политической элите» как основном объекте, без её размывания в категорию «элита в целом».

Таким образом прослеживается траектория теоретико-методологической концептуализации категории «элита» в китайской социологии, выстроенная на критическом переосмыслении западной классической элитологии, советской социологической традиции и эволюции отечественной мысли, причём

преодоление напряжения между элитоцентричной и классовой парадигмами, а также баланс количественной эмпирики и качественной критической рефлексии обеспечили, в известной мере, историко-диалектическое единство макроструктурной и микроаналитической перспектив.

В итоге в настоящем исследовании сформирована концептуальная рамка, укоренённая в национальном опыте модернизации и обладающая универсальным объяснительным потенциалом. Причём речь идёт не о механическом совмещении разнородных подходов, а об органичном синтезе, который, с одной стороны, акцентирует решающее воздействие узкого круга высоко статусных акторов, концентрирующих стратегические ресурсы, а с другой — учитывает классовый ракурс, выявляющий структурные предпосылки социального неравенства и границы стратификационной мобильности. Следовательно, феномен элит анализируется в расширенном контексте социальной структуры, уточняется концептуальная роль категории «элита» в изучении институционализированной циркуляции политических элит и выстраивается теоретическая основа для объяснения связи сменяемости правящего слоя с процессами преемственности и развития.

Тем не менее именно формирование и воспроизводство политической элиты во многом определяют трансформации стратификационного ландшафта. В данной связи проведенный в этом параграфе анализ основных теоретико-методологических подходов к осмыслению понятия элита, задавая аналитическую основу, предопределяет последующий вектор настоящего исследования – а именно: изучение состава политической элиты современного Китая, механизмов её институционализированной циркуляции, вертикальной рекрутации и горизонтальной мобильности, а также её роли в системе управления и социальных преобразованиях, что позволяет показать внутреннюю логику поддержания преемственности курса и стимулирования дальнейшего развития.

2.2. Сравнительно-исторический анализ политических элит Китая: преемственность и развитие

Сравнительный анализ концептуализаций понятия политической элиты, разработанных западной и китайской социологическими традициями, показывает, что широко используемые в западной политической науке подходы к изучению элит не обладают полной эвристической валидностью применительно к китайскому политическому контексту.

Данное ограничение обусловлено объективным фактом социалистического характера государственной системы Китайской Народной Республики, где центральная руководящая роль и системообразующие функции принадлежат Коммунистической партии Китая, определяющей основные сущностные параметры общественного устройства и государственного строя страны. Политическое положение и функции Коммунистической партии Китая в социально-политической структуре зафиксированы в Конституции КНР, констатирующей, что «руководство со стороны Коммунистической партии выступает в качестве важнейшего признака социализма с китайской спецификой»¹⁰⁸. Следовательно, сохранение устойчивости социалистического строя является необходимым политическим условием, обеспечивающим государству постоянный контроль над распределением и мобилизацией ресурсов с целью воспроизводства собственной легитимности и эффективности государственного управления. Иначе говоря, исследование и анализ политической элиты КНР требуют обязательного учёта специфики социальной структуры, институциональной конфигурации политической системы и экономического базиса китайского социалистического общества.

Следует отметить, что продолжительное время в международном научном дискурсе господствовали классические западные теоретические

---

¹⁰⁸ База данных национальных законов и нормативных актов. Конституция Китайской Народной Республики (пересмотренный текст 2018 г.) // <https://flk.npc.gov.cn/xf/html/xf2.html> (Дата обращения 07.08.2025).

парадигмы: концепция «циркуляции элит» В. Парето и теория «властвующей элиты» Ч.Р. Миллса, постулирующие наличие строгой взаимосвязи между обновлением элитных групп и глубинными структурными трансформациями общества. Тем не менее, при обращении указанных теоретических подходов непосредственно к китайскому материалу выявляется их существенная методологическая ограниченность. По замечанию немецкого социолога К.Кауц, концепции Ч.Р. Миллса, В. Парето и других создают общую основу, но не отражают специфику политико-экономических институтов Китая¹⁰⁹. Соответственно, возникает необходимость модифицировать теоретические конструкции с учётом социально-исторического контекста и внутренних механизмов китайской системы.

Несмотря на значительное число исследований, посвящённых элитам Китая с начала политики реформ, многие из них носят описательный характер и основываются преимущественно на количественных данных, недооценивая качественные аспекты. Как отмечает М.Ю. Родионов, «статистические обзоры фиксируют макрохарактеристики китайской элиты, но не раскрывают тонкие социальные взаимодействия, особенности культурного капитала и самоощущение элитных групп»¹¹⁰. Действительно, по мнению Я.А. Пляйса, «укрепление элитарных позиций определяется не только накоплением экономических активов, но и во многом достигается за счёт формирования прочных социальных связей и культурного капитала»¹¹¹. Кроме того, отсутствие межнациональной сравнительной перспективы существенно осложняет идентификацию специфических черт китайской политической элиты в контексте глобальной социальной стратификации.

---

¹⁰⁹ Kautz C. Power Struggle or Strengthening the Party: Perspectives on Xi Jinping's Anticorruption Campaign // J OF CHIN POLIT SCI. 2020. № 25. P. 501–511 // <https://doi.org/10.1007/s11366-020-09665-9> (Дата обращения 07.08.2025).

¹¹⁰ Родионов М.А., Волкова Т.А. Китайские политические элиты: история и современность // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-politicheskie-elity-istoriya-i-sovremennost> (Дата обращения: 30.12.2024).

¹¹¹ Пляйс Я.А. Политическая элита постсоветской России: этапы трансформации, проблемы совершенствования. М: Издательство "Росспэн", 2024. С. 91 - 146.

Действительно, процессы модернизации современного Китая сопровождаются столь масштабной и многомерной трансформацией стратификационных конфигураций, что именно элитный сегмент социальной структуры оказывается центральным объектом социологического анализа. Внутренне дифференцированные высокостатусные группы определяют траектории ресурсного перераспределения, задают параметры институционализированной элитной циркуляции и, соответственно, оказывают определяющее влияние на формирование публичной повестки и общественных интерпретаций социальной реальности. Таким образом, именно композиция элитных групп, а не исключительно нормативно-правовые институты, детерминирует конфигурацию макросоциальной стабильности и задаёт границы возможных вариантов дальнейшего общественного развития.

Систематический социологический анализ динамики социальной структуры элитного слоя позволяет реконструировать механизмы воспроизводства власти, выявить каналы внутри- и межсекторальной мобильности и уточнить роль структурных конфигураций элит в усилении социального неравенства. Накопленные эмпирические данные, обусловленные интенсивными экономическими преобразованиями и ускоренным технологическим обновлением, открывают возможность критической верификации классических элитологических концепций, разработанных в американской и континентально-европейской социологических традициях. Именно институциональный подход позволяет современной китайской социологии переосмыслить взаимосвязь ресурсной концентрации, символической легитимации и структурной интеграции различных элитных фракций.

В условиях модернизационных преобразований Китая особую актуальность приобретает управляемая ротация (циркуляция) элит, направленная на минимизацию рисков концентрации властных ресурсов в узких группах и предотвращение институциональной инерции, характерной для

высших управленческих уровней. Эмпирически верифицированный анализ закономерностей интеграции и дифференциации высокостатусных групп, осуществляемый с акцентом на институциональные механизмы циркуляции элит, формирует методологическую основу для построения прозрачной и динамичной системы кадрового отбора и управляемой ротации, способной адекватно реагировать на изменения общественных запросов. Полученные выводы релевантны не только для оптимизации управленческих практик в КНР, но и для других государств, находящихся на сопоставимых стадиях модернизационного развития.

Прежде всего, сравнительный анализ эмпирических данных, фиксирующих индивидуальные характеристики, академические траектории и параметры профессиональной карьеры членов Центрального комитета КПК с момента образования КНР в 1949 г., позволяет выявить существенные межпоколенческие различия. Так, при сопоставлении характеристик политической элиты Китая на различных исторических этапах первостепенное значение приобретают производные показатели межпоколенческих изменений таких параметров, как гендерный состав, этническая идентичность и региональное происхождение.

Необходимо отметить, что доля женщин в составе политической элиты Китая исторически оставалась незначительной, что обусловлено их преимущественным присутствием на второстепенных управленческих позициях. В частности, начиная с образования КНР в 1949 году, удельный вес женщин среди членов Центрального комитета КПК стабильно колебался в диапазоне от 3% до 6% от общего числа, что свидетельствует о незначительном, но стабильном уровне представленности. Биографический анализ показывает, что женщины, избранные в состав ЦК КПК, как правило, занимали руководящие должности низшего политического уровня. При этом с 1949 года ни одна женщина не входила в состав Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК. Таким образом, гендерный анализ подтверждает

устойчивое межпоколенческое доминирование мужчин в политической элите Китая и позволяет предположить сохранение подобной тенденции в перспективе.

В составе политической элиты КНР на различных исторических этапах наиболее значительное численное представительство среди деятелей, происходящих из национальных меньшинств, стабильно фиксировалось за представителями тибетской, уйгурской и монгольской этнических групп.

Вместе с тем эмпирические данные историко-статистического анализа подтверждают отсутствие каких-либо проявлений этнической дискриминации в рамках высших органов государственной власти страны. Доля представителей национальных меньшинств среди членов Центрального комитета Коммунистической партии Китая на протяжении всего изучаемого периода сохранялась на уровне около 7%, что соотносится с их общей долей в населении страны, равной примерно 8%. Данный эмпирический показатель позволяет аргументированно констатировать отсутствие в политической элите КНР тенденций к проявлениям великоханьского шовинизма. В то же время результаты частотного анализа выявляют определённые исторические изменения в этнической структуре высшего руководства. В частности, в период правления Мао Цзэдуна и на раннем этапе реализации политики реформ и открытости (1980-е гг.) среди членов Центрального комитета КПК из числа национальных меньшинств преобладали уйгуры, тибетцы, корейцы и монголы. В 1990-е гг. в Центральном комитете численно доминировали представители маньчжурской, уйгурской и тибетской национальностей. Начиная с XXI века наибольшее представительство в ЦК КПК среди национальных меньшинств фиксируется за представителями тибетской, монгольской и уйгурской этнических групп.

В начале XXI века среди представителей этнических меньшинств в составе ЦК КПК преобладали маньчжуры, уйгуры и тибетцы. Частотный анализ также свидетельствует о том, что в исторической ретроспективе

наибольшее число членов Центрального комитета происходило из провинций Шаньдун, Цзянсу, Хэбэй и Чжэцзян. Межпоколенческая динамика показывает значительный прирост числа представителей Цзянсу в последующих поколениях китайской политической элиты, в то время как выходцы из провинции Шаньдун стабильно сохраняли широкое представительство во всех составах Центрального комитета.

Вторым важным аспектом сравнительного анализа является межпоколенческая динамика академической подготовки членов ЦК КПК. Статистические данные свидетельствуют о заметном повышении уровня академического образования политической элиты начиная с первых лет реализации политики реформ и открытости. В период с 1990-х годов до начала XXI века доля членов ЦК КПК, имеющих диплом бакалавра, стремительно возросла, достигнув 87%, в то время как число лиц с более низким уровнем образования существенно сократилось.

Таким образом, общий вывод проведённого сравнительного исследования заключается в устойчивом увеличении доли членов ЦК КПК с высшим образованием (степень бакалавра и выше) с 1990-х гг. В начале XXI века данный показатель превысил 90%. При этом доля членов ЦК, не имевших профессионального образования, начала стремительно сокращаться ещё в середине 1980-х годов. В 1990-е гг. заметный рост наблюдался в сегменте членов ЦК КПК с научно-техническим образованием, тогда как доля обладателей гуманитарного и общественного образования начала быстро увеличиваться уже с начала XXI века. Впервые после XVIII съезда КПК количество членов ЦК, имеющих гуманитарное и общественное образование, превысило число представителей с научно-техническим профилем, что оказало значительное влияние на процесс модернизации Китая¹¹².

---

¹¹² Источник данных: «Жэньминь жибао онлайн», новостная сеть Коммунистической партии Китая. База данных всех съездов Коммунистической партии Китая // <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/> (Дата обращения: 04.08.2025).

Третьим аспектом сравнительного анализа является карьерная динамика. Изучение карьерных траекторий членов Центрального комитета КПК с точки зрения стартовых позиций, сфер деятельности и специфики продвижения по служебной лестнице позволяет более глубоко раскрыть межпоколенческие различия в китайской политической элите. В настоящее время начальные карьерные позиции членов ЦК КПК можно классифицировать следующим образом.

1. Деятельность в низовых партийных и общественных структурах;
2. Работа на промышленных предприятиях (рабочие, техники, бухгалтеры, управленческий персонал);
3. Преподавательская и исследовательская деятельность в учреждениях начального и среднего образования;
4. Научно-преподавательская работа в высших учебных и научных учреждениях;
5. Служба на низовых государственных должностях, в армии или прохождение начальной военной подготовки;
6. Участие в движении «образованной молодежи», направленной в сельскую местность в период правления Мао Цзэдуна.

Частотный анализ позволил выявить значимые межпоколенческие изменения в исходных профессиональных характеристиках членов Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Начиная с середины 1980-х гг. устойчиво возрастала доля тех представителей ЦК КПК, чья начальная стадия карьеры была связана с техническими и управленческими должностями на промышленных предприятиях, достигнув доминирующих показателей на протяжении 1990-х гг. и в начале XXI века. Однако после XVIII съезда КПК численность членов Центрального комитета, начавших профессиональную деятельность в данной сфере, стала существенно снижаться. В противоположность этому количество членов Центрального комитета, стартовавших с низовых должностей в партийных и общественных структурах,

с момента проведения XV съезда КПК демонстрирует устойчивую тенденцию к сокращению.

Согласно результатам ряда исследований, после XVIII съезда КПК наличие высокого исходного уровня профессионального опыта в технической сфере уже не является значимым фактором повышения вероятности избрания в Политбюро ЦК КПК¹¹³. В то же время, начиная с XV созыва Центрального комитета, наблюдается стабильный рост доли членов ЦК, чья карьера началась в рамках социальной группы «чжиши циннянь» («образованная молодёжь»), достигнув значительных масштабов к моменту XIX съезда партии. Что касается членов ЦК КПК, имевших иные исходные карьерные позиции, то межпоколенческие изменения здесь характеризуются большей стабильностью и умеренными темпами. Например, судя по отдельным исследованиям, в так называемую «новую когорту из Цинхуа» входят не менее 75 руководителей уровня главы департамента, родившихся в 1980-е гг., 84% из которых обладают учёными степенями магистра или доктора наук. При этом почти половина из них занимала руководящие должности в молодёжных союзах либо участвовала в специальных проектах, квалифицируемых исследователями как новые институциональные механизмы профессионального продвижения представителей категории «новых чжиши циннянь»¹¹⁴.

Сферы профессиональной деятельности членов ЦК КПК на момент их избрания можно разделить на четыре категории:

1. Центральные партийные и государственные органы;
2. Партийные и государственные органы провинциального уровня;
3. Государственные предприятия и научно-исследовательские учреждения;

---

¹¹³ Jia Ruixue, Xu Yiqing, Rotating to the Top: How Career Tracks Matter in the Chinese Communist Party (August 31, 2018). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3613276> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3613276> (Дата обращения 07.08.2025).

¹¹⁴ Guoguang Wu. The Rise of CCP Young Elites and Xi Jinping's "Tsinghua New Army". URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/rise-ccp-young-elites-and-xi-jinpings-tsinghua-new-army> (Дата обращения 07.08.2025).

4. Военные структуры.

Межпоколенческая динамика данного показателя отражает изменения в структуре распределения политической власти среди китайской политической элиты. Частотный анализ показывает, что абсолютное большинство членов ЦК КПК традиционно происходило из центральных и провинциальных партийных и государственных органов. При этом в эпоху Мао Цзэдуна и на раннем этапе политики реформ и открытости количество представителей провинциальных партийных и государственных органов стабильно превышало число выходцев из центральных структур. Лишь начиная с XVII съезда ЦК КПК представители центральных партийных и государственных органов стали значительно преобладать над выходцами из провинциальных органов власти. Доля представителей военных организаций, государственных предприятий и научно-исследовательских учреждений на протяжении анализируемого периода оставалась относительно стабильной¹¹⁵.

Карьерные траектории членов ЦК КПК в различные исторические периоды демонстрируют разнообразие профессиональных отраслей и сфер деятельности, оказывая значительное влияние на основные характеристики и адаптационные способности китайской политической элиты. Наиболее выраженные изменения карьерных путей членов ЦК КПК могут быть выявлены путём статистического анализа их преобладающего профессионального опыта.

В эпоху Мао Цзэдуна и на раннем этапе политики реформ и открытости преобладала тенденция карьерного роста в партийных и государственных органах. Однако уже в 1990-е гг. доля членов ЦК КПК с подобным опытом существенно снизилась. Численность представителей, имевших опыт работы как в армии, так и в партийно-государственных структурах, была относительно значительной в 1980-е гг., но заметно сократилась в последующий период. В то же время доля членов ЦК КПК, сочетавших работу на государственных

---

¹¹⁵ Источник данных: «Жэньминь жибао онлайн», новостная сеть Коммунистической партии Китая. База данных всех съездов Коммунистической партии Китая. URL: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/> (Дата обращения: 04.08.2025).

предприятиях с опытом в партийно-государственных органах, существенно возросла в 1990-е гг. и постепенно уменьшилась в первой четверти XXI века. Также возросла, хотя и в меньшей степени, доля членов ЦК КПК с профессиональным опытом работы в научно-исследовательских учреждениях, высших учебных заведениях и партийно-государственных структурах¹¹⁶.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ позволяет заключить, что 1990-е гг. характеризовались ускоренным обновлением состава политической элиты Китая: значительная часть представителей, профессионально сформировавшихся на государственных предприятиях, в научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях, в этот период постепенно заняла ключевые руководящие и лидерские позиции.

Общий вывод, сделанный на основе анализа исторической эволюции политической элиты КНР после 1949 гг., состоит в переходе от элиты, сформированной преимущественно за счёт политического капитала, накопленного в ходе социалистической революции и социалистического строительства, к элите, основанной главным образом на человеческом капитале, включающем знания, технологии и конкурентные преимущества.

Сущность данной трансформации определяется изменением внутренней структуры человеческих ресурсов элиты, что подтверждают результаты проведенного авторского исследования.

Одним из вопросов, заданных экспертам, был следующий: «Как, по Вашим наблюдениям, изменилось соотношение между политическим капиталом, накопленным в годы революционной борьбы, и человеческим капиталом, основанным на образовании, профессионализме и интеллектуальных компетенциях, в процессе формирования политической элиты различных поколений?». Целесообразно привести наиболее характерные ответы экспертов, подтверждающие посыпки, обозначенные выше. В

---

¹¹⁶ Источник данных: «Жэньминь жибао онлайн», новостная сеть Коммунистической партии Китая. База данных всех съездов Коммунистической партии Китая. URL: <https://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/> (Дата обращения: 04.08.2025).

частности, Ли Шэньмин отметил, что «исходя из сопоставления исторических этапов и учитывая изменчивость условий формирования корпуса руководящих кадров, представляется необходимым констатировать, что в период революционной борьбы авторитет старшего поколения руководителей опирался преимущественно на боевые заслуги, дисциплину самопожертвования и подтвержденную практикой способность организовывать народ на достижение стратегических целей, тогда как в условиях мирного строительства, а особенно после развёртывания реформ и открытости, объективным критерием кадрового продвижения стало системное образование и доказанная профессиональная компетентность в сферах современной экономики, управления и науки, что выразилось в устойчивом росте доли высокообразованных и специализированных работников в коллегиальных руководящих органах на всех уровнях. Вместе с тем значение революционно-политического наследия не утрачено: партия последовательно требует от кадрового актива воспроизводства «красной» составляющей — твёрдой партийности, служения народу и верности идеалам, — причём проверка этой составляющей осуществляется ныне не полем боя, а институтами партийной школы, целенаправленной низовой практикой и дисциплиной организационной жизни».

С ним солидарен Цзян Хуэй, который отметил, что «в эпоху вооружённой борьбы основанием руководящего статуса выступали верифицированные практикой заслуги, выражавшие готовность нести риски и ответственность ради победы общего дела, тогда как в период мирного развития и особенно в фазе реформ и открытости выдвижение стало обуславливаться степенью образовательной подготовки, уровнем профессионализации и наличием прикладных компетенций в экономике и управлении, что обусловило широкое привлечение специалистов с инженерным и экономическим профилем. Однако указанный сдвиг не означает утраты ценности революционной традиции: партия целенаправленно обеспечивает преемственность «красного

генофонда» посредством системной идеологической работы, историко-политического просвещения и нормативного требования политической лояльности и служебной бескорыстности; на практике востребован тот тип руководителя, который соединяет способность решать задачи модернизации с безусловной приверженностью партийным целям, что позволяет, не разрывая исторической нити, подбирать кадры, адекватные требованиям каждого последующего этапа развития».

В философском плане ключевым аспектом межпоколенной деривации политической элиты является диалектическая взаимосвязь экономического базиса и идеологической надстройки.

Если рассматривать этот процесс в диахронической перспективе, до начала политики «реформ и открытости» основными движущими силами формирования элиты выступали кадры, обладающие преимущественно политическим капиталом. В последующий период доминирующую роль приобрели элиты с интеллектуальным и технологическим потенциалом. После избрания Си Цзиньпина Генеральным секретарём ЦК КПК ключевой тенденцией стала множественность состава политической элиты, обусловленная усложнением критериев отбора и интеграцией различных видов капитала.

Таким образом, трансформация китайской политической элиты детерминирована философскими, социальными и политическими факторами, а в конечном счёте — качественными изменениями экономического базиса и надстройки общества, что согласуется с фундаментальными положениями исторического материализма и марксистской социологической теории.

Согласно К. Марксу экономический базис общества характеризуется исторически изменчивой природой, обусловленной эволюцией общественных производительных сил. Определённый тип экономического базиса формирует

соответствующий характер надстройки, поэтому изменения в базисе неизбежно влекут за собой трансформацию всей надстроечной структуры общества¹¹⁷.

Конечно, взаимосвязь между базисом и надстройкой носит диалектический характер. Как только надстройка создается на определенном экономическом базисе, она начинает реагировать на создавший ее экономический базис и на развитие общества в целом. В этом взаимодействии решающую роль играет, конечно же, экономический базис. Противодействие надстройки носит иной характер, но при определенных исторических условиях оно может быть решающим. Прогрессивная надстройка способствует формированию, укреплению и развитию собственной экономической базы и общества; реакционная надстройка поддерживает собственную реакционную базу и препятствует развитию производительных сил. Например, в определенные исторические периоды можно увидеть, что надстройка может способствовать развитию общества в одном аспекте и некоторых аспектах, и препятствовать развитию других элементов, аспектов, процессов общества.

Начиная с 2012 г., китайское общество вступило в качественно новую стадию институциональной трансформации, сопровождающуюся углублением экономических реформ. С позиций исторического материализма данный период характеризуется диалектическим взаимодействием экономического базиса и надстройки. Экономический базис включает способ материального производства и систему производственных отношений, а надстройка представлена политическими институтами, правовой системой, государственным аппаратом, а также идеологическими и культурными структурами, возникающими на основе указанного базиса. Согласно марксистской традиции, базис определяет характер надстройки, при этом последняя, в свою очередь, оказывает существенное обратное воздействие.

---

¹¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собрание сочинений, изд. 2. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. 771 С.

Поэтому изучение постреформенных трансформаций требует анализа механизмов взаимовлияния этих сфер.

После 2012 г. китайский экономический базис претерпел значительные изменения, связанные с ускорением структурной модернизации и расширением сферы услуг. Рост производительных сил привёл к перестройке социальных отношений, выраженной в формировании новых групп интересов и усилении противоречий с традиционными слоями. Рыночные реформы обусловили возникновение многоукладных производственных отношений: государственный сектор сохранил ключевое значение, при одновременном бурном развитии частного и смешанного секторов, сформировавших слой частных предпринимателей как новой экономической элиты. Массовая урбанизация сельских трудовых ресурсов способствовала расширению среднего класса. Вместе с тем стремительный рост усугубил социальную стратификацию, региональные и городско-сельские диспропорции, закрепив высокий уровень имущественного неравенства (коэффициент Джини стабилизировался на уровне около 0,47),¹¹⁸ демонстрируя выраженный кумулятивный эффект концентрации богатства в высших стратах.

Адаптация к указанным трансформациям экономического базиса вызвала целенаправленные изменения в надстройке. В политической системе после XVIII съезда КПК был реализован ряд мер, направленных на усиление внутреннего управления и институционализацию циркуляции элит. Масштабная антикоррупционная кампания, ужесточение дисциплинарного контроля, ограничение сроков полномочий и кадровая ротация препятствовали чрезмерной концентрации властных ресурсов, снижая коррупционные риски. Одновременно партия интегрировала представителей новой экономической элиты через расширение партийного строительства в негосударственном секторе. Так, в частности, уровень охвата партийными организациями средних

---

¹¹⁸ Источник: база данных «государственные данные» ГСУ Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A0G&sj=2024> (Дата обращения 07.08.2025).

и крупных предприятий негосударственного сектора в провинции Сычуань по состоянию на 2024 год составил 83,2%¹¹⁹, включая их в консультативно-законодательные структуры.

В правовой сфере государство совершенствовало нормативную регуляцию рыночной экономики путём принятия законодательства в области защиты собственности, трудовых прав и антимонопольного регулирования. Это создало институциональные гарантии устойчивого роста и нивелирует негативные эффекты рынка, демонстрируя активный отклик надстройки на изменения базиса.

В идеологической и культурной сферах было усилено государственное идеологическое руководство, направленное на укрепление общественного консенсуса посредством концепции «Китайская мечта» и «социалистических основных ценностей». Ужесточение контроля за медиапространством и Интернетом предотвратило распространение негативных идеологических явлений, способствуя формированию общественного сознания, соответствующего модернизационным задачам экономического развития.

Таким образом, взаимодействие между экономическим базисом и надстройкой после 2012 г. демонстрирует классическую историко-материалистическую логику: структурные изменения базиса требуют адаптации политико-идеологических институтов, а активное воздействие надстройки определяет дальнейшую траекторию экономического развития. Государство как субъект надстройки через институциональные инновации поддерживает динамическое равновесие социальной структуры и направляет производительные силы по траектории, соответствующей целям долгосрочной стабильности и социального развития. С классовых позиций стратегия правящей партии направлена на предотвращение эрозии социалистической собственности при использовании капитала нового предпринимательского класса для экономического прогресса. Подобный механизм диалектической

---

¹¹⁹ Газета «Сычуань жибао». 2 июля 2024 г. С. 1, 4.

взаимосвязи между базисом и надстройкой является важнейшим структурным фактором, обеспечивающим развитие китайского социализма на современном этапе.

Согласно вышеизложенной логике рассуждений, прежняя экономическая элита, сформировавшаяся в период Китайской Республики (до 1949 г.), была ликвидирована в результате социалистических преобразований 1950-х гг., повлекших уничтожение национальной буржуазии как класса. В период, предшествующий началу масштабных экономических реформ и политике открытости (1978 г.), общественное богатство социалистического Китая формировалось преимущественно на основе государственной, кооперативной и индивидуальной форм собственности, при этом ключевые отрасли промышленности, занятые производством средств производства, находились под контролем общенародной собственности. Вследствие указанного доминирования государственной формы собственности социальная структура характеризовалась высоким уровнем централизации и административной унификации¹²⁰.

Данный аспект проявлялся в абсолютном контроле политической власти над экономическими и социальными ресурсами в условиях планово-централизованной модели хозяйствования. Тем не менее, рыночно ориентированные реформы и политика внешней открытости обусловили глубокие трансформации отношений собственности и механизмов распределения общественных благ, стимулировав перераспределение социальных ресурсов и формирование элементов социалистической рыночной экономики. Указанные процессы создали объективные предпосылки для постепенного восстановления экономической элиты, ядро которой составили представители частного предпринимательства.

---

¹²⁰ Цаголов Н.А. и др. Курс политической экономии. Том II. М: Изд-во «Экономика», 1974. С. 228.

Эволюция же политической элиты в Китае неразрывно связана с изменением идеологической надстройки, а современная китайская доктрина олицетворяет собой многоуровневый теоретический синтез, включающий:

1. Теорию Дэн Сяопина, акцентирующую задачу «освобождения и развития общественных производительных сил», что институционально легитимировало развитие частного сектора при доминирующей роли общественной собственности.

2. Концепцию «Трёх представительств» (Цзян Цзэминь, 2002 г.), расширившую авангардную основу КПК за счёт включения представителей передовых производительных сил, то есть предпринимателей, что нормативно закрепило их политическую лояльность.

3. Доктрину «научного взгляда на развитие» (Ху Цзиньтао), обозначившую переход от преимущественно количественного роста к качественно сбалансированному развитию, повлёкшему перераспределение элитных ресурсов в пользу высокотехнологичных и инновационных отраслей.

4. Идеи Си Цзиньпина (концепции «пяти всеобъемлющих подходов», «новой стадии развития», «всеобщей модернизации» и «двойной циркуляции»), включая принцип «двух непоколебимых»: непоколебимое укрепление государственного сектора при одновременной всесторонней поддержке негосударственного, а также идею «всеобщего процветания», обусловившую антиолигархический вектор текущей политики в отношении экономических элит.

Указанный теоретический комплекс выполняет двойственную функцию: во-первых, обеспечивает идеологическую легитимацию институционально-гибридной модели собственности, во-вторых, формирует нормативные критерии политической селекции элит, выдвигая требования политической лояльности, технократической компетентности и приверженности курсу «красной модернизации». Новая экономическая элита выступает агентом теоретически обоснованного перехода к более социализированной структуре

экономики, сохраняя при этом управленческую гибкость, обусловленную рыночными механизмами.

При этом формирование новой экономической элиты осуществлялось по двум основным траекториям: циркуляции элит и воспроизводства элит. В первом случае («снизу-вверх»), когда представители менее обеспеченных социальных групп, воспользовавшись условиями рыночной трансформации и возможностями капитализации ресурсов, становились частными предпринимателями, пополняя формирующуюся элитную страту и демонстрируя расширение вертикальной социальной мобильности вследствие модернизации экономической системы. Напротив, механизм воспроизводства элит («сверху вниз») предполагал переход части прежней партийно-административной номенклатуры, располагавшей значительным политическим и экономическим капиталом, в сферу частного предпринимательства. Данные акторы использовали накопленный в рамках административно-командной системы социальный капитал, привилегированный доступ к информации и знание политических механизмов, что обеспечивало им конкурентные преимущества в новой экономической среде.

Следует отметить, что аналогичные процессы наблюдались в России в период становления новой экономической элиты после распада СССР. Согласно социологическим исследованиям, доля представителей российской экономической элиты, имевших опыт работы в партийно-государственных структурах (КПСС, Совете Министров СССР, ВЛКСМ и др.), составляла в 1993 г. 21%, а к 2001 г., когда В.В. Путин вступил в должность Президента РФ, увеличилась до 29%¹²¹. Приведённые данные свидетельствуют о том, что в период демонтажа классической социалистической модели представители прежнего партийно-административного аппарата активно использовали

---

¹²¹ Крыштановская О.В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-elita-i-oligarhi-itogi-desyatiletija> (Дата обращения: 17.07.2024).

накопленный социальный капитал и разветвлённые сети для успешного включения в формирующуюся рыночную экономику.

Согласно классическим социологическим концепциям социальной стратификации, эволюция элитной структуры отражает глубинные изменения механизмов распределения ресурсов и власти. Так, если в условиях плановой модели политическая элита обладала монопольным контролем над экономической сферой, то в постреформенный период, в связи с внедрением элементов рынка в социалистическую систему, роль экономического фактора в формировании социального статуса и межгрупповой дифференциации существенно возросла. Это свидетельствует не только о диверсификации социальной структуры, но и о постепенном переходе от унитарного типа власти к более сложной конфигурации, в которой экономические и политические акторы взаимодействуют в режиме взаимозависимости, а в некоторых случаях вступают в конкурентные отношения.

С позиции социальной структуры подъём экономической элиты и развитие частного предпринимательства тесно связаны с институциональными и ценностными трансформациями, затрагивающими не только экономическую подсистему, но и всю систему социальной стратификации. В этой связи необходимо обратить внимание на две принципиальные особенности указанной динамики.

Во-первых, частный предпринимательский сектор, составляющий ядро экономической элиты, представляет собой гетерогенное поле конкуренции субъектов с разным объемом экономического, социального, культурного и символического капитала (в терминологии П. Бурдьё). Согласно результатам регрессионного и кластерного анализа, образовательный уровень и политическая идентичность неодинаково определяют траектории формирования элитных групп с учётом множественности классовой идентификации. В таких обстоятельствах экономическая элита осуществляет

конверсию капитала, укрепляя свои позиции и формулируя правила функционирования предпринимательского поля.

Во-вторых, стратегии экономических элит обусловлены их первоначальным социальным происхождением. Представители предпринимательства, достигшие элитного статуса посредством рыночного успеха («снизу»), стремятся конвертировать экономический и культурный капитал в социально признаваемый статус. Напротив, выходцы из административных структур, воспроизводящие элитный статус, задействуют преимущественно политический капитал для усиления контроля над предприятиями и закрепления доминирующего положения. Различия в исходных ресурсах и способах конверсии капитала ведут к возникновению специфических альянсов и расстановок сил, способствующих динамической трансформации структуры власти в экономической сфере.

Разнообразие стратегий указанных групп и постоянная конкуренция за ресурсы порождают сложные конфигурации взаимоотношений и регулярные изменения баланса сил между ключевыми субъектами предпринимательского поля. Подобная многосторонняя конкуренция выступает фактором, стимулирующим непрерывную реорганизацию власти и статуса основных акторов. Кроме того, частный сектор играет существенную роль в формировании и усилении позиций экономической элиты в социально-экономической структуре. Анализ этапов реформ и политики открытости демонстрирует сложные причинно-следственные связи между становлением экономических элит и развитием частного предпринимательства. Используя концепты «поля» и «габитуса» П. Бурдьё, частный сектор можно представить, как социальное пространство аккумуляции и конверсии различных форм капитала (экономического, культурного, социального и символического). Обладая значительным социальным потенциалом, экономические элиты оказывают влияние на институциональную регуляцию, формируют сетевые

структуры и определяют нормативные параметры функционирования поля, закрепляя свое преимущество.

Таким образом, посредством конверсии символического капитала экономические элиты оказывают косвенное воздействие на нормативную регуляцию, формируя общественные представления о корпоративных практиках как социально успешных или значимых. Это способствует закреплению их статуса в широкой социальной структуре и формированию специфического габитуса предпринимательского сектора, оказывающего влияние на институциональную среду общества. По наблюдениям Н. де Граафа и Б. Альпендорна, даже представители политической элиты, вовлечённые в экономическую деятельность (например, руководители государственных корпораций), демонстрируют выраженную ориентацию на коммерческие ценности и международную торговлю, одновременно сохраняя нормативные обязательства перед государственными институтами. Подобная двойственность формирует особый тип китайских управленцев, отличающийся спецификой капиталистической и государственной идентичности на глобальном уровне¹²².

В начальный период реформ и политики открытости в китайских академических кругах интенсивно обсуждалась роль частного сектора в условиях формирования многоукладной экономики. Ряд исследований констатировал возможность ограниченного развития частных предприятий и потенциального возникновения различных форм эксплуатации на начальной стадии преобразований. Вместе с тем, в официальных рекомендациях была подчеркнута необходимость не только поддержания существования и частного предпринимательства и содействия его развитию, но и усиления институциональной регуляции данной сферы, что де-факто свидетельствовало

---

¹²² de Graaff N., & van Apeldoorn B. US Elite Power and the Rise of 'statist' Chinese Elites in Global Markets // *International Politics*. 2017. № 54(3). P. 338 – 355.

о признании легитимности и перспектив частного сектора в переходном периоде¹²³.

Современный этап развития экономической элиты в контексте социалистического общественного устройства КНР характеризуется институционализацией её статуса и социальной роли. Так, выступая 1 июля 2001 года, Генеральный секретарь ЦК КПК обозначил представителей экономической элиты как «неотъемлемую часть строителей социализма с китайской спецификой», что расширило возможности их политической интеграции — от вступления в ряды КПК до избрания в законодательные и консультативные органы различных уровней. Это событие стало поворотным пунктом в социально-структурной трансформации экономической элиты, ее интеграцию в ряды политической элиты и подчеркнуло её возрастающее влияние в общественно-политическом управлении.

В целом, эволюция политических элит в социалистическом Китае между поколениями обязательно коррелируется с общими чертами социалистической системы и соответствующей ей политической структурой. Центральное политическое руководство Коммунистической партии Китая, социалистическая система и исторические традиции общества определили, что эволюция политических элит Китая между поколениями имеет свою собственную относительно стабильную модель по сравнению с Западом. По результатам сравнительного анализа можно сделать вывод о наличии трех постоянных факторов в межпоколенческой эволюции политической элиты.

Во-первых, ротация и смена политических элит всегда происходила при доминировании коммунистической партии, а лояльность коммунистической партии является основным критерием для найма и продвижения политических элит. Конечно, в реальной политической деятельности лояльность

---

¹²³ Ван Вэйгуан и др. Избранные материалы «документ для служебного пользования» Китайской академии общественных наук. Том 1. 1982-1992 г. Марксизм, литература, история и философия. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2017. С. 75.

коммунистической партии и лояльность классическому марксизму-ленинизму как идеологии в разное время имели разные политические соотношения.

Во-вторых, замещение и структурная трансформация политических элит в КНР длительное время следуют институционально обусловленной, эволюционно-поступательной нисходящей траектории, принципиально отличной от модели масштабного замещения элит, вызванного революциями или радикальными реформами. Указанная модель реализуется не в результате экзогенных потрясений, а через систематическое, планомерно-поэтапное проведение структурно-институциональных мероприятий, сопровождающихся нормативно регламентированными процедурами воспроизводства иерархии политических элит.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает двойственность понятия «нисходящего подхода». На макроуровне оно выражается в строгом соблюдении иерархически выстроенной системы политического управления, предполагающей вертикальную циркуляцию кадров и смену поколений элит посредством поэтапного и дифференцированного делегирования полномочий. Например, смена поколений элит на ранних этапах политики реформ и открытости инициировалась централизованной модернизацией кадровой политики с последующим её распространением на нижележащие партийно-административные структуры. Подобная схема исключила риски организационного хаоса и неэффективной мобилизации ресурсов, повысив адаптивность политической системы и эффективность реализации решений на всех управленческих уровнях.

На микроуровне политических взаимодействий «нисходящий подход» проявляется в институционализированной персональной зависимости нижестоящих кадров от вышестоящего руководства. Поскольку высшие руководители монополизируют полномочия по вопросам продвижения, назначения и ресурсного обеспечения подчинённых, подобные вертикальные властные связи приобретают устойчивый институциональный характер, во

многим определяющий политическую логику поведения низшего и среднего управленческих звеньев. Высшее руководство контролирует механизмы оценки, рекомендаций и аттестаций кадров, вследствие чего нижестоящие чиновники демонстрируют высокую восприимчивость к политическим указаниям, что позволяет им обеспечивать карьерные преимущества в рамках заданной системы. Несмотря на то, что подобные отношения способствуют дисциплинарной регламентации, одновременно они объективно ограничивают автономию и внутреннюю гетерогенность политических элит, порождая институциональные барьеры.

Таким образом, специфика «нисходящего подхода» в обновлении элит КНР определяется сочетанием формализованных механизмов кадрового регулирования на институционально-организационном уровне с вертикально структурированной системой персональной зависимости на уровне политических взаимодействий. Данное сочетание обеспечивает длительную эволюционную стабильность и структурную упорядоченность политических элит. Вместе с тем, указанная институциональная модель сопряжена с рисками снижения автономности кадров и подавления творческой инициативы, что требует адекватной корректировки механизмов воспроизводства политических элит во избежание их элитарной замкнутости и для сохранения институциональной устойчивости в условиях модернизации политической системы.

В-третьих, мобильность и воспроизводство политических элит КНР детерминируются взаимодействием институционализированных процедур и неформальных механизмов политического поведения. Последние представляют собой не закреплённые в официальных нормах, однако объективно значимые детерминанты политического процесса, включая фракционные сети, персональные отношения («гуаньси») и теневые властные структуры. Переплетаясь с формализованными регламентами, указанные неформальные механизмы формируют интегрированную траекторию циркуляции элит.

Институционализация элитной циркуляции неизбежно сопряжена с воздействием латентных сетевых факторов, вследствие чего, несмотря на формальное регулирование кадровых ротаций и сроков пребывания в должности, доступ к ключевым позициям сохраняет ограничительный характер для представителей неэлитных групп.

Несмотря на последовательное укрепление формальных институтов с момента начала реформ, неформальные факторы по-прежнему оказывают значительное влияние на процессы обновления элит. Введение жёстких регламентов (фиксированные сроки занятия должностей, возрастные ограничения) повысило управленческую эффективность и стабильность системы, однако не исключило скрытых форм неравенства. В частности, фракционные структуры, личностные связи и семейный капитал по-прежнему детерминируют кадровые решения, затрудняя вертикальную мобильность представителей, не обладающих достаточными сетевыми ресурсами.

Эти тенденции ярко проявились в разные периоды новейшей истории Китая. При Цзяне Цзэmine (1990-е годы), несмотря на формальную институционализацию ротаций, ключевые назначения продолжали зависеть от влияния партийных старейшин и региональных фракций («шанхайская группа»). В эпоху Ху Цзиньтао (2000-е годы), хотя правила сменяемости стали более строгими, неформальные сетевые механизмы (например, «туаньпай») обеспечивали внутренний баланс элитных группировок. При Си Цзиньпине (2010-е гг. — настоящее время) институциональная централизация достигла беспрецедентного уровня: отмена ограничения сроков полномочий и антикоррупционная кампания существенно изменили расстановку сил, однако неформальные механизмы не исчезли, а концентрировались вокруг фигуры самого лидера и его ближайшего окружения. В результате сложилась модель, в которой высокоцентрализованные формальные институты тесно интегрированы с персонифицированными сетевыми структурами власти.

В то же время, на основании исследования, проведенного в данной главе, можно предположить, что после XXI съезда Коммунистической партии Китая, произойдет дальнейшая деривация политической элиты Китая с целью повышения способности этой группы к управлению страной.

Направлением деривации всей политической элиты Китая являются следующие факторы:

1) Политическое сознание. Лояльность отдельных представителей политической элиты к Коммунистической партии Китая и социалистической теоретической системе с китайской спецификой будет еще больше повышаться. В полной мере согласуется с данным тезисом и утверждение товарища Си Цзиньпина, подчёркивавшего следующее: «Только тот, кто сочетает в себе высокие моральные качества и профессиональную компетентность, способен эффективно выполнять ответственные задачи. Наша партия всегда выдвигала принцип гармоничного единства нравственности и способностей, ставя при этом нравственные качества на первое место. Под понятием нравственности здесь понимаются политические, профессиональные, общественные и семейные моральные качества, при этом от кадровых работников требуется безусловное соответствие высоким стандартам во всех указанных сферах, причём первостепенное значение среди них принадлежит политической добродетели»¹²⁴.

2) Устойчивость и стрессоустойчивость к неожиданным политическим и экономическим событиям. Поскольку строительство социализма с китайскими особенностями вступает в новую эру, только политические элиты, обладающие хорошей стойкостью и устойчивостью к давлению, могут адаптироваться к новой политической среде.

3) Стратегическое мышление. В процессе модернизации национальной системы управления политическая элита новой эпохи должна обладать

---

¹²⁴ Синьхуа. Си Цзиньпин провел десятое коллективное занятие Политбюро ЦК КПК и выступил с речью // https://www.gov.cn/xinwen/2018-11/26/content_5343441.htm (Дата обращения 07.08.2025).

целостным и стратегическим национальным мышлением, основанным на марксистской теории классов и классовой борьбы, поскольку только таким образом она может способствовать модернизации социалистического Китая и возрождению международного коммунистического движения в целом в долгосрочных интересах партии, государства и народа.

Кроме того, фундаментальной особенностью политической элиты в Китае на протяжении столетий остается определяющая роль лидера элитной группы в обеспечении её стабильности и развития, которая требует детального анализа.

2.3. Основополагающая роль политических лидеров в структуре китайской политической элиты

С точки зрения политической социологии, основной функцией элиты выступает приобретение, удержание и воспроизводство политической власти в рамках соответствующей институциональной системы. Политический лидер, соответственно, является ключевой фигурой, выполняющей ведущие функции в процессах захвата, реализации и сохранения властных полномочий. Таким образом, политические лидеры выступают системообразующим элементом политической элиты, выполняя функцию её институциональной основы. В результате именно композиция элит, а не исключительно нормативно-правовой порядок формирует контуры макросоциальной стабильности и задаёт пределы допустимых вариантов дальнейшего развития.

Как отмечают Т.Н. Самсонова и Е.С. Шпуга, характеризуя отношения между политической элитой и группой политических лидеров, «в основе функционирования политического лидерства — реализация отношений власти и взаимовлияния, сложный механизм взаимоотношений “лидер — последователи”. Политическое лидерство - это механизм осуществления политической власти, в основе которого лежат отношения взаимовлияния между лидером, выражающим интересы и потребности социальной

общности/общества, и последователями, делегирующими ему свои полномочия для осуществления представительства и реализации их интересов. В ходе этого взаимодействия посредством легитимных механизмов власти и влияния осуществляется процесс интеграции социальной общности/общества»¹²⁵.

В связи с изложенным целесообразно сформулировать определение политического лидера в контексте политической системы Китая.

Политические лидеры, будучи представителями правящего класса либо соответствующей политической группы, составляют ядро политической элиты. Занимая высшие или центральные позиции в классе, партии, организации либо группе, лидеры воплощают коллективную волю и общие интересы данных субъектов и определяют принятие стратегических решений по ключевым политическим вопросам.

Роль политического лидера в китайском политическом контексте не сводится к роли административного управляющего или обычного представителя власти. Это фигура, обладающая достаточным объёмом полномочий для принятия фундаментальных решений, оказывающих определяющее влияние на развитие политической группы и общества в целом. Таким образом, политические лидеры принципиально отличаются от рядовых политических активистов, теоретиков и иных участников политической жизни, выступая в роли ведущих представителей политической элиты и реализуя политическую деятельность в интересах класса, партии или государства.

Подтверждением тому служат ответы экспертов (в ходе авторского исследования) на вопрос «Какие отличительные характеристики и ресурсы, по Вашему мнению, выделяют узкую группу политических лидеров – ядро элиты – по сравнению с более широкой элитной прослойкой? Какие конкретные критерии позволяют войти в данную группу?». Так, по мнению Цзян Хуэй,

---

¹²⁵ Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskoe-liderstvo-pered-vyzovami-sovremennosti> (Дата обращения: 06.08.2025).

«руководящее ядро следует понимать как коллективный субъект стратегического управления — опорный элемент партийно-государственной системы, на котором держатся целеполагание, координация и политическая мобилизация; доступ к этому уровню предполагает, во-первых, исключительные политические качества и теоретическую зрелость — глубинную марксистскую убежденность, сознательное поддержание единства с Центральным Комитетом и твердость в принципиальных вопросах, исключающую колебания под давлением внешних и внутренних испытаний, во-вторых, выдающуюся способность к государственному управлению — синтез опытной практики, системного видения и компетенций в ключевых сферах (экономика, внутренняя и внешняя политика, оборона), и, в-третьих, подтвержденную временем репутацию, выражающуюся в доверии и поддержке со стороны партии и народа.

Согласно Ли Ланьцин, «в логике коллективного руководства руководящее ядро — это немногочисленная группа товарищей, определяющих направление, целостную конструкцию и стратегию политики; доступ к этому кругу обусловлен, во-первых, твердостью убеждений и политической мудростью, проявляющимися в способности видеть дальше и глубже непосредственного горизонта и предлагать действенные стратегические решения, во-вторых, глубокой практической выучкой и компетенцией управления, охватывающей материальные и духовные, внутренние и внешние, гражданские и оборонные аспекты государственности, и, в-третьих, консолидирующей силой личного примера, выраженной в строгой личной дисциплине, бескорыстии и открытости. Высокий авторитет руководящего ядра — не производная административного статуса, а результат долголетнего честного служения и ощутимых для народа результатов, что и превращает стратегические ориентиры в общенациональную волю».

В политическом контексте социалистического Китая руководящая элитная группа выступает стабилизирующим ядром всей элитарной структуры,

что составляет её фундаментальную характеристику. Согласно теории научного коммунизма, политическое руководство представляет собой объединение, характеризующееся высокой степенью социальной, политической и идеологической ответственности и обеспечивающее интеграцию классов и социальных слоёв в органическое единство при реализации социалистического строительства с китайской спецификой новой эпохи, исходя из общих интересов трудящихся масс.

С начала периода реформ и расширения внешних связей социальная структура китайской элиты приобрела двойственный характер, объединяющий процессы стратификационной дифференциации и функциональной интеграции.

С одной стороны, политические, экономические, культурные и «новые» элитные сегменты владеют специфическими ресурсами и выполняют различные институциональные функции. С другой стороны, институционализованные механизмы включают их в единое элитное пространство, ответственное за координацию базовых сфер общественной жизнедеятельности. Указанная двойственность демонстрирует, что элитный слой, развиваясь согласно логике функциональной дифференциации, присущей современным обществам, одновременно формирует уникальные интегративные конфигурации, обусловленные специфическими социокультурными детерминантами Китая. Как отмечает Е.В. Кремнёв, «исторически сложившееся сочетание культурного синтеза и локальной адаптации внешних концепций государственного регулирования сформировало значимый теоретико-методологический ресурс, обеспечивший современную практику социального управления в КНР»¹²⁶.

Теоретики марксизма подчёркивают, что формирование зрелых руководителей из числа пролетариата осуществляется в ходе революционной борьбы масс и социалистического строительства. Марксистская партия и её

---

¹²⁶ Кремнёв Е.В. Властно-управленческие концепции китайской марксистской социологии начала XX в.: традиции и революция // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 102 - 112.

лидеры обобщают опыт рабочего движения, массовой классовой борьбы, социалистического строительства и социально-экономического развития, что позволяет рабочим ясно осознать перспективы и стратегические задачи своего движения вперёд, определить путь достижения конечной цели, а также сформулировать стратегию и тактику дальнейшей борьбы и созидательной деятельности.

Следует особо подчеркнуть, что именно руководство КПК позволило массам избежать ошибок, ранее приводивших к поражениям и неоправданным жертвам. Основываясь на научном марксистском анализе конкретных исторических условий, партийные лидеры своевременно определяли практическую необходимость перехода к решительным действиям, разрабатывая и реализуя оптимальные формы и методы политической борьбы. Такую же функцию в современных условиях выполняет китайская политическая элита, ядром которой является Центральный комитет КПК, во главе с Генеральным секретарём партии.

Как уже было отмечено выше, политические лидеры входят в состав политических элит, но не все члены политических элит могут стать политическими лидерами. В целом, группа политических лидеров в Китае имеет следующие основные характеристики.

Во-первых, группа политических лидеров в Китае является частью надстройки, которая принципиально отличается от группы политических лидеров в капиталистических странах из-за разного экономического базиса.

Экономический базис, на которой основана вся политическая элита в капиталистических странах, включая группу политических лидеров, — это частная собственность, что и определяет, в конечном счете, её политическую природу – как менеджера частных экономических интересов. Как отмечал Ф. Энгельс в отношении Демократической и Республиканской партий США, в США «в каждой из двух больших партий представлены в зависимости от местности совершенно различные группы и интересы, и почти каждая

отдельная прослойка имущего класса имеет представителей в каждой из обеих партий»¹²⁷. Другими словами, может показаться, что буржуазные партии капиталистических стран политически несовместимы, но в действительности между буржуазными партиями существует мало различий с точки зрения конкретной политики.

Во-вторых, политические лидеры Китая — это политическое руководство и направляющая сила рабочего класса, трудового народа и китайской нации, опирающаяся на Центральный комитет КПК и центральное правительство, а в широком смысле — это и есть политическая элита.

Политические лидеры Китая представляют собой группы, выражающие классовые интересы пролетариата и широких трудящихся масс, отличающиеся чёткой идейно-политической ориентацией и высокоразвитой способностью к организации и политической деятельности, направленной на реализацию коммунистических идеалов.

Фундаментальными характеристиками китайских политических лидеров выступают классовая определённость, прогрессивность и нацеленность на борьбу, а их неотъемлемой чертой является тесная институциональная связь с политическими партиями. Объективную основу указанной характеристики формирует исторический материализм, исходящий из принципа отражения сознанием объективного материального мира. Иными словами, сознание всегда выступает отражением внешней по отношению к нему реальности, а в условиях КНР внешней реальностью, детерминирующей политическое сознание, является социалистический строй.

Политические лидеры капиталистических стран, как правило, не желают признавать свой классовый характер, и это отношение вполне ясно из определения политических партий, данного буржуазными учеными — они считают, что политические партии в буржуазной демократии являются

---

¹²⁷ Энгельс Ф. Из письма Фридриху Адольфу Зорге, 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 38. М.: Издательство политической литературы, 1965. С. 214.

«организациями для выражения общественного мнения», «неотъемлемой частью политической свободы в целом и, прежде всего, необходимым ингредиентом демократии»¹²⁸; партии своего класса обозначаются как «надклассовые организации», «партии от всего народа», и «партии для всего народа» и как «партии, открытые для всех»¹²⁹. Но, по своей сути, буржуазные политические лидеры существуют только для того, чтобы защищать материальные интересы буржуазии и сохранять классовую диктатуру буржуазии.

В-третьих, политические лидеры Китая были инициаторами и руководителями важных политических событий в данный исторический период. Теоретики марксизма считают, что народ является творцом истории, но в то же время они признают роль исторических деятелей, особенно политических лидеров, в развитии социальной истории.

Исторический материализм решительно подчёркивает важнейшее значение руководителей и кадров партий рабочего класса и народных масс. Лидеры и кадры пролетарских партий формировались и приобретали авторитет в ходе длительной революционной борьбы и социалистического строительства, представляя собой авангард рабочего класса и его специфическое политическое достояние. В связи с этим, социально-политическая роль группы политических руководителей в условиях социалистического строя в Китае имеет фундаментальный характер.

При сравнительном анализе структуры политической элиты Китая становится очевидной её глубокая специфика, отчётливо выделяющая китайских политических лидеров на фоне их аналогов в капиталистических странах. Если политические руководители капиталистических государств выступают преимущественно в роли проводников (менеджеров) частных партийных и корпоративных интересов, то лидеры КНР характеризуются

---

¹²⁸ Эстьефнер Г. Политические партии Федеративной Республики Германии. Бонн, 1976. С. 3.

¹²⁹ Эттли К. Лейбористская партия в перспективе. Пекин: Коммерческая пресса, 1965. С. 11.

наличием коммунистических политических идеалов и высокой степенью решимости в их реализации, что традиционно определяет сущностную специфику китайской политической элиты.

После завершения периода «революции и социалистического строительства» эпохи Мао Цзэдуна и периода «реформ и открытости», связанного с руководством Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, современный этап развития официально определён как «новая эпоха социализма с китайской спецификой». Руководителем этого периода является Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин.

Категориальное оформление данного понятия получило институциональное закрепление на XIX съезде КПК (2017 г.), где было подчеркнуто: достижение исторических социально-экономических преобразований и фактическое формирование общества «средней зажиточности» означают, что Китай перешёл к качественно новой стадии своего развития.

В институциональном отношении новая эпоха характеризуется сохранением однопартийной политической модели с руководящей ролью Коммунистической партии Китая, однако предпринятый комплекс управленческих мер, включающий консолидацию централизованного партийного руководства в политических, экономических и социальных сферах, а также интенсификацию антикоррупционной кампании, обеспечил повышение адаптивности системы и укрепление социально-политической стабильности.

Политическая элита в новых условиях продолжает рассматривать в качестве своей основной задачи представление фундаментальных интересов китайского рабочего класса и широких трудящихся слоёв, а также реализацию социалистического идеала. Это обстоятельство свидетельствует о преимуществах ценностно-идеологических установок политического руководства Китая на различных исторических этапах.

Необходимо подчеркнуть, что важная роль группы политических лидеров в Китае является результатом демократического централизма, обоснованного в теории В.И. Ленина¹³⁰.

Известно, что любая политическая партия реализует себя в специфической организационной структуре, предполагающей чёткое различие между центральными и местными партийными органами, между руководящими кадрами и рядовыми членами партии, между Политическим бюро ЦК и партийным ядром. В политической практике социалистического Китая последовательно реализуется принцип, согласно которому пролетарская партия должна возглавляться профессиональными революционерами, что выражает собой трёхуровневую иерархию: «народные массы — политическая элита — политические лидеры». Политическая элита, представленная политическими лидерами, выступает в данном контексте прогрессивным элементом структуры власти и играет в ней фундаментальную роль.

С теоретической точки зрения подобная структурная организация является объективной необходимостью, вытекающей из самой природы пролетарской партии как авангарда социалистического государства, то есть обусловлена принципом демократического централизма.

В.И. Ленин подчёркивал, что построение пролетарских партий осуществляется на основе организационного принципа демократического централизма. Следовательно, Коммунистическая партия Китая, являясь партией пролетарского типа, должна воплощать в своей внутренней структуре как демократический, так и централизованный аспекты организации. Разумеется, соотношение демократического и централизованного начал не является постоянным и неизменным, а варьируется в зависимости от конкретных социальных условий и характера классовой борьбы. В условиях усложнения социальной среды и обострения классового противостояния акцент

---

¹³⁰ Ленин В.И. Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина // Полное собрание сочинений. Том 14. М.: Издательство политической литературы, 1972. С. 125 - 126.

закономерно смещается в сторону усиления централизованных элементов, и наоборот. Однако вследствие того, что большую часть своей истории КПК действовала именно в условиях повышенной социальной сложности и острых классовых противоречий, ведущей характеристикой её внутренней организационной жизни выступала централизация. Сущность централизованной системы выражается в подчёркивании иерархических отношений командования и подчинения, реализуемых по принципу «сверху вниз» - отдельный член партии подчиняется партийной организации, нижестоящие инстанции — вышестоящим, а вся партия в совокупности — Центральному комитету. Данный принцип был сформулирован Мао Цзэдуном, лидером первого поколения КПК, как развитие марксистско-ленинского учения о построении и функционировании политических партий.

Как уже было показано выше, централизация как организующий принцип пролетарской партии — это то, что делает группу политических лидеров ядром политической элиты социалистического государства. Планомерная ротация управленческого ядра препятствует монополизации ресурсов узкой группой акторов, сохраняет гибкость организационных конфигураций и тем самым минимизирует институциональное стагнирование. При этом она лишена деструктивных эффектов, характерных для внезапных кадровых перестановок, и блокирует кумуляцию коррупционных рисков.

Эмпирические данные свидетельствуют, что институционализируемая циркуляция элит функционирует как системообразующий механизм эволюции элитной структуры, задающий доминантные траектории её трансформации. Количественный анализ (с 1978 – по наст. время) выявил статистически значимую положительную корреляцию между частотой ротации руководящего корпуса общественно-административных институций, уровнем институциональной модернизации и показателями социальной стабильности. Регулярное циклическое обновление верхних эшелонов власти сопровождается ростом административной результативности и снижением индексов

социального напряжения, что демонстрирует следующее: ускорение институционализированных ротационных процедур повышает организованность регулятивной системы.

Обобщая вышеизложенное, следует констатировать, что фундаментальные теоретические положения марксизма-ленинизма, дополненные В.И. Лениным, получили на всех исторических этапах развития Коммунистической партии Китая институциональное воплощение, одновременно обнажив структурные противоречия между теоретическими постулатами и реальной институциональной практикой, что отражает диалектический характер взаимодействия идеологической доктрины и практических механизмов её реализации.

Во-первых, формирование политической элиты в КНР непосредственно детерминировано характером экономического базиса, согласно марксистскому положению о решающей роли производственных отношений и собственности на средства производства в конфигурации политической власти. После образования КНР в 1949 г. КПК под руководством Мао Цзэдуна завершила к 1956 г. социалистическое преобразование экономики, заменив частную собственность на государственную форму владения средствами производства. Это радикальное изменение экономического базиса привело к институционализации однопартийной системы, фундаментально отличающей китайскую политическую элиту от правящих групп капиталистических стран, интересы которых отражают частный капитал. Китайская элита институционально закреплена как выразитель общественных интересов трудящихся, что обуславливает её ориентацию на коллективные цели и ограничение влияния частных интересов на принятие решений.

Во-вторых, политическая элита Китая исторически выступает в роли авангарда, обеспечивающего социальную интеграцию различных слоёв. Ленинский принцип партии как «передового отряда рабочего класса» реализуется в КНР путём институционализации КПК как руководящей силы,

объединяющей рабочих, крестьян, интеллигенцию и национальные меньшинства на основе социалистической идеологии с китайской спецификой. Эволюция идеологических установок КПК («четыре модернизации» периода Дэн Сяопина, концепция «трёх представительств» Цзян Цзэминя) свидетельствует об адаптивности политической элиты, способной интегрировать новые социальные группы, поддерживая легитимность власти и обеспечивая функциональную интеграцию общества.

С точки зрения ряда исследователей, ориентация на единую идеологическую модель и единый центр управления может выступать эффективным инструментом минимизации возможных негативных последствий политических и экономических факторов рыночного типа, при условии, что эти факторы будут адаптированы и контролируемы в соответствии с национальными приоритетами. В таком случае, управленческая система способна преодолевать противоречия, возникающие при использовании внешних моделей, и направлять их в русло долгосрочного социально-экономического развития. Си Цзиньпин подчёркивает, что «политическая система страны определяется её экономическими и социальными основами, и в то же время она воздействует на экономические и социальные основы страны и даже играет решающую роль»¹³¹.

В-третьих, на каждом этапе истории КНР именно политическая элита инициировала институциональные изменения, определявшие эволюцию государства. При этом каждое поколение китайских лидеров оставило уникальный институциональный след. Этап Мао Цзедуна характеризовался радикальными социальными преобразованиями и индустриализацией, но также сопровождался политическим кризисом позднего маоизма («культурная революция»). Период Дэн Сяопина открыл реформы и внешнюю открытость, что коренным образом изменило структуру китайского общества и интегрировало страну в мировую экономику. Третье и четвёртое поколения

---

¹³¹ Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Т. I. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2023. С. 265.

лидеров (Цзян Цзэминь, Ху Цзиньтао) обеспечили стабильность и модернизацию, придав политической элите технократический и прагматический характер. Нынешнее поколение во главе с Си Цзиньпином усилило централизацию власти, запустив масштабную антикоррупционную кампанию и программы социальной консолидации («общее процветание»).

В-четвёртых, эффективность политической элиты Китая обусловлена ленинским принципом демократического централизма, сочетающим партийную демократию с дисциплиной и единоначалием. В КПК этот принцип институционально закреплён и обеспечивает жёсткую вертикаль власти при периодическом расширении демократических механизмов (сменяемость руководителей, возрастные ограничения). В последние годы наблюдается смещение баланса в сторону большей централизации при сохранении формальной приверженности ленинскому подходу к дисциплине партии как авангарда.

В-пятых, развитие китайской элиты подтверждает ленинский постулат о необходимости сплочённого ядра профессиональных революционеров. КПК на протяжении своей истории последовательно формировала узкий круг высшего руководства, обеспечивающего институциональную преемственность и регулярную циркуляцию кадров. Переход от харизматического лидерства первого поколения к технократическому и прагматическому типу последующих поколений подтверждает тот факт, что адаптироваться к социальным трансформациям и обеспечивать стабильность правления на протяжении более семи десятилетий позволяет институционализируемая циркуляция элит.

При этом вектор межпоколенческой диффузии политической элиты Китая задают особые внутренние движущие силы. Обратимся к их анализу.

2.4. Внутренние движущие силы в межпоколенческой диффузии политической элиты Китая

В. Парето выделяет два направления в циркуляции политической элиты: первый - превращение обычных людей из элиты в неэлиту, а второй - замена одного состава элиты другим¹³². Это положение в известной степени подтвердил проведённый ранее комплексный анализ межпоколенной диффузии китайской политической элиты сквозь призму индивидуальных, образовательных и карьерных параметров. В частности, было выявлено, что за 73 года со времени основания социалистического Китая (1949 г.) «центральные представители» — члены ЦК КПК, образующие ядро элиты, претерпели радикальную трансформацию. Внутренние детерминанты этой глубокой межпоколенной передачи статуса и модели этой институционализированной циркуляции элит можно в обобщённом виде представить следующим образом:

Прежде всего, меритократический отбор в КПК опирается на модель «экзамен – тренировка», интегрирующую многоступенчатое тестирование и программируемую институциональную социализацию. Получение статусного маркера — партийного билета — открывает доступ к сетевым ресурсам, наставническим траекториям и каналам кадровой ротации: чем раньше индивид приобретает этот маркер, тем раньше подключается к системе целенаправленного воспитания, функциональной интеграции и институциональной памяти.

В частности, сопоставление возрастов вступления членов ЦК КПК в партию и начала их трудовой деятельности показывает, что после 1949 г. интервал увеличился, а с конца 1970-х гг. стабилизировался на уровне приблизительно четырех лет. Таким образом, складывается двухступенчатая

---

¹³² Парето В. Взлеты и падения великих держав. Шанхай. Шанхайское народное издательство, 2003. С. 47 - 48.

траектория: первичная профессионально-учебная стажировка (аккультурация к нормам социалистического труда) и последующая партийная подготовка с обязательной экзаменационной верификацией, подтверждающей лояльность и компетентность этого члена.

Кандидат, стремящийся к вхождению в процесс долгосрочной внутрипартийной институционализированной циркуляции элит, обязан в указанный четырёхлетний интервал продемонстрировать высокие показатели эффективности, подтверждающие его меритократическую легитимность, — в противном случае доступ к плановым механизмам продвижения блокируется. Практика последних десятилетий показывает, что при сохранении указанного интервала коэффициент успешного прохождения конкурсных процедур возрастает более чем на треть, обеспечивая системе дополнительную адаптивность и поддерживая меритократический контур управления кадрами¹³³.

Базовая образовательная и ценностная социализация внутри партийных структур является доминирующей характеристикой большинства членов ЦК КПК после вступления в партию; она репрезентирует типовую модель формирования политической элиты в социалистических государствах.

Меритократическая траектория членов китайской элиты реализуется через схему «экзамен – культивация» и проходит в три фазовые стадии:

- 1) кратковременный адаптационный лаг,
- 2) ускоренный рост.
- 3) стабилизированный рост.

На каждой стадии партия предоставляет многоуровневые форматы обучения, тренинга и компетентностного тестирования, функционируя как институциональный экзаменационный фильтр. Карьерный цикл маркируется четырьмя контрольными реперами: старт служебной деятельности, квалификационный барьер, этап интенсифицированной подготовки и

---

¹³³ MacroPolo. The Committee // <https://archivemacropolo.org/interactive/digital-projects/the-committee> (Дата обращения: 20.07.2025).

заключительное обучение, после которого запускается плановая кадровая ротация в рамках институционализированной циркуляции элит, усиливающей меритократическую легитимность руководящего корпуса.

В целом, межпоколенное развитие политической элиты Китая представляет собой непрерывный процесс оптимизации и меритократического отбора, в рамках которого партийная организация институционально обеспечивает обучение, наставничество и кадровое продвижение.

Первичной предпосылкой карьерного старта служит сочетание профессионального стажа либо академической квалификации с высокими результатами труда и выраженным намерением идеологически сблизиться с партией. После примерно четырёхлетнего адаптационного лага, когда верифицируется лояльность, кандидат получает статус члена КПК — символический капитал, включающийся в механизм меритократического отбора. Большинство остаётся на уровне рядового членства либо, пройдя стандартный цикл внутрипартийного обучения, переходит к функциональному управлению. Небольшая когорта, обладающая исключительными компетенциями и высоким кредитом доверия, вовлекается в повторные тренировочные модули, ускоренную кадровую ротацию и через институционализированную циркуляцию элит превращается в ядро политической элиты, накапливая квалификацию и опыт.

Опираясь на временные реперные точки кадровой ротации ядра управленческого корпуса в качестве критерия этапной периодизации и анализируя феномен сквозь призму марксистско-ленинской теории государства и политико-социологического подхода, следует теоретически и эмпирически признать, что с момента провозглашения КНР управленческий стержень государственной власти, воплощённый сообществом политической элиты, в ходе становления, эволюции и реорганизации прошёл три структурно-поколенческие трансформации, различающиеся механизмами и по институциональными формам.

До начавшейся в 1978 г. политики «реформ и открытости» кадровое ядро маоистской политической элиты формировалось преимущественно из военнослужащих, мобилизованных классической революционной борьбой. Таким образом, элита обладала выраженным революционным профилем, сочетая предельную лояльность КПК и социалистическому государству с относительным дефицитом формального образования и управленческих навыков.

В первой половине 1980-х эта революционно-меритократическая когорта ещё сохраняла количественное преобладание в высшем руководящем корпусе. Однако по мере институционализации реформ «революционная меритократия», опиравшаяся на капиталы, накопленные во время «культурной революции», быстро утратила гегемонию. Критерии политического рекрутирования, реагируя на стратегический разворот к экономическому развитию, сместились к управленческим компетенциям, технико-экономической экспертизе и академической квалификации. Государственное всемогущество подвергалось постепенной деконструкции: управление переходило от диктатуры пролетариата к модели, открытой рыночным социальным отношениям, где регулирование осуществлялось преимущественно через экономические рычаги. В этой обстановке функции элиты трансформировались от революционной мобилизации к поддержанию и контролю экономико-социального порядка, а межпоколенная институционализированная циркуляция элит сопровождалась глубокой социально-структурной трансформацией управленческого слоя.

В результате символический капитал боевого прошлого уступил место меритократическому распределению ресурсов, закрепив новое равновесие между политической укоренённостью и профессиональной эффективностью. Тем самым вектор кадровой политики из «революционного подвига» сместился к «технократической результативности», что ярко высветило изменение базовой легитимационной логики режима и углубило адаптивность его системы.

С укреплением социалистической рыночной экономики традиционное ядро элиты, легитимированное преимущественно революционным капиталом, перестало удовлетворять модернизационным запросам государства. Межпоколенное развитие руководящего корпуса сопровождалось выдвижением значительного контингента управленцев старшего звена на основе их управленческих навыков, инженерно-технического мастерства и способности конвертировать эти компетенции в регулятивный потенциал аппарата. Тем самым была закреплена меритократическая легитимность новой кадровой политики и ускорена социально-структурная трансформация партийного корпуса. В оценочной матрице политического рекрутирования «политическая эффективность» постепенно вытеснила «политическую лояльность», заняв позицию ключевого индикатора меритократического отбора и дальнейшей кадровой ротации.

Одновременно, после смерти Председателя Мао Цзэдуна (1976 г.), реформа многоступенчатой проверки кандидатур в КПК радикально изменила символическое содержание партийного билета: приоритет оценки классового происхождения семьи был заменён тестированием профессиональной компетентности и технократического потенциала. В результате была демонтирована патронажная логика элитарной циркуляции, основанная на революционной биографии. Соответственно, стигматизация социального бэкграунда ослабла, а доступ соискателей к институционализированным траекториям внутри партийной организации расширился, что повысило справедливость и адаптивность системы.

Однако с прекращением общей политической линии «классовая борьба как платформа» и существенным демонтажем иерархии политических статусов, право претендентов на вступление в партию, предусмотренное уставом партии, уже давно перестало ограничиваться их классовым происхождением. Вместо этого стали приниматься во внимание, в первую очередь, индивидуальная политическая позиция и результаты деятельности кандидата. В этот период

число членов партии резко возросло, чтобы расширить социальную базу КПК как правящей партии, а само членство в КПК перестало быть дефицитным политическим капиталом. Например, X-й Всекитайский съезд КПК (1973 г.) — последний партийный форум с участием товарища Мао Цзэдуна — определяет начальную хронологическую границу анализируемого отрезка, а заключительную — фиксирует XI съезд (1977 г.). В течение этих четырёх лет численность партии возросла от ≈ 28 до > 35 млн. человек; отмеченный кумулятивный прирост превысил суммарные показатели любых двух смежных съездов, в абсолютных величинах составив почти семь миллионов.¹³⁴

Проведённый количественный анализ в рамках историко-партийной и организационно-социологической методологии показал, что на стадии экспансивного роста эластичное понижение пороговых критериев первичного приёма (нисходящая селекция) вкупе с резким расширением членской базы стимулировали межрегиональное и межведомственное горизонтальное фракционирование, противостоявшее ленинскому принципу организационного единства в системе демократического централизма. Институциональная инерция усиливала латентную напряжённость, а кадровая эскалация порождала риск элитарной замкнутости¹³⁵. Лишь систематическая ревизия Устава КПК, проведённая XII съездом (1982 г.), восстановила стандарты членства, институционально канализировала фракционный вектор и, посредством дальнейшей динамической корректировки, свела его проявления к минимальному уровню, тем самым укрепив социальную стабильность организации.

В целом, к концу 1980-х годов революционная политическая элита была полностью заменена «техно-прагматической» политической элитой, а основной

---

¹³⁴ Информационное агентство «Синьхуа». Статистика численности членов Коммунистической партии Китая за различные периоды // <https://sports.cctv.com/specials/80zhounian/sanji/bj060807.html> (Дата обращения 07.08.2025).

¹³⁵ Цяо Гуйпин, Лу Сяодун. Столетняя эволюция критериев членства в Коммунистической партии Китая и практические выводы. Вестник партийной школы Тяньцзиньского комитета Коммунистической партии Китая. 2025. № 27 (01). С. 16 - 27.

движущей силой выведения старой политической элиты в этот период стала реформа политической и экономической систем.

Вторая межпоколенная диффузия характеристик политических элит произошла в 1990-х гг. и в начале XXI века (до XVIII съезда Коммунистической партии Китая). Она характеризовалась постепенным появлением высокообразованных чиновников с опытом управления производством и представленных политическими элитами, рекрутированными на базе знаний и технологий, которые стали основой состава политической элиты Китая.

Решающей движущей силой эволюции политической элиты в этот период было давление перемен в социальной среде и самоадаптирующаяся трансформация политической элиты. Впоследствии эта группа также разделилась – одни трансформировались в «технически рациональные политические элиты», которые сосредоточились на собственном развитии, в основе которого было совершенствование деловых навыков, а другие преобразовались в «политические элиты государственного управления» в ответ на потребности социальной среды. Ещё одна часть постепенно трансформировалась, в ответ на запросы социальной среды в «политическую элиту общественного управления».

Таким образом, в рамках политической элиты Китая выделились три функциональные группы:

- 1) технически рациональная (техническая) политическая элита;
- 2) политическая элита государственного управления;
- 3) политическая элита общественного управления.

В целом, быстрый рост китайской экономики в этот период не мог бы быть достигнут без импульса и сильного руководства со стороны технической политической элиты. Например, этот тип политической элиты делал большой упор на рост ВВП, что в то же время в значительной степени способствовало высоким темпам и относительному балансу экономического и социального развития между различными регионами Китая. Комплексные

макроэкономические расчёты Государственного статистического управления КНР фиксируют ступенчатое ускорение валового внутреннего продукта в постреформенный период: в 1986 г. номинальный ВВП превысил 1 трлн. юаней; к 2000 г. этот показатель перевалил за 10 трлн., позволив Китаю, обогнав Италию, занять шестую позицию в мировой иерархии; к 2010 г. он достиг 412 119 млрд юаней, окончательно закрепив статус второй экономики мира. Параллельно с расширением совокупного выпуска усиливались фискальный и регулятивный потенциал: общегосударственные доходы, преодолев порог 1 трлн. юаней в 1999 г., к 2012 г. ускоренно выросли до 117 254 млрд; валютные резервы накапливались синхронно, формируя надёжный буфер макрорегулирования и внешних расчётов¹³⁶.

Таким образом, государственные финансы из уязвимого звена превратились в функционально интегрированный инструмент роста, повысив эффективность распределения ресурсов и укрепив бюджетный профицит; кумулятивный эффект этих трансформаций усилил меритократическую легитимность курса и расширил сетевые детерминанты привлечения капитала, тем самым эмпирически подтверждая системный вклад выбранной стратегии в модернизационную трансформацию китайского общества и экономики.

По мере укрепления социалистической рыночной экономики революционно-меритократическая когорта оказалась неспособной нейтрализовать нарастающую доходную поляризацию, латентную стратификацию и угрозы социально-политической устойчивости. Вследствие этого востребованной стала управленческая элита, опирающаяся на научные методы и технико-экономическую экспертизу, задавшая новый вектор социально-структурной трансформации. При этом коррекция матрицы

---

¹³⁶ ГСУ Китая. 70 лет великих перемен, возрождение нации и достижение величия — один из серии отчетов о достижениях в области экономического и социального развития за 70 лет со дня основания Нового Китая // https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1900355.html (Дата обращения: 07.08.2025).

рекрутирования сместила акцент с одномерных экономических показателей — хотя они и сохраняют ценность как квантифицируемый критерий — на комплекс, включающий поддержание политической и социальной стабильности подконтрольных регионов. Таким образом «политическая эффективность» вытесняет простое наращивание ВВП, укрепляя регулятивный потенциал управленцев.

Третья волна межпоколенной диффузии (начало XXI в.; финал — XVIII съезд КПК) интегрировала «техничко-рациональную» и «административно-управленческую» когорты в «общую политическую элиту государственного управления», где меритократическая легитимность сочетается с демонстративной лояльностью. Драйверами развития стали глубокие социальные реформы и модернизация процедур управления. Так, интеллектуально-техническая группа трансформировалась в «комплексную элиту человеческого капитала», для которой высокое образование и подтверждённая преданность курсу КПК служат пропуском к кадровой эскалации и конверсии компетенций в символический капитал.

В то же время процесс формирования этой политической элиты КПК в данный период имеет четыре отличительные черты.

Во-первых, наиболее значимой особенностью этого периода является постепенное прекращение тенденции к формированию более молодой политической элиты. В отличие от более молодой когорты, характерной для первой и второй волн (этапов) деривации политической элиты, в которой политические элиты с возрастным распределением между 51 и 60 годами имели наибольшую вероятность стать ведущими кадрами «министерского уровня», после XIX съезда КПК, эта тенденция была постепенно остановлена.

Причиной тому стала корректировка кадровой политики КПК, которая требовала от политических элит иметь как можно больше опыта работы в низовых подразделениях и политическую практику на нескольких работах. Системный анализ биографических досье всех созывов полномочных и

кандидатов в члены ЦК КПК демонстрирует, что с 2012 г. интенсивность институционализированной циркуляции элит последовательно снижается: к марту 2025 г. доля заместителей министров и выше, рождённых после 1975 г., упала на 38 % (к 2020 г.), а среди региональных секретарей доля рождённых после 1965 г. сократилась на 73 % (к 2009 г.); статистически доказано, что пятилетний ротационный цикл при интенсивности $\leq 15\%$ коррелирует с ростом институциональной устойчивости. В то же время политическая роль верховного лидера (Генерального секретаря ЦК КПК) как ядра партии среди коллективных лидеров политической элиты достигла своего наивысшего предела после 1978 года.

Во-вторых, в группе политической элиты сформировался более полный возрастной эшелон, полностью мобилизующий в политическую элиту представителей каждой возрастной группы. Опираясь на публично верифицируемые биографические данные, выполнена статистическая характеристика возрастной стратификации XX созыва ЦК КПК, охватывающая членов и кандидатов. Лица до 45 лет составляют 8,6 %, группа 46–55 лет — 58,4 %, когорта 56–60 лет — 28,1 %, а категория 61 год и старше — 4,9 %. Полученный градиент, в котором доминирует средневозрастное звено при сужении обоих полюсов, свидетельствует об институционализированной кадровой преемственности: механизм «ступенчатой подготовки — планового чередования» формирует баланс накопленного опыта и обновляющей динамики¹³⁷.

В-третьих, представители политической элиты, имеющие степень магистра или дипломы о высшем образовании, полученные в ключевых университетах, имеют большую вероятность для карьерного продвижения. Это свидетельствует о том, что образовательные факторы становятся все более значимыми в политической элите Китая — образовательный капитал и

---

¹³⁷ MacroPolo. The Committee // <https://archivemacropolo.org/interactive/digital-projects/the-committee> (Дата обращения: 07.08.2025).

политическая надежность членов политических элит как личностей являются ключевыми факторами их продвижения: чем выше человеческий капитал и чем выше их собственная политическая надежность, тем больше вероятность дальнейшего продвижения по службе.

В-четвертых, потенциал политического роста женской политической элиты в реальной политической жизни все еще намного меньше, чем мужской. Так, комплексное исследование, охватившее 3 681 руководителя управлений и департаментов местных органов власти КНР (2003 – 2020 гг.) и основанное на марксистском анализе гендерного разделения труда, аргументированно выявило следующее:

1) профессиональные траектории мужчин и женщин демонстрируют устойчивую гендерную стратификацию;

2) институционализованный механизм гендерно детерминированного распределения должностей ведёт к назначению женщин преимущественно в блок «функционально-социальных ведомств», тогда как мужчины концентрируются в секторе «стратегических ресурсов», отличающемся более крутым карьерным градиентом и доступом к символическому капиталу;

3) на стороне предложения человеческого капитала, при функционировании «системы двойного квотирования», женская когорта характеризуется меньшим средним возрастом, более высоким уровнем академической подготовки и повышенной представленностью национальных меньшинств, что усиливает социально-структурную трансформацию локальных управленческих элит¹³⁸. Поэтому механизм гендерного отбора и подготовки представительниц женского пола для последующего вхождения в состав элиты все еще нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Необходимо подчеркнуть, что в межпоколенном развитии политической элиты КНР подгруппа «политических лидеров», образующая её ядро,

---

¹³⁸ Jiang X., Eaton S., & Kostka G. Women's Work: The Gendered Nature of Appointment Politics in Subnational China // Government and Opposition. 2025. № 60 (1). P. 63 - 85.

демонстрирует преемственность. Новое поколение не отказывается целиком от политического наследия предшественников, а перерабатывает его в управляемом режиме, тем самым сохраняя институциональную память и обеспечивая межпоколенную передачу статуса. Эта позиция отражает урок, усвоенный первым поколением руководства КПК из серьёзных последствий радикального осуждения сталинского курса на XX съезде КПСС под председательством Н.С. Хрущёва.

Так, академик Китайской академии общественных наук, профессор Чэн Эньфу по этому вопросу отмечал «<...> чрезмерное отречение Хрущева от Сталина и западной стратегии мирной эволюции вызвало длительный период идеологической путаницы. Во время холодной войны Запад во главе с США вел тотальную психологическую войну против Советского Союза. К 1975 году ЦРУ различными способами участвовало в издании более 1500 книг о Советском Союзе. Было выпущено несколько книг, порочащих Сталина, и американцы были довольны тем, что Хрущев создал прецедент отрицания Сталина»¹³⁹.

Радикальное осуждение И.В. Сталина, инициированное Н.С. Хрущёвым на XX съезде КПСС, вызвало масштабные идеологические и геополитические турбуленции, последствия которых оказали долговременное воздействие на конфигурацию базиса и надстройки в КНР. Урок, извлечённый из этого опыта, обусловил принципиально иную трактовку исторического вклада Мао Цзэдуна: второе поколение руководства КПК во главе с Дэн Сяопином признало совокупный позитивный результат тридцатилетней деятельности председателя Мао при одновременном отрицании «Великой пролетарской культурной революции» как политической девиации, ответственность за которую была атрибутирована «заговорщикам и антипартийным группам», использовавшим авторитет лидера. Тем самым была сохранена институциональная память и укреплена политическая

---

¹³⁹ Эньфу Чен. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения. М.: Родина, 2021. С. 893.

укоренённость руководящего корпуса без повторения деструктивной практики тотального разрыва с предшествующим наследием: «в 1981 г. ЦК КПК принял решение, в котором Мао Цзэдун признавался выдающимся политическим деятелем, указывалось на ошибки и факты жестоких репрессий и признавалось, что его заслуги занимают главное, а ошибки-второстепенное место»¹⁴⁰.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

1. Корректный теоретический анализ политической элиты Китая предполагает привязку к институциональному полю, уточняющему классические теории элит. Концепции «циркуляция элит» В. Парето и «властвующей элиты» Ч.Р. Миллса задают макрорамку социологического анализа. Однако их прямой перенос на китайскую почву ограниченно эвристичен, поскольку в социалистической системе КНР центром координации и контроля ресурсов и власти является Коммунистическая партия Китая. Поэтому логика формирования и циркуляции элит отличается от западного плюрализма с электоральной сменяемостью и ротацией партий.

Постепенное оформление китайской национальной исследовательской традиции потребовало адаптации и переосмысления элитологических идей с учётом специфики китайского общества. Начиная с периода реформ и политики открытости, запущенных в Китае в 1978 г., в среде китайских социологов постепенно сформировалась устойчивая тенденция к научному анализу элиты – получил развитие целый ряд направлений исследований, нацеленных на выявление специфических черт, закономерностей и механизмов функционирования элиты в контексте модернизационных процессов, происходящих в китайском обществе. Однако подгруппа политической элиты

---

¹⁴⁰ Родионов М.А., Волкова Т.А. Китайские политические элиты: история и современность // Социально-Гуманитарные Знания. 2015 № 4. С. 260 - 274.

оказалась изученной недостаточно. Между тем именно формирование и воспроизводство политических элит определяют трансформации социальной структуры и играют решающую роль в анализе преемственности и развития китайского общества в модернизационном контексте.

2. В настоящем исследовании понятие «элита» трактуется как наиболее влиятельная и высокостатусная социальная прослойка, располагающая ключевыми ресурсами и оказывающая решающее воздействие на общественные процессы. При этом данная категория не сводится к экономическим критериям и не претендует на отражение радикальных структурных сдвигов в обществе. Напротив, аналитическое внимание концентрируется на механизмах внутреннего обновления и ротации в элитном сегменте. Под «политической элитой» понимаются акторы партийно-государственной системы, занимающие ключевые позиции в выработке и исполнении решений и располагающие политическими, организационными, социально-сетевыми и культурными ресурсами. Формирование и воспроизводство политической элиты в условиях ускоренной социальной трансформации напрямую определяют динамику социальной структуры, выступая ключом к осмыслению процессов преемственности и развития.

Широко используемые в западной политической науке подходы к изучению элит не обладают полной эвристической валидностью применительно к китайскому политическому контексту. Данное ограничение обусловлено объективным фактом социалистического характера государственной системы Китайской Народной Республики, где центральная руководящая роль и системообразующие функции принадлежат Коммунистической партии Китая, определяющей основные сущностные параметры общественного устройства и государственного строя страны. При этом сохранение устойчивости социалистического строя является необходимым политическим условием, обеспечивающим государству постоянный контроль

над распределением и мобилизацией ресурсов с целью воспроизводства собственной легитимности и эффективности государственного управления.

3. В условиях модернизационных преобразований Китая особую актуальность приобретает управляемая ротация (циркуляция) элит, направленная на минимизацию рисков концентрации властных ресурсов в узких группах и предотвращение институциональной инерции, характерной для высших управленческих уровней. При сопоставлении характеристик политической элиты Китая на различных исторических этапах первостепенное значение приобретают производные показатели межпоколенческих изменений таких параметров, как гендерный состав, этническая идентичность и региональное происхождение. Важным аспектом сравнительного анализа является межпоколенческая динамика академической подготовки членов ЦК КПК. Статистические данные свидетельствуют о заметном повышении уровня академического образования политической элиты начиная с первых лет реализации политики реформ и открытости. Более того, уместно говорить об исторической эволюции политической элиты КНР после 1949 г., которая состоит в переходе от элиты, сформированной преимущественно за счёт политического капитала, накопленного в ходе социалистической революции и социалистического строительства, к элите, основанной главным образом на человеческом капитале, включающем знания, технологии и конкурентные преимущества.

4. Эволюция политической элиты в Китае неразрывно связана с изменением идеологической надстройки, а современная китайская доктрина олицетворяет собой многоуровневый теоретический синтез, включающий: теорию Дэн Сяопина, акцентирующую задачу «освобождения и развития общественных производительных сил»; концепцию «Трёх представительств» (Цзян Цзэминь, 2002 г.); доктрину «научного взгляда на развитие» (Ху Цзиньтао); идеи Си Цзиньпина (концепции «пяти всеобъемлющих подходов», «новой стадии развития», «всеобщей модернизации» и «двойной циркуляции»).

Указанный теоретический комплекс выполняет двойственную функцию: во-первых, обеспечивает идеологическую легитимацию институционально-гибридной модели собственности, во-вторых, формирует нормативные критерии политической селекции элит, выдвигая требования политической лояльности, технократической компетентности и приверженности курсу «красной модернизации».

5. Межпоколенческая эволюция политической элиты определялась взаимодействием следующих факторов. Во-первых, ротация и смена политических элит всегда происходила при доминировании коммунистической партии, а лояльность коммунистической партии является основным критерием для найма и продвижения политических элит. Во-вторых, замещение и структурная трансформация политических элит в КНР длительное время следуют институционально обусловленной, эволюционно-поступательной нисходящей траектории, принципиально отличной от модели масштабного замещения элит, вызванного революциями или радикальными реформами. В-третьих, фундаментальной особенностью политической элиты в Китае на протяжении столетий остается определяющая роль лидера элитной группы в обеспечении её стабильности и развития.

Политические лидеры, будучи представителями правящего класса либо соответствующей политической группы, составляют ядро политической элиты. Занимая высшие или центральные позиции в классе, партии, организации либо группе, лидеры воплощают коллективную волю и общие интересы данных субъектов и определяют принятие стратегических решений по ключевым политическим вопросам. Политический лидер — это фигура, обладающая достаточным объёмом полномочий для принятия фундаментальных решений, оказывающих определяющее влияние на развитие политической группы и общества в целом. Фундаментальными характеристиками китайских политических лидеров выступают классовая определённость, прогрессивность

и нацеленность на борьбу, а их неотъемлемой чертой является тесная институциональная связь с политическими партиями.

6. В целом, межпоколенное развитие политической элиты Китая представляет собой непрерывный процесс оптимизации и меритократического отбора, в рамках которого партийная организация институционально обеспечивает обучение, наставничество и кадровое продвижение. Формирование и воспроизводство элитного слоя определяет конфигурация экономического, культурного, социального и символического капитала (в терминах П. Бурдьё). Формальные статусы задаются должностной позицией и объёмом власти, тогда как удержание позиций и доступ к элитному ядру обеспечиваются образовательным и профессиональным профилем, неформальными сетевыми взаимодействиями внутри элит и политической лояльностью.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА. МОДЕЛЬ ИНСТИТУЦИОЛИЗИРОВАННОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА

3.1. Исторические и современные факторы в формировании политической элиты в эпоху Си Цзиньпина

В 2019 году Четвертый пленум XIX ЦК КПК в контексте общей ситуации в партии и социалистическом государстве постановил: «четко представить и всесторонне развернуть приверженность руководящей позиции марксизма в области идеологии как основополагающего института КПК»¹⁴¹. Тем самым в идеологической сфере была конкретизирована специфика социалистической системы Китая — Коммунистическая партия Китая, опираясь на марксизм, подняла понимание закономерностей идеологической работы на новый уровень и одновременно был институционально закреплён механизм, утверждающий руководящую роль социалистической идеологии для политической элиты. Указанная конфигурация имеет базовое и долговременное значение для укрепления идеологических оснований политической элиты КНР и поддержания национальной идеологической безопасности в социалистическом Китае. Наряду с этим был зафиксирован старт четвёртого цикла обновления правящего слоя — межпоколенческая мобильность политической элиты эпохи Си Цзиньпина.

Резкий поворот политики США в отношении Китая после первого избрания Д. Трампа Президентом США (2017 г.) и её существенная преемственность при Президенте США Д. Байдене изменили внешние и внутренние параметры функционирования идеологической сферы социалистического Китая вследствие трансформаций международного

---

¹⁴¹ Институт партийной истории и литературы при ЦК КПК. Подборка важных документов с момента проведения XIX съезда КПК (средняя часть) // Решение ЦК КПК о ряде важных вопросов, касающихся сохранения и совершенствования системы социализма с китайской спецификой, продвижения модернизации системы государственного управления и управленческих способностей. Пекин: Издательство "Чжунъян вэньсянь чубаньшэ", 2021. С. 271.

геополитического ландшафта. По сравнению с периодом, предшествовавшим заявлению XIX съезда КПК об изменении основных приоритетов китайского общества, нынешнее руководство во главе с товарищем Си Цзиньпином придало идеологической безопасности статус центральной в гарантии национальной безопасности — проблематика идеологической сферы была определена как ключевой узел, непосредственно связанный с политической перспективой КПК и социалистического Китая. Тем самым был задан специфический вектор не только социально-политического развития, но и обновления политической элиты в эпоху Си Цзиньпина, детерминированные сочетанием исторических и современных, в том числе практических факторов.

Следует отметить, что исторический импульс формированию политической элиты Китая эпохи Си Цзиньпина придали ошибки в экономической и политической сферах высшего руководства СССР конца 1970-х — 1980-х гг., на причинах и содержании которых целесообразно остановиться несколько подробнее.

С позиций исторического материализма корректность формирования политической элиты в социалистических странах измеряется способностью сохранять и развивать марксизм-ленинизм в революционных преобразованиях и партийном строительстве. В СССР и Китае институциональным инструментом такой вертикальной рекрутации элит выступал ЦК Коммунистической партии — центр координации правящей партии и ядро её организационного руководства. С позиции истории международного коммунистического движения, траектории социалистического развития двух стран демонстрируют политическую и идеологическую однородность, поскольку обе они продолжали линию, заданную Великой Октябрьской социалистической революцией.

По словам товарища Си Цзиньпина, «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм. Наряду с великим пробуждением китайского народа и китайской нации, в процессе соединения

марксизма-ленинизма с китайским рабочим движением родилась КПК. Рождение в Китае Коммунистической партии – это великое эпохальное событие, которое кардинально изменило направление и ход развития китайской нации с периода новой истории, коренным образом изменило перспективы и судьбу китайского народа и китайской нации, существенно изменило тенденцию развития мира и мироустройство»¹⁴².

Бывший президент КАОН, академик Ван Вэйгуан также отмечал: «Именно под влиянием Октябрьской социалистической революции в России и под ленинским воспитанием китайские коммунисты приняли и освоили марксизм, <...> и конкретно применили марксизм к китайской действительности»¹⁴³. По его словам, это «верно в отношении успеха китайской новой демократической и социалистической революций, <...> в отношении успеха китайского социалистического строительства, реформы и открытости»¹⁴⁴.

В Китае уроки политической практики КПСС рассматриваются как важный фактор в формировании политической элиты эпохи Си Цзиньпина. На первом пленарном заседании ЦК КПК после XVIII съезда Си Цзиньпин акцентировал необходимость извлечения уроков из социалистической практики СССР и распада КПСС. Этот опыт является постоянным предостережением для руководства КПК, поэтому для того, чтобы точно очертить политические основания межпоколенческой мобильности правящего слоя при Си Цзиньпине, необходимо исследовать причины и последствия политической стагнации КПСС и советской политической номенклатуры, а также определить институциональные механизмы профилактики аналогичных процессов в КПК.

---

¹⁴² Си Цзиньпин. Полный текст речи Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0701/c31521-9867521.html> (Дата обращения: 8 августа 2025 года).

¹⁴³ Ван Вэйгуан. Чтобы поддерживать и развивать марксизм, мы должны неуклонно отстаивать и развивать ленинизм. URL: <https://msk.kprf.ru/2021/08/06/165297/?> (Дата обращения: 8 августа 2025 года).

¹⁴⁴ Ван Вэйгуан. Чтобы поддерживать и развивать марксизм, мы должны неуклонно отстаивать и развивать ленинизм. URL: <https://msk.kprf.ru/2021/08/06/165297/?> (Дата обращения: 8 августа 2025 года).

Исторический опыт свидетельствует, что под руководством большевистской партии в лице В.И. Ленина и И.В. Сталина, последовательно развивавших марксизм и сформировавших корпус политических руководителей, ориентированных на марксистское руководство и организованную политическую деятельность, была обеспечена победа Великой Октябрьской социалистической революции, образовано социалистическое государство – СССР, осуществлена индустриализация и одержана Победа в Великой Отечественной войне.

Однако по мере нарастания социалистических достижений и международного престижа СССР в КПСС укоренялась культура самодостаточности и превосходства, а дефекты сверхцентрализованного управления проявлялись всё отчетливее. При этом культ личного поклонения лидерам усиливался, вследствие чего складывалась идеологическая ригидность, переходившая в размежевание и политическую деградацию всей советской «политической элиты», обозначавшейся в то время понятием «номенклатура». Нарушались механизмы межпоколенческого воспроизводства и межпоколенческой мобильности правящего слоя, а «непоследовательность действий, отказ от прежних обязательств, безусловно, порождали в обществе недоверие к лидерам и политической власти в целом, препятствовали консолидации социума»¹⁴⁵.

Следует отметить, что распад СССР не повлек за собой обрыв в преемственности для представителей советской политической элиты. Значительная часть выходцев из партийно-государственной номенклатуры, используя «окно возможностей» переходного периода, через переформатирование идентичности, функциональное перемещение и конверсию различных форм капитала (политического, организационного, символического) осуществила «переход между полями», если использовать

---

¹⁴⁵ Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 22 (4). С. 157.

терминологию П. Бурдые, и выступив в новой институциональной конфигурации, продолжила руководящую деятельность, а во многих случаях, усилила свое влияние в политико-экономическом пространстве реформируемой России.

Так, в 1993 г. 21% представителей российской экономической элиты имели опыт службы в советских партийно-государственных учреждениях (КПСС, Совет Министров СССР, ВЛКСМ и др.), к 2001 г. этот показатель вырос до 29%¹⁴⁶. Тем самым в экономической сфере имела место конверсия ресурсов старого порядка в новый и сопутствующая консолидация властных позиций, дополняющие свидетельства устойчивого действия механизмов элитного самовоспроизводства. Параллельно, даже после замещения ряда ключевых постов, носители правящей элиты, социализированные в прежнем территориально-властном порядке, сохраняли устойчивые когнитивные установки и предпочтения относительно территориальной целостности и внешнеполитического курса и, будучи реинкорпорированы через сетевые связи и институционализированное перераспределение профессионального знания в новых правовых и организационных условиях, поддерживали свой статус и интересы¹⁴⁷.

В русле методологии исторического материализма распад СССР подлежит квалификации как структурный исход, вызванный долговременным дисбалансом триады — несостоятельности элитной интеграции, недостаточной институциональной эластичности и потери социального доверия, — синхронно высвобожденным на критическом пороге: чрезмерно жёсткая институциональная конструкция неизменно сужала пространство самонастройки политической системы. Одновременно, вследствие замедления межпоколенческой ротации, не сформировалась устойчивая цепочка

---

¹⁴⁶ Крыштановская О. В. Бизнес-элита и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-elita-i-oligarhi-itogi-desyatiletiya> (Дата обращения: 17.07.2024).

¹⁴⁷ Snegovaya M., Lanoszka A. Reclaiming what is ours: Elite continuity and revanchism // European Journal of International Security. 2025 № 10 (2). P. 252 – 270.

преемственности, обеспечивающая регулируемые каналы рекрутирования и согласованные алгоритмы внутригрупповой координации.

Как показал опыт СССР накануне распада, а затем – реформируемой России, при утрате нормированного ритма институционализированной циркуляции элит, снижении способности правящего корпуса к ценностной интеграции и продуцированию консенсуса, а также при отсутствии действенных механизмов коррекции, траектория развития политической системы становится высокочувствительной к отклонениям от стратегических ожиданий правящих субъектов и проявляется в форме трудно обратимого системного развала.

КПК во главе с Генеральным секретарём товарищем Си Цзиньпином придавало и придаёт принципиальное значение урокам траектории «взлётов и падений» советской политической элиты. Так, 5 января 2013 г. на коллективном заседании ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул: «Почему развалился СССР? Почему развалилась КПСС? Одной из важных причин была ожесточенная борьба в идеологической сфере, которая привела к полному отрицанию истории СССР и КПСС, Ленина и Сталина и историческому нигилизму. В конце концов, КПСС была рассеяна, а СССР распался как социалистическое государство. Это урок из прошлого!»¹⁴⁸.

Профессор Чэн Эньфу, академик КАОН, указывал, что «драматические изменения в СССР и социалистических государствах Восточной Европы» отражали межстратовую конфликтную динамику. Одновременно М.С.Горбачёв, продвигая концепт «гуманитарного социализма», в публичной риторике дистанцировался от категориального аппарата классового анализа. В терминах социологии элит и конфликтов это означало сдвиг от парадигмы структурного конфликта интересов к консенсусно-правовой интерпретации, что сужало институциональные каналы артикуляции и агрегирования множества

---

¹⁴⁸ Си Цзиньпин. URL: <https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2017/1219/c398751-29716651.html> (Дата обращения: 10.08.2025.)

противоречий. Метаморфоза (Дэн Сяопин использовал термин «реставрация») СССР и социалистических стран Восточной Европы в капиталистические страны, управляемые монополистической буржуазией, является типичным примером этой национальной и международной классовой борьбы»¹⁴⁹.

На наш взгляд, следует обозначить четыре урока, извлечённые «политической элитой» эпохи Си Цзиньпина из истории советской «политической элиты».

Первый урок касается «опоры на массы». Во-первых, близость к массам и забота об их интересах — гарантия от повторения ошибок советской политической номенклатуры; такая ориентация удерживает правящий слой в постоянной обратной связи с трудящимися и ответственности за народ.

Опыт межпоколенческой мобильности элиты в СССР показывает, что устойчивые связи с трудящимися — это необходимое условие политической победы и закрепления её результатов. В.И. Ленин всегда указывал на приоритет связи партии с массами: «Нам нужны такие партии, которые находились бы постоянно в действительной связи с массами и которые умели бы этими массами руководить»¹⁵⁰. От чего зависит пролетарская партия? «её уменьем связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и с непролетарской трудящейся массой»¹⁵¹.

Например, победа Великой Октябрьской социалистической революции стала результатом решения партией большевиков вопросов «мира, земли и хлеба», которые в то время были главными заботами трудового народа России, и завоевала его поддержку. Аналогично, в 1930-х годах, когда СССР проводил индустриализацию и коллективизацию, для советской «политической элиты»,

¹⁴⁹ Чэн Эньфу. Необходимо уделять большое внимание марксистскому методу классового анализа // Тяньфу синьлунь. 2017. № 1. С. 1 - 3.

¹⁵⁰ Ленин В.И. II конгресс коммунистического интернационала. ППС. Том 41. М.: Издательство Политической Литературы, 1981. С. 237.

¹⁵¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ППС. Том 41. М.: Издательство Политической Литературы, 1981. С. 7.

политическим проводником которой была ВКП(б), было бы невозможно построить СССР, превратив его из преимущественно сельскохозяйственной страны в крупнейшую промышленную державу мира, если бы она не представляла фундаментальные и долгосрочные интересы советского народа и не поддерживала бы тесных политических связей с трудовыми людьми.

Во-вторых, китайская «политическая элита» настаивает на противостоянии бюрократии и формировании собственного политического имиджа сохранения целостности и заботы о массах, что представляет собой важный способ избежать ошибок «политической элиты» СССР.

В первые дни пребывания партии большевиков у власти В.И. Ленин придавал огромное значение проблеме противостояния бюрократизму и формализму, придавал исключительное значение проблеме преобразования стиля работы партийных и государственных органов. В.И. Ленин указывал, что «наша страна - страна с бюрократическими пороками» и что «бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных»¹⁵². По словам И.В. Сталина, «одним из жесточайших врагов нашего продвижения вперёд является бюрократизм. Он живёт во всех наших организациях — и в партийных, и в комсомольских, и в профессиональных, и в хозяйственных ... наконец, дело в бюрократах из коммунистов. Коммунист-бюрократ — самый опасный тип бюрократа. Почему? Потому, что он маскирует свой бюрократизм званием члена партии. А таких коммунистических бюрократов у нас, к сожалению, немало»¹⁵³.

После смерти И.В. Сталина советская «политическая элита» стала демонстрировать деформированную политическую культуру — корыстные ориентиры, индифферентность к прогрессу и нежелание трудиться. В результате для значительной части вступавших в КПСС мотивом служили не

---

¹⁵² Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. Полное Собрание Сочинений. Том 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 397.

¹⁵³ Сталин И.В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ. Сочинения. Том 11. М.: Издательство политической литературы, 1949. С. 70 - 71.

задачи социалистического строительства, а личная выгода и максимизация интересов малых групп. На позднем этапе, при М.С. Горбачёве, В.И. Болдин, занимавший пост заведующего Общим отделом ЦК КПСС, отмечал: «На счету Горбачёва уже имелось в общей сложности свыше миллиона долларов, полученных за публикации за рубежом с помощью Всесоюзного агентства по авторским правам. Кроме того, были многочисленные подарки из драгоценных металлов, всевозможные валютные премии, другие ценности»¹⁵⁴.

В-третьих, формирование внутри китайской политической элиты корпуса политических руководителей, демонстрирующих личную неподкупность и последовательно отвергающих политические и экономические коррупционные практики, выступает ключевым механизмом предотвращения ошибок советской политической элиты; тем самым укрепляется политическая репутация правящего слоя среди трудящихся.

В ленинско-сталинский период политическая элита СССР в целом поддерживала строгие партийно-нравственные стандарты. При М.С. Горбачёве раскол и политическая деградация номенклатуры подорвали политическую репутацию КПСС и её связь с трудящимися, что предопределило массовый выход коммунистов из партии. Например, в январе 1991 г., менее чем через два года из 9072 членов КПСС автозавода «УРАЛ», крупнейшего в Союзе ССР, осталось только 1646 членов, и 300 из них не платили взносы¹⁵⁵. Рабочие Красноярского алюминиевого завода, одного из крупнейших заводов в Союзе ССР, начали массово выходить из партии после выдвижения политической линии Горбачева «гуманного и демократического социализма» на XIX конференции КПСС, причем именно в том году 900 человек оставили свое членство в партии. В 1988 г. это число составило 21 217 человек, в 1990 г. —

---

¹⁵⁴ Болдин В.И., Крушение пьедестала: штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995. С. 10.

¹⁵⁵ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6 (317). Июнь 1991 г.

18094424, а только в первом квартале 1991 г. из партии вышли 587000 человек¹⁵⁶.

Исторический опыт свидетельствует о том, что идеологическое вырождение «политической элиты» социалистического государства, её уход от коммунистических целей и ригидно-консервативный стиль политической деятельности лишают правящий слой способности возглавлять и защищать социалистическое государство. Важно подчеркнуть, что указанный урок входит в корпус ориентиров четвёртого цикла межпоколенческой мобильности китайской «политической элиты» эпохи Си Цзиньпина.

Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин придает большое значение роли истории эволюции политической элиты СССР как вдохновения для социалистического Китая и развития китайской коммунистической партии. Как отмечено в британском журнале «Экономист» в статье, опубликованной 9 апреля 2022 г., «г-н Си извлекает уроки из трагедии развала СССР, он рассматривает развал СССР как кризис утраченной коммунистической веры. Несколько раз за свое первое десятилетие на посту лидера г-н Си осуждал советских партийных лидеров и чиновников за то, что они превратились в своекорыстную касту и потеряли политический контроль над армией»¹⁵⁷. На наш взгляд, это важный исторический фактор, который следует осознавать, когда рассматриваются практические факторы в формировании «политической элиты» КНР в эпоху Си Цзиньпина.

В политическом докладе XIX съезда КПК говорится, что «новая эпоха» – это «эпоха, в которой наша страна все больше приближается к центру мировой сцены и постоянно вносит все больший вклад в развитие человечества». Таковы общие политические условия, контекст времени, для этой производной от поколения к поколению политической элиты Китая. Углубление

---

¹⁵⁶ Партийная жизнь. 1991. № 11. Июнь 1991 г.

¹⁵⁷ The Economist. Don't underestimate Xi Jinping's bond with Vladimir Putin. China // Chaguan. Apr 9th 2022 // <https://www.economist.com/china/2022/04/09/dont-underestimate-xi-jinpings-bond-with-vladimir-putin> (Дата обращения: 10.08.2025)

международного финансового кризиса и ухудшение международного геополитического ландшафта, подъем политической волны торгового протекционизма и кризис глобального управления в западном лагере во главе с США, а также политическая реальность гегемонистской доктрины, открыто выдвинутой США, являются общими реалистичными факторами для формирования политической элиты Китая.

Для полноты анализа генезиса политической элиты в эпоху Си Цзиньпина необходимо предварительно прояснить её научно обоснованную и объективно неизбежную обусловленность в марксистско-социологическом смысле. Прежде всего, требуется целостное представление о развитии политической элиты Китая в указанную эпоху.

Спустя 44 года после начала политики «реформ и открытости» социалистическое общество с китайской спецификой фактически вступило в новый этап исторического развития – «построения социалистического общества с китайской спецификой в новую эпоху». Тем самым был обозначен поступательный переход от начальной стадии социализма к более продвинутой.

Следует отметить, что указанный исторический порог существенно модифицировал роль субъективных факторов и параметры деятельности китайской политической элиты. Вступление в «новую эпоху» сопровождалось трансформацией основных противоречий китайского общества, глубокой перестройкой его социально-экономической структуры и приведением производственных отношений в соответствие с уровнем и характером производительных сил, то есть обновлением соотношения базиса и надстройки.

Наращение политической роли политической элиты Китая в эпоху Си Цзиньпина прямо отражает ключевую политико-социологическую закономерность, актуализированную после провозглашения XIX съездом КПК «новой эпохи» социалистического Китая. На фоне текущей политико-экономической конъюнктуры внутри страны и вовне указанная закономерность проявляется особенно отчётливо: политическим центром

координации выступает ЦК КПК, а сама политическая элита объективно нуждается в дальнейшей настройке собственной внутренней структуры, форм деятельности и рабочих методов. Одновременно относительная зрелость материально-технической базы и социалистических производственных отношений, в сочетании с ускоренным ростом культурного и социалистического сознания трудящихся, не только обеспечивает результативное функционирование правящего слоя, но и закономерно усиливает его политическую роль во всех сферах общественной жизни.

Научный характер развития политической элиты в эпоху Си Цзиньпина предполагает соответствие объективным законам общественного развития. При этом, в отличие от прежних периодов, возрастает роль субъективных факторов. Решающим среди них выступает деятельность политической элиты, опирающаяся на признание и сознательное применение объективных закономерностей, что ускоряет социальные преобразования. Исходя из глубокого анализа реалистических ориентиров и динамики политических, социально-экономических и идеологических процессов, элита выстраивает траектории дальнейшего развития социалистического Китая, мобилизует заложенный в массах ресурсный потенциал, обеспечивает комплексное развитие общественной жизни в направлении укрепления и развития социализма и создаёт условия для результативного решения широкого круга сложных общественных проблем.

Так, резолюции и документы КПК, выступая основным политическим инструментом политической элиты, отражают диалектику общественной жизни Китая эпохи Си Цзиньпина как марксистско-ленинское единство теории и практики.

Одновременно усиливается руководящая роль политической элиты КНР, отличающаяся более комплексным подходом к решению политических, социально-экономических и иных задач. Тем самым обеспечиваются углублённый анализ экономических, социально-политических и

идеологических отношений и внешней политики в сложном процессе перехода к более развитой стадии социализма и — на этой основе — своевременное решение ключевых вопросов современного общественного развития. Указанная динамика опирается на марксистско-ленинскую теорию и подтверждается практикой:

- 1) научное знание институционально пронизывает общество;
- 2) политическая элита Китая накопила значительный опыт управления общественным развитием и политическими процессами;
- 3) существенно выросли профессиональные компетенции, знания, идеологические и-политические навыки представителей элиты;
- 4) заметно возросла творческая инициатива трудящихся.

Таким образом, перечисленные выше обстоятельства позволяют констатировать следующее:

Во-первых, практика политической жизни подтверждает научное основание межпоколенческой мобильности правящего слоя КНР в эпоху Си Цзиньпина. Её причинные связи и эмпирические проявления подтверждают преемственность с предыдущими периодами, одновременно демонстрируя творческое применение ленинской научной методологии, что обеспечивает высокую институциональную результативность социалистического Китая в ключевых сферах.

Во-вторых, вступление Китая в фазу интенсивного развития социализма с китайской спецификой сопровождается расширением сфер общественного производства, усложнением управленческих задач и ростом доли трудящихся, вовлечённых в сознательное историческое творчество. Указанная динамика объективно усиливает руководящую роль КПК как центра координации ключевых политических институтов и верхних эшелонов власти. В аналитике П. Бурдьё политический, экономический и культурный капиталы пересекаются в элитных кластерах и через университеты, партийные школы и неформальные

сетевые взаимодействия обеспечивают межпоколенческое воспроизводство элитных групп.

Механизмы селекции и кадровой ротации, опирающиеся на формальную регламентацию и меритократические критерии, структурируют вертикальную рекрутировку и горизонтальную мобильность, формируя китаизированную версию институционализированной «циркуляции элит», корреспондирующую с классическими представлениями В. Парето и Г. Моски. Организационные отделы партии поддерживают регулярное обновление руководящего слоя, тем самым укрепляя структурную устойчивость и легитимность господства. В хабермасианской перспективе легитимация усиливается совпадением управленческих практик с массовыми ожиданиями, чему способствовали быстрый экономический рост и сокращение бедности. В терминах Л.Альтюссера идеологические государственные аппараты — СМИ, система образования, партийная пропаганда обеспечивают политическую социализацию и инкорпорацию новых элит в существующее институциональное поле, минимизируя внутриэлитные расколы и гарантируя преемственность курса.

Вместе с тем исторически укоренённый городско-сельский дуализм задаёт стратификационный ландшафт и траектории мобильности: система прописки (хукоу) выступает институциональным барьером, ограничивающим миграцию и закрепляющим статусные неравенства. Несмотря на ускоренную урбанизацию (городское население >50% в 2011 г.; к концу 2024 г. — 67%, около 943,5 млн.) и реформы последних лет,¹⁵⁸ диспропорция «город — деревня» сохраняется. Относительный разрыв доходов сократился с 2,88 (2012) до 2,34 (2024),¹⁵⁹ однако абсолютная дистанция не уменьшилась. Прибрежные регионы усиливают преимущество, внутренние территории стагнируют.

¹⁵⁸ ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты // https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (Дата обращения: 24.07.2025).

¹⁵⁹ Источник: база данных «Государственные данные» ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A02&sj=2024> (Дата обращения: 24.07.2025).

Появление «супердеревень» (Гуандун, Чжэцзян) сочетается с депопуляцией и экологическими рисками в иных сельских зонах. Образовательные и карьерные возможности выходцев из села ограничены, мигранты концентрируются в отраслях с низкоквалифицированным трудом, а межпоколенческая мобильность низка.

Тем не менее, Китай как государство, нацеленное на стратегию развития, применяет мощные институциональные рычаги для целенаправленной трансформации социальной структуры. В отличие от стихийной рыночной динамики, китайская модель опирается на активное конструирование классовых конфигураций и селективную коррекцию социальных лифтов. Стратегические приоритеты правительства направляют перераспределение труда: по мере индустриализации и экспансии услуг занятость смещается от сельского хозяйства к промышленности и сервису — доля занятых в аграрном секторе снизилась с 33,5% (2012 г.) до 22,8% (2023 г.), тогда как в третичном секторе выросла с 36,0% до 48,1%¹⁶⁰. Указанная конфигурация сложилась на стыке рыночных стимулов и целевых государственных инвестиций в образование и высокие технологии, а расширение доступа к высшему образованию за два десятилетия увеличило контингент квалифицированных специалистов, усилив позиции среднего класса и интеллектуалов. Параллельные урбанизационные и инфраструктурные программы, посредством переселения миллионов сельских жителей в новые городские районы, одновременно стимулируют рост и реорганизуют повседневные практики и сетевые связи, перестраивая социальную ткань в организованном режиме.

Социальная политика в рамках китайской модернизации направлена на смягчение негативных эффектов быстрого роста: наряду с завершением ликвидации крайней бедности к 2020 г. совершенствуются пенсионное и медицинское страхование и расширяются адресные программы. Тем самым

---

¹⁶⁰ Источник: база данных «Государственные данные» ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0402&sj=2024> (Дата обращения: 24.07.2025).

поддерживается баланс эффективности и справедливости как ресурс легитимности. Демографические и трудовые процессы также селективно регулируются: после периода избытка предложение рабочей силы сократилось с ≈ 930 млн (2012) до ≈ 858 млн (2024),¹⁶¹ на передний план вышли структурная и фрикционная безработица; стимулируется занятость в частном предпринимательском секторе и поддержка молодёжи, хотя среди городских 16-24-летних в 2024 г. безработица среди молодёжи фиксировалось на уровне 18,8%¹⁶².

В институциональной перспективе в современном Китае воспроизводится логика государства развития — от подъёма сельских территорий и экологической реабилитации до интеграции региональных экономик в единый национальный рынок. При этом задаваемая сверху трансформация требует постоянной адаптации институтов и инкорпорации новых социальных групп (оформление прав мигрантов на городское жительство, поддержка малого бизнеса и т. п.), иначе возрастает риск эрозии легитимности и социальной фрагментации.

Как уже частично было показано ранее, рыночная трансформация сформировала массив частных предпринимателей и иных представителей «новых социальных классов», радикально изменив стратификационный ландшафт. Так, в Китае оформилась влиятельная экономическая элита, нередко описываемая как «новая буржуазия». Во избежание социальной поляризации и политической изоляции этой группы проведена институциональная интеграция: к сентябрю 2024 г. — свыше 125 млн индивидуальных предпринимателей и 55 млн частных предприятий (92,3% всех зарегистрированных);¹⁶³ частный сектор

---

¹⁶¹ ГСУ Китая. Ван Пинпин: Общее снижение численности населения сокращается, качество населения продолжает улучшаться // https://www.stats.gov.cn/sj/sjgd/202501/t20250117_1958337.html (Дата обращения: 24.07.2025).

¹⁶² Источник: база данных "государственные данные" ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zb=A0E01&sj=202502> (Дата обращения: 24.07.2025).

¹⁶³ Агентство новостей Синьхуа // <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html> (Дата обращения: 24.07.2025).

из дополнения к государственной экономике превратился в ключевой драйвер роста.

КПК адаптировала стратегию Единого фронта: с начала 2000-х представителям негосударственного сектора открыт доступ к членству и консультативным процессам; на XVI съезде (2002 г.) закреплено, что они — «строители социализма с китайской спецификой». В результате предприниматели получили институциональные каналы артикуляции интересов (мандаты в народных конгрессах, членство в НПКСК, руководящие позиции в отраслевых ассоциациях). Если использовать терминологию Л. Альтюссера, то идеологические аппараты и объединения под эгидой партии превращают потенциально автономный капиталистический сегмент в лояльный элемент политико-экономического порядка.

На уровне элит границы между государственным и частным секторами становятся подвижными и проницаемыми: усиливается межсекторальная и горизонтальная мобильность, осуществляются переходы высокопоставленных кадров и представителей старых элит в корпоративный сектор. Эти акторы, задействуя административный опыт, социальный и символический капитал, наращивают конкурентоспособность и обмен ресурсами между элитами различных сфер. Внутри класса частных предпринимателей фиксируется выраженная гетерогенность: рядом с крупными олигархическими структурами действуют миллионы малых и средних предприятий с различными интересами и степенью влияния. Государство консолидирует слой через бизнес-объединения, институционализованные каналы диалога «власть — бизнес» (Всеитайская федерация промышленности и торговли) и механизмы партийного руководства в негосударственных компаниях (ячейки КПК).

В логике теории полей П. Бурдьё, предприниматели осваивают не только экономическое, но и политическое поле: участие в официальных структурах конвертирует экономический капитал в социальный и символический, расширяя доступ к принятию решений. Одновременно контроль земли,

финансов и лицензирования со стороны политической элиты сдерживает автономизацию капиталистической олигархии. Показательно, что в Гуандуне за 2012-2023 гг. ВРП вырос в 2,37 раза, тогда как минимальная заработная плата — лишь в 1,23 раза,¹⁶⁴ что фиксирует диспропорцию между прибылью капитала и благосостоянием наёмного труда. Ответом на этот вызов стал курс на сохранение «социалистического характера» экономики и «общее процветание»: с 2021 г. действует пакет мер по регулированию «беспорядочного роста капитала» и стимулированию филантропии крупных частных компаний для сдерживания социально-классовой поляризации.

Тем самым современная стадия модернизационного развития с китайской спецификой сочетает высокие темпы роста с усложнением социальной структуры. Власть политической элиты воспроизводится через формальные механизмы; диспропорция «город — деревня» смягчается, но не исчезает; государство конструирует условия модернизации, а новые классы инкорпорируются в действующие институты, размывая границу политики и рынка. Элиты в однопартийном государстве адаптируют стратегии поддержания легитимности и контроля, реформы сверху перестраивают стратификацию, а институциональная интеграция новых элит укрепляет структурную устойчивость системы, одновременно проверяя применимость классической теории в незападном контексте и обогащая глобальный научный дискурс моделями альтернативных траекторий развития.

Таким образом, социалистическое общество с китайской спецификой в новую эпоху характеризуется неизбежным усилением роли субъективного фактора, что выражается в повышении роли сознательности и организованности трудового народа. Соответственно, во-первых, усилилась и роль ЦК Коммунистической партии как политического проводника

---

¹⁶⁴ Статистическое бюро провинции Гуандун. Статистический бюллетень национального экономического и социального развития Гуандуна за 2012 год. URI: http://stats.gd.gov.cn/tjgb/content/post_1430117.html. Статистическое бюро провинции Гуандун. 2023 Статистический бюллетень национального экономического и социального развития Гуандуна // http://district.ce.cn/newarea/roll/202404/01/t20240401_38955400.shtml (Дата обращения: 24.07.2025).

политической элиты, направляющей и ведущей силы общественного развития. Во-вторых, по мере дальнейшего развития политической надстройки китайского общества и углубления социалистической демократии неизбежно возрастают требования к лидерской деятельности политической элиты, обладающей политической властью. Регулярная перестройка её организационных форм и методов выступает условием реализации системных преимуществ социализма и повышения эффективности государственного управления. Активное руководство правящего слоя, структурно расположенного в центре политической системы, обеспечивает мобилизацию и распределение ресурсов общественного развития.

Следует особо отметить, что в марксистско-ленинской трактовке задачей руководства политической элиты и её политических лидеров в обществе, движущемуся к коммунизму, выступает максимально полное раскрытие потенциала гармоничного и сбалансированного развития социалистической общественной системы — согласованного функционирования её социально-политических подсистем. Следовательно, приоритетом становится усиление многоплановой деятельности элиты, опирающейся на научное знание и накопленный практический опыт.

Это подтверждают и результаты авторского исследования, в частности, ответы экспертов на вопрос «Как Вы оцениваете влияние периода руководства Си Цзиньпина на процессы межпоколенческой циркуляции политической элиты? Какие новые требования к кадрам и идеологические установки появились в этот период?». Так, по мнению Хуан Цзяньфа «в анализируемый период кадровая система, пребывая под стратегическим руководством Генерального секретаря, продемонстрировала беспрецедентные темпы омоложения и знания-интенсивного обновления: курс на смелое выдвижение талантливой молодёжи привёл к тому, что «ключевое меньшинство» руководящих органов центрального и провинциального уровня весомерно пополнилось товарищами семидесятых годов рождения, а в отдельных случаях

и восьмидесятых, причём новая когорта отличается высоким уровнем академической подготовки и устойчивой профессиональной культурой, что позволяет ей быстро входить в контур сложных управленческих задач. Одновременно кадровые стандарты обрели не имеющую прецедентов строгую определённости: политический критерий и критерий личной безупречности подняты до уровня жёстких барьеров, а «один голос против» по линии политической благонадёжности или антикоррупционного комплаенса исключает продвижение при любых иных заслугах, что устранило феномен «продвижения с изъёмом». Существенным следствием стала и явная коррекция стиля: через последовательные циклы партийного воспитания («массовая линия», «три строгости — три реальности», «изучать устав и речи — быть квалифицированным членом» и т. п.) закреплён поворот к деловитости и результату; вкупе с целевым повышением «восьми компетенций» это позволило в реальных испытаниях — цифровая трансформация, санитарно-эпидемиологическая безопасность и иные «жёсткие» задания — продемонстрировать управленческую выносливость и технологическую грамотность новой волны руководителей».

Сун Пин также отметил, что «проводимая под руководством товарища Си Цзиньпина линия на всестороннюю партийную строгость привела к фактическому реформатированию кадрового корпуса, позволив очистить его от узурпаторов и корыстолюбцев, восстановить здоровую атмосферу партийной жизни и укрепить доверительные связи с народом; попутно выровнено и само поле кадровой конкуренции — ослаблены позиции выжидателей и бездеятельных, укреплены позиции готовых нести ответственность и брать на себя «тяжёлые» участки работы, благодаря чему естественным образом закрепились норма «достоин — выдвигается, посредственен — смещается, ущербен — удаляется». При этом особое значение придавала активация «живой струи» — ускоренное выявление, целенаправленное «высадка на трудный участок» и форсированная подготовка молодых кадров, что закономерно

привело к появлению на ключевых постах семидесятих годов рождения, а в отдельных случаях и более молодых товарищей; потенциал же дальнейшего наращивания выносливости компенсируется плановыми программами «укрепления корневой системы» — целевой низовой практикой, широким полем ответственности и теоретическим сопровождением».

В целом, исторический материализм предписывает в каждой фазе развития выявлять основания дифференциации и обновлённые формы политической деятельности элиты, соразмерные требованиям текущего периода. В контексте новой эпохи социалистического строительства с китайской спецификой элита эпохи Си Цзиньпина вслед за трансформацией социальных реалий скорректировала свой состав, направленность и приоритеты деятельности. Результатом стало существенное повышение эффективности государственного управления. Так, целенаправленные меры, принятые в 2013 г., позволили к 2020 г. ликвидировать абсолютную сельскую бедность, опередив международные ориентиры более чем на десятилетие. К концу 2024 г. уровень урбанизации достиг 67%,¹⁶⁵ разрыв доходов городских и сельских жителей сократился с 2,88:1 (2012 г.) до 2,34:1 (2024 г.),¹⁶⁶ занятость в сфере услуг в 2012-2023 гг. выросла с 36% до 48%¹⁶⁷. Одновременно концентрация контроля над распределением публичных ресурсов со стороны партийно-государственных структур, усилила социальную интеграцию через каналы межбюджетных трансфертов, кадровой селекции и приоритетности социальных программ. Стандартизация правил распределения ресурсов укрепила

¹⁶⁵ ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты // https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html (Дата обращения: 24.07.2025).

¹⁶⁶ Источник: база данных «Государственные данные» ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A02&sj=2024> (Дата обращения: 24.07.2025).

¹⁶⁷ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось - Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая // https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzcyj/202409/t20240920_1956594.html (Дата обращения: 24.07.2025).

координирующую позицию элиты и организационные основания власти, обеспечив, тем самым, её нормативную и результативную легитимность.

3.2. Межпоколенческие различия политических элит Китая в эпоху Си Цзиньпина

С позиций исторического материализма переход между общественно-экономическими формациями, переопределяя соотношение базиса и надстройки, выступает ведущей движущей силой всемирной истории. Неизбежным следствием является перестройка социальной структуры и модернизация политической системы, мобилизация всех классов и социальных группы, что затрагивает интересы широких народных масс, а также перераспределяет ресурсы и каналы политического представительства.

В трансформационный период группы, теряющие структурные позиции, сопротивляются восходящим революционным силам. В фазе новой эры социалистического Китая, когда переход интенсивно разворачивается, противоборство достигает наибольшей остроты, поскольку траектория перехода определяет направление исторического развития страны и затрагивает судьбу её трудящихся. Направленность данного перехода состоит не в замене буржуазного господства властью рабочего класса, характерной для революционного этапа после 1949 года, а в достижении социально-политического сближения всех классов и социальных групп китайского общества и институциональной интеграции их интересов.

С историко-материалистических позиций движущей силой, продвигающей историю, решающей назревшие задачи общественного развития и воплощающей прогресс, выступает рабочий класс, который в китайском обществе сохраняет ведущую роль. Его историческая миссия — свержение буржуазного строя, демонтаж капиталистической системы, построение на её руинах коммунистического общества и ликвидация всех классов.

Марксизм-ленинизм, обосновав законы общественного развития, утверждает: исполнение этой миссии возможно лишь при наличии у пролетариата боевого, организованного и сознательного авангарда – революционной партии.

Возникновение, укрепление и развитие пролетарской партии, её руководящая роль в рабочем движении и возрастающее значение в социалистическом и коммунистическом строительстве соответствует закону исторического развития Китая. Её Центральный комитет выполняет функцию центра координации ключевых политических институтов и выступает политическим организатором политической элиты. По мере продвижения к коммунизму возрастает координирующая роль Центрального комитета как ядра политической элиты в преобразовании общества, а влияние самой политической элиты на исторический процесс усиливается. Такая динамика обусловлена направленностью общественного развития Китая в эпоху упадка капитализма и торжества социализма, а также структурой социально-экономических отношений коммунистической формации.

При этом Центральный комитет пролетарской партии, выступая институциональным центром координации политической элиты, гарантирует результативность революционных преобразований и организует созидательную деятельность рабочего класса. Следовательно, политическая элита выступает субъективным фактором реализации указанной исторической необходимости и ведущей силой общественного развития. Для того, чтобы исследовать направления развития политической элиты Китая в эпоху Си Цзиньпина, необходимо проанализировать материальную базу, производственные и социально-классовые отношения, политико-идеологические реалии и новые институциональные условия существования элиты, а также уточнить исторические задачи и фактическую роль политической элиты в этот период.

После 1949 года сменявшиеся поколения китайской политической элиты в процессе межпоколенческого обновления правящего слоя накопили значительный опыт политической практики, а элита периода Си Цзиньпина

осуществила его систематизацию и научный анализ в свете марксизма-ленинизма. На этой основе был подтверждён ключевой для марксизма-ленинизма вывод: решающим условием победы на каждом этапе социалистической революции, реформы и строительства, включая переход к более высокой стадии социализма, является наличие массовой пролетарской партии с политическим руководством в лице политической элиты. Эта партия и её политическая элита организуют и направляют китайский рабочий класс, а через него — весь трудовой народ.

На наш взгляд, данный вывод обладает теоретической и практической значимостью, поскольку соответствует историческим условиям каждого периода, опирается на детальный анализ общей исторической ситуации, сложившейся вследствие победы и развития социализма на фоне упадка и кризиса капитализма, а также учитывает изменения международно-политической конъюнктуры соответствующих периодов.

В Китае, в период деятельности Си Цзиньпина перед политической элитой поставлена задача: институционализировать и направлять социальную реакцию на идеологическую переориентацию элит в рамках символического порядка смены элит. Дело в том, что догматическое крыло элиты, выступавшее противником этой переориентации, утратило политическое влияние, вследствие чего социальная реакция стала одним из ключевых измерений текущего политического процесса.

Следует отметить, что в социалистическом обществе уязвимость символического порядка циркуляции элит определяется не полемикой с доктринами, а совокупным воздействием трёх механизмов:

- 1) давления транснациональных олигархических сетей капитала;
- 2) активности внутренних экономических агентов;
- 3) когнитивного отрыва идеологических работников и управленческих кадров от повседневной социальной практики.

В результате формируется идеологическая переориентация элит, перераспределяется символический капитал, ослабевают механизмы институционализированной циркуляции элит, понижается связность между политико-административным сегментом и массовыми слоями. Этот процесс нередко маскируется риторикой «обобщения новых явлений», где аналитические критерии подменяются конъюнктурными нормами и размывается институциональная связность. С социологической точки зрения речь идёт не об отрицании априорных догм, а о трансформации правил воспроизводства элитного поля: пересматриваются каналы кооптации, механизмы легитимации и баланс между экономическим, политическим и символическим капиталом. Отсюда вытекает требование: восстановление конгруэнтности норм и прозрачных правил отбора и продвижения, оно же — ключевое условие стабилизации социальной стратификации в ходе модернизации.

В модели «социализма с китайской спецификой» символический порядок элит задаёт когнитивные коды, поддерживает нормативную интеграцию и координирует межподсистемное распределение ресурсов, а его согласованность является важным условием воспроизводства системы. В поле власти идеологическая переориентация элит размывает связь этой теоретической системы с доктринальными источниками, модифицирует правила отбора и продвижения, а также и механизмы легитимации акторов. Генерал-майор Ли Шэньмин — бывший секретарь тов. Ван Чжэня и экс-вице-президент КАОН — сформулировал эту позицию так: «Что является руководящей идеологией КПК? В Уставе партии, принятом на XIX съезде, чётко сказано: «КПК принимает марксизм-ленинизм, мысль Мао Цзэдуна, теорию Дэн Сяопина, важную мысль “трёх представителей”, научный взгляд на развитие и мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху в качестве руководства к действию».

В обозначенном докладе также подчёркивалось, что «великое дело реформ и открытости было начато центральным руководящим коллективом партии второго поколения во главе с товарищем Дэн Сяопином, возглавившим всю партию и народ»¹⁶⁸. Ли Шэньмин указал, что «фундаментальная причина всех достижений и прогресса после начала политики реформы и открытости — открытие пути к социализму с китайской спецификой, формирование теоретической системы социализма с китайской спецификой». Отсюда вывод: «теоретическая система социализма с китайской спецификой относится исключительно к научной теоретической системе, которая включает теорию Дэн Сяопина, важную мысль “Трёх представителей” и научный взгляд на развитие, и не включает марксизм-ленинизм или мысль Мао Цзэдуна”; данная политико-теоретическая позиция официально закреплена на партийном съезде»¹⁶⁹.

Для того, чтобы исключить терминологическую путаницу и корректно операционализировать аналитические категории, следует развести два понятия в рамках официального китайского дискурса.

Во-первых, формула «великое знамя социализма с китайской спецификой» выступает метаязыковым маркером символического порядка воспроизводства элит, консолидирующего разновременные нормативные и дискурсивные ресурсы.

Во-вторых, «теоретическая система социализма с китайской спецификой» — кодифицированный корпус, который в уставных формулировках включает теорию Дэн Сяопина, важную мысль «Тройного представительства» (представление направления развития передовых производительных сил, ориентиров передовой культуры и фундаментальных интересов подавляющего

---

¹⁶⁸ Ли Шэньмин. Как правильно понимать систему социалистической теории с китайской спецификой и социалистический путь с китайской спецификой // <https://msk.kprf.ru/2021/08/04/165059/?>. (Дата обращения: 14 августа 2025 года)

¹⁶⁹ Ли Шэньмин. Как правильно понимать систему социалистической теории с китайской спецификой и социалистический путь с китайской спецификой // <https://msk.kprf.ru/2021/08/04/165059/?>. (Дата обращения: 14 августа 2025 года).

большинства населения), научный взгляд на развитие, а позднее — мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. При этом марксизм-ленинизм и мысль Мао Цзэдуна в этот корпус не входят, а функционируют как его теоретическое основание и источник заимствований. Такое разведение предотвращает подмену дискурсивного ярлыка аналитическими инструментами и обеспечивает корректную постановку задач для эмпирической проверки механизмов институционализированной циркуляции элит и их легитимации.

После XVIII съезда КПК Центральный комитет во главе с Си Цзиньпином, в результате проведенного расследования, привлёк к ответственности значительное число политических перебежчиков из среды «политической элиты», квалифицированных как представителей современного ревизионизма и объединённых в группу «буржуазных агентов». Одновременно была устранена хаотическая ситуация в идеологической сфере, где ослабла руководящая роль марксизма, вопреки положению о том, что «принимая марксизм как своё знамя и теоретическое руководство, китайские коммунисты всегда ставили Маркса и ленинизм вместе как полную идеологическую систему и как самое острое идеологическое оружие для руководства китайской практикой»¹⁷⁰.

Путём массовых политических действий КПК и её Центральный комитет добились существенной коррекции курса формирования и обновления собственной политической элиты, тем самым предотвратив повторение в современном Китае трагедии СССР 1990-х годов. Подобные шаги ни КПСС, ни политическая элита СССР, при осознании их необходимости, своевременно предпринять не сумели. По ряду исторических и практических причин КПСС в тот период не сумела скорректировать курс формирования и институционализировать циркуляцию собственной политической элиты так же,

---

¹⁷⁰ Ван Вэйгуан. Чтобы поддерживать и развивать марксизм, мы должны неуклонно отстаивать и развивать ленинизм // <https://msk.kprf.ru/2021/08/06/165297/>? (Дата обращения: 10.08.2025).

как делает сегодня КПК. Тем самым сформировался один из ключевых глубинных факторов, объясняющих заметное расхождение исторических траекторий СССР — первой в мире социалистической державы — и социалистического Китая в 1990-е годы.

В этой связи изучение группы «буржуазных агентов» показывает: их теоретические документы и политическая практика свидетельствуют о полном отходе от марксизма-ленинизма. Анализ программных материалов самой группы и её интеллектуальной периферии, отколовшейся от собственно политической элиты и претерпевшей идейную трансформацию, фиксирует отказ от материалистического понимания истории. Если говорить конкретно, то:

1) марксистская доктрина об объективном характере исторического процесса подменяется теорией стихийности социализма;

2) принцип диалектической взаимосвязи общественного бытия и сознания вместе с признанием позитивной роли субъективного фактора заменяются вульгарно-материалистической схемой о якобы стихийном движении производительных сил к социализму.

Таким образом, «буржуазные агенты» постулировали автоматическое созревание социалистического базиса: инициативы пролетарской партии для этого якобы не требуется; начальная стадия социализма автоматически трансформируется в его развитую стадию, а затем — в коммунизм. Отсюда ими делался вывод об устаревании тезиса о решающей роли пролетарской партии в борьбе за социализм, в его строительстве и реформировании. В логике этой доктрины спонтанная динамика китайского общества и «саморазвитие» отдельных элементов социализма якобы исключают необходимость субъективного фактора и, следовательно, допускают отмену руководящей роли пролетарской партии.

Ныне, будучи в целом идеологически разгромленной, эта группа «буржуазных агентов» все же частично сохраняется в слоях политической

элиты КНР эпохи Си Цзиньпина. Следовательно, успех КПК в руководстве строительством социализма с китайской спецификой в новую эпоху обусловлен решительностью правящей элиты в противодействии ревизионизму и способностью преодолевать распространённую оторванность от практики внутри собственных рядов и среди руководимых ею кадров. Иначе говоря, укрепление пролетарской партии в целом и её ядра — политической элиты — до достижения коммунизма вытекает из содержания экономических, политических и идеологических отношений социализма по мере его развития к коммунистической фазе.

Соответственно, интересы социализма с китайской спецификой — как и общечеловеческие — предписывают КПК как правящей партии последовательно устранять несовместимые с социалистической идеологией деформации политической жизни и усиливать руководящую роль марксистско-ленинской теории, прежде всего через разъяснение её научного и реального характера, политической необходимости и исторической закономерности в рамках революционной партии рабочего класса и её политической элиты. В этом и состоит фактическая роль политической элиты Китая в эпоху Си Цзиньпина.

С позиций исторического материализма институциональные изменения структуры политической элиты КНР в фазе социалистических преобразований трактуются как динамический процесс, прямо сопряжённый с трансформациями социально-экономической структуры и производственных отношений. При этом речь идёт не о статичном перераспределении властных ресурсов, а о движении, в котором изменение базиса рефлексировается в надстроечных механизмах селекции и инкорпорации элит.

При взвешенной настройке механизмов институционализированной циркуляции элит, политическая элита КНР, опираясь на формальную регламентацию и контролируруемую кадровую ротацию, адресно отвечает на социальное давление и институциональные вызовы модернизации. Тем самым

закрепляется умеренный, упорядоченный и дифференцированный режим ротации, поддерживающий преемственность управления и институциональную память, одновременно усиливающий макросоциальную стабильность и эффективность государственного правления.

Таким образом, социологический анализ показывает, что институционализируемая циркуляция элит – не механическое «воплощение исторической необходимости», а результат взаимодействия социальной структуры и системы управления в границах институционального поля. В то же время, сопоставление с поздним этапом социалистических трансформаций в СССР и странах Восточной Европы позволяет утверждать: прозрачность и формальная регламентация циркуляции элит выступают необходимым условием социальной интеграции и средством предотвращения разрывов управленческого опыта и институциональной нестабильности, порождаемых чрезмерной ротацией.

На наш взгляд, для всестороннего изучения и научного обоснования объективных причин политической неизбежности и исторической закономерности формирования политической элиты КНР в эпоху Си Цзиньпина требуется установить факторы и механизмы, обуславливающие её решающую роль в обеспечении успеха строительства социалистического общества с китайской спецификой в новую эпоху.

Не требует доказательств тот факт, что материально-экономические детерминанты развития общества определяют формирование политической элиты — организованного авангарда рабочего класса — и её руководящую роль в классовых конфликтах, социальных и институциональных преобразованиях, включая последующие фазы общественного развития. Так, к 2022 г. рабочий класс Китая, включающий около 295,62 млн сельских трудовых мигрантов (порядка одной трети рабочей силы),¹⁷¹ приобрёл значительный

---

¹⁷¹ Государственное статистическое управление КНР. Отчет о мониторинге мигрантов-сельских рабочих за 2022 год // https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202304/t20230427_1939124.html (Дата обращения: 14 августа 2025 г.).

количественный и структурный вес. Тем самым подтверждается его центральное положение в социальной структуре и производственной системе. Указанные детерминанты обусловлены динамикой международного капитализма, структурным противоречием между ростом производительных сил и капиталистическими производственными отношениями, а также имманентными противоречиями капиталистического способа производства.

Анализ социализма с китайской спецификой в преддверии новой эпохи показывает, что к XX съезду КПК предшествующая политическая линия во многом исчерпала свой политический потенциал, одновременно подготовив совокупность объективных материально-производственных условий для перехода к новой эпохе социалистического общества с китайской спецификой. Поскольку производительные силы социалистического государства вступили в острое противоречие с инкорпорированными капиталистическими элементами — прежде всего частными производственными отношениями, — уровень жизни работников частного сектора рос темпами, заметно уступавшими темпам общего экономического роста. Отсюда следует, что переход к новой, более высокой стадии социализма — это историческая необходимость: такой переход обуславливают уровень производительных сил, коренные интересы трудового народа Китая и интересы социального прогресса.

В период пандемии КОВИД-19 социализм с китайской спецификой продемонстрировал на мировом фоне высокую институциональную результативность и эффективность государственного управления. В частности, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Н.Г. Осипова высоко оценила роль этой модели в противодействии пандемии: «Еще одними причинами резкого снижения числа заболевших в КНР эксперты считают методологию и характер тестирования на коронавирус. Так, в КНР сознательно не пошли по пути тестирования “всех подряд”, а отслеживали только контактных лиц в очагах, применяя к ним метод предельно оперативной и строгой изоляции. Массовым тестирование было в отдельных случаях, прежде всего для локализации очагов

заражения. Кроме того, китайская статистика не включала бессимптомных лиц в общую статистику “заболевших”, поскольку в соответствии с инструкциями Национального министерства здравоохранения таких людей нельзя считать больными. При этом китайская практика тотального и строгого контроля оказала влияние на чрезвычайно низкие ежедневные показатели по числу новых случаев»¹⁷².

Итак, в развитии политической элиты периода Си Цзиньпина прослеживается институциональная преемственность: сохраняются и уточняются правила отбора и продвижения, логика ресурсного распределения и границы ответственности. До 2012 г. правящий слой обеспечил ключевые модернизационные сдвиги — структурные преобразования, расширение социальной инфраструктуры, формирование каналов рекрутирования и частичную формализацию кадровой ротации. Однако нерешёнными оставались сокращение межрегиональных разрывов и разрывов «город-село», инкорпорация новых экономических агентов в прозрачные регулятивные каналы отбора, распространение механизмов социальной защиты на нестандартную (прекарную) занятость.

В данной связи в эпоху Си Цзиньпина политическая элита стала ориентироваться на решение конкретного набора зрелых социально-экономических проблем, зафиксированных в настоящем исследовании:

- 1) коррекцию структур «несбалансированного и недостаточного развития» как формализованного системного противоречия;
- 2) сокращение межрегиональных и сельско-городских-разрывов;
- 3) институциональную инкорпорацию новых экономических агентов в прозрачные регулятивные каналы;
- 4) распространение механизмов социальной защиты на сегменты прекарной занятости;

---

¹⁷² Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID-19: взгляд в будущее // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 27(4). С. 7 – 32 // <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-7-32> (Дата обращения: 14 августа 2025 г.).

5) управление внутренней трудовой мобильностью и социальной интеграцией крупной группы сельских трудовых мигрантов ($\approx 295,62$ млн).

Следует отметить, что выполнение перечисленных задач выступает необходимым условием стабилизации стратификационного ландшафта и согласования механизмов институционализированной циркуляции элит.

В эпоху деятельности Си Цзиньпина конфигурация политической элиты формировалась под воздействием унаследованных социально-экономических отношений и одновременно соответствовала исторической траектории развития. Как институциональный субъект, консолидированный вокруг ЦК КПК, элитный контур обеспечивал реализацию системных запросов на перераспределение ресурсов, координацию и регламентацию. Развитие элитного поля опосредовалось длительными процессами воспроизводства и трансформацией стратификационного ландшафта, а историческая регулярность выражалась зависимостью отбора, инкорпорации и кадровой ротации от материальных потребностей общества. Отсюда можно сделать вывод о том, что механизмы возникновения и динамики политической элиты следует анализировать в русле институционального анализа, фокусируя его на взаимодействии экономических детерминант и политико-организационных механизмов и трактуя политические факторы как операциональные средства решения социально-экономических задач.

В целом, трансформация структуры политической элиты и её институциональное развитие в эпоху Си Цзиньпина задали политику, адаптированную к изменившимся социально-экономическим условиям. При этом адаптация выступает не автоматическим следствием исторической необходимости, а практикой взаимодействия институционализированной циркуляции элит с новой социальной структурой. С позиций социологического институционализма правящая элита, переопределяя институциональные роли и организационные нормы, артикулирует проблемы, возникающие в ходе социально-экономических трансформаций нового периода.

Исторический опыт СССР и Венгрии показывает: отсутствие институциональной адаптации и эффективной консолидации элитного контура ведёт к разрушению управленческих структур и дестабилизации общественного порядка. Подобное историческое сопоставление подтверждает значимость институциональной интеграции политической элиты в Китае, прозрачности формальных правил и устойчивости механизмов отбора, вертикальной рекрутации и кадровой ротации как институциональной гарантии социальной стабильности и управленческого потенциала в процессе социальной модернизации.

Историческое движение от капитализма к социализму и далее — от начальной к развитой стадии социализма — означает переход из «царства необходимости» в «царство свободы», завершение многотысячелетней фазы стихийного общественного развития и начало эпохи, когда пролетарская партия и её политическая элита сознательно и целенаправленно руководят всеми сферами общественной жизни. Переход от стихийности к планомерности предполагает не только трансформацию экономических отношений, обеспечивающую планомерное развитие, но и формирование теоретических предпосылок, делающих возможным сознательное руководство процессом социального развития.

На наш взгляд, чтобы целенаправленно воздействовать на ход истории, необходимо признать и освоить законы общественно-исторического развития в интересах трудового народа. Организационной формой, способной гарантировать подлинно научное понимание сущности исторических процессов и располагающей условиями для эффективного применения этих законов, выступает пролетарская партия, чьё руководящее ядро – Центральный комитет как институциональный центр координации политической элиты, а руководящей идеологией – марксизм-ленинизм. Применительно к современному социалистическому Китаю социально-классовая природа политической элиты эпохи Си Цзиньпина такова, что её познавательная и

преобразующая деятельность не стеснена классовыми, этническими или религиозными ограничениями. Следовательно, целеполагание этой социальной группы требует максимально глубокого и всестороннего понимания тенденций общественного развития, траекторий социального прогресса и актуальных противоречий.

Таким образом, китайская политическая элита эпохи Си Цзиньпина выступает решающей предпосылкой, объективной материальной причиной и историческим условием успешного решения задач борьбы с современным ревизионизмом и его интеллектуальной периферией, дальнейшего развития экономики страны и повышения материального и духовного уровня жизни народа, а также возрождения международного коммунистического движения.

В качестве достоверных аргументов целесообразно представить верифицируемые статистические показатели по ключевым сферам общественной жизни Китая (экономической, политической и др.), вклад политической элиты в которые наиболее значим.

Так, интегрированный анализ межпоколенческой динамики политической элиты КНР в эпоху Си Цзиньпина, выполненный в рамках социологического институционализма и критического подхода, выявил внутреннюю логику и механизмы институционализированной циркуляции элит, а также показал их воздействие на структурную устойчивость.

За 2012-2024 г.г. частота циклов смены элиты возрастала практически синхронно с эффективностью государственного управления, а эпизоды ускорения межведомственной мобильности элиты совпадали с подъёмом удовлетворённости работой Правительства. По совокупности исследований связь «мобильность кадров — удовлетворённость» статистически опосредована антикоррупционным фактором: новейшие работы, основанные на данных из многих источников, включая Китайское панельное обследование семей (CFPS) 2010-2018 г.г., демонстрируют усиление антикоррупционной политики, снижение субъективного восприятия населением «накопленной коррупции»,

что существенно повышает оценки эффективности местного государственного управления. Эффект сильнее в провинциях с более высоким исходным уровнем коррупции, – это отчётливо проявляется после 2012 г. и остаётся стабильным на всех временных срезах периода после 2012 г.¹⁷³

Вместе с тем общенациональный стратифицированный эксперимент с участием 5 527 респондентов фиксирует иерархически обусловленное взвешивание при общественной оценке должностных лиц: на базовом уровне управленческой системы допускается сравнительно терпимый компромисс между управленческой компетентностью и личной неподкупностью, тогда как при оценке высшего звена местной власти такой компромисс, как правило, практически нивелируется. Отсюда пороговые значения и оптимальная периодичность «умеренной ротации» не унифицируются по единому нормативу и задаются дифференцированно по уровням иерархии¹⁷⁴.

Сравнительный исторический анализ также показывает: кратковременные всплески ротации свыше 50 % по ключевым позициям нарушают институциональную преемственность и повышают вероятность организационной дестабилизации. Сопоставление с событийным анализом межпровинциальных карьерных траекторий (2013 – 2020 гг.) демонстрирует, что в условиях усиленного антикоррупционного контроля кадровые решения принимались преимущественно в задачно-реактивном режиме и реализовывались через селективную экстерриториализацию назначений. Очевидно, что системной «волновой» ротации не возникало, что ограничивало риск избыточного обновления и поддерживало управленческую непрерывность.

При инициировании конкретных управленческих задач центральные и провинциальные инстанции преимущественно направляли неместных руководителей для усиления сквозного надзора и повышения интенсивности

---

¹⁷³ Zhou Z., Zhou Y., Yuan M., Tang, A. Anti-corruption Efforts, Corruption Perception and Public Evaluation of Local Governments in China. *The China Quarterly*. 2025. № 262. P. 310 – 329.

¹⁷⁴ Zhu L., Yang F. Trading integrity for competence? The public's varying preferences for bureaucratic types across government levels in China // *Political Science Research and Methods*, 2023. № 11(4). P. 877 – 892. doi:10.1017/psrm.2023.7 (Дата обращения: 14 августа 2025 г.).

контроля, между тем общесистемная «волнообразная» ротация не сложилась. В совокупности это подтверждает функционирование практики «обмена кадрами», прежде всего, как инструментально-адресного механизма, согласующегося с принципом умеренной ротации как фактора повышения эффективности государственного управления¹⁷⁵. В продолжение изложенного уместно зафиксировать, что сплошной анализ назначений руководящих кадров префектурного уровня за 2003 - 2020 г.г. показывает: с началом периода деятельности Си Цзиньпина — Ли Кэцяна распределение полномочий по кадровым решениям относительно подведомственных провинциям префектур и структура территориального происхождения руководящих кадров стали заметно более согласованными и предсказуемыми. При этом на фоне организационной фрагментации поддерживаются меритократические критерии, а динамика институционализированной циркуляции элит приобретает более предсказуемый и селективный характер. Одновременно укрепились вертикальная цепь надзора и провинциальная иерархия властных полномочий.

Тем самым структурно и формально регламентированный механизм назначений обеспечивает непрерывность и согласованность траекторий реализации государственной политики даже при ограниченной интенсивности ротации политической элиты¹⁷⁶. Отсюда с 2012 г. проводится стратегия «умеренной ротации», сознательно замедляющая обновление правящего слоя. К 2025 г. доля кадров уровня заместителя Министра и выше, рождённых после 1975 г., оказалась ниже на 38 %, ¹⁷⁷ чем в 2010-е гг., что поддерживает институциональную память и управленческую предсказуемость. Статистические оценки показывают, что пятилетний цикл сменяемости при интенсивности $\leq 15\%$ коррелирует с ростом институциональной

¹⁷⁵ Qian J., Tang F. Campaign-style Personnel Management: Task Responsiveness and Selective Delocalization during China's Anti-corruption Crackdown, 2013–2020. *The China Quarterly*. 2023. № 256 P. 919 – 938.

¹⁷⁶ Xinhui Jiang, Sarah Eaton, Genia Kostka. Provinces in Command: Changes in Prefectural Appointments from Hu Jintao to Xi Jinping (2003-2020) // *Journal of Contemporary China*. 2023. № 32:144. P. 963 – 983.

¹⁷⁷ MacroPolo. The Committee // <https://archivemacropolo.org/interactive/digital-projects/the-committee> (Дата обращения: 20.07.2025).

устойчивости¹⁷⁸. При этом умеренное обновление поддерживает структурную согласованность и сохраняет экспертный потенциал, тогда как «турбулентные» кадровые волны ведут к утрате компетенций и фрагментации структуры.

Кроме того, поддержание связности элит с массовыми слоями критично при крупномасштабной модернизации: в 2023 г. численность сельских трудовых мигрантов достигла ~298 млн ($\approx 40\%$ занятых),¹⁷⁹ и их эффективная институциональная инкорпорация в социальную систему служит залогом интеграции и легитимности.

Следовательно, сбалансированная институционализирующая циркуляция элит, синхронизирующая поколенческое обновление с сохранением непрерывности формальных норм селекции, укрепляет адаптивную эффективность государственного правления и макросоциальную стабильность. Следует отметить, что полученные результаты, интерпретируемые на уровне базисно-надстроечных соотношений, эмпирически подтверждают значение регламентированных процедур элитной сменяемости для предотвращения структурного застоя, и, одновременно, подчёркивают издержки ускоренной ротации и необходимость поддержания нормативной интеграции.

3.3. Методологические проблемы эмпирических исследований политической элиты в модернизирующемся Китае

Межпоколенческая циркуляция политических элит КНР, как следует из проведенного выше анализа, представляет собой институционально обусловленный динамический процесс, отражающий трансформацию социальной структуры и производственных отношений.

¹⁷⁸ Yan, Y., Christensen, T., Yang, Z. Personnel Control and Local Officials' Attention to Economic Development: Evidence from China // *Administration & Society*. 2024. № 56(2). P. 145 - 171.

¹⁷⁹ ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось - Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая // https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzcyj/202409/t20240920_1956594.html (Дата обращения: 20.07.2025).

С позиций социологического институционализма, это не просто смена отдельных акторов или групп, а структурная переартикуляция организационных норм и институциональных ролей в ответ на социально-экономические изменения и возникающие в ходе модернизации напряжения. Механизмы институционализированной циркуляции элит, регулируя темпы и направления кадровых перемещений, поддерживают институциональную память и предотвращают организационную нестабильность, связанную с чрезмерной ротацией. Вместе с тем, методологические ограничения традиционных подходов, основанных на количественных показателях, недостаточно отражают микроуровневую динамику социального капитала и неформальных сетевых взаимодействий в рамках элитного слоя. Таким образом, требуется методологическое уточнение исследовательских процедур с использованием комплексной стратегии, сочетающей количественные и качественные методы, чтобы глубже раскрыть институционально-сетевые механизмы циркуляции элит. В данной связи представляется целесообразным зафиксировать методические ограничения научного анализа элиты в модернизирующемся Китае и обосновать многоуровневый смешанный дизайн, а также продемонстрировать его эвристический потенциал на базе эмпирического исследования, проведенного по оригинальной методологии, разработанной автором.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что стремительное социально-экономическое развитие КНР выдвинуло на первый план анализ институционализированной циркуляции элит — преемственности и логики их обновления, тогда как классические элитологические теории, начиная от концепции «круговорота элит» В. Парето до теории «властвующей элиты» Ч.Р. Миллса задали общую теоретическую рамку социологического анализа. Однако при прямом переносе на китайскую действительность были очевидны их методологические ограничения, поскольку универсалистские западные парадигмы слабо учитывают специфику партийно-государственных институтов

и исторического опыта КНР. Отсюда следует необходимость адаптации сложившихся теорий и выработки новых подходов, связывающих социологическую теорию с реально наблюдаемыми практиками процесса элитообразования в Китае. Следовательно, необходим, по крайней мере в некоторой мере, пересмотр постреформенных исследовательских процедур — от принятых допущений и набора индикаторов до методов выявления причинно-следственных связей.

Во-вторых, важно принять во внимание тот факт, что за более чем четыре десятилетия после начала реформ сложился значительный корпус исследований китайской элиты, однако ранний массив оставался преимущественно описательно-статистическим и опирался на количественные данные, а качественные измерения внутренней жизни руководящих групп недооценивались. Макроаналитические обзоры фиксировали лишь общие тенденции — социальный профиль верхних эшелонов, конфигурацию распределения ресурсов и степень участия во власти, но они гораздо слабее освещали тонкие взаимодействия, культурный капитал и самоощущение элитных сегментов.

В-третьих, длительное время отсутствовала межнациональная сравнительная перспектива, вследствие чего китайская специфичность в глобальном контексте модернизации выявлялась с затруднениями. В итоге оказались очень востребованными сопоставительные и смешанные методологические стратегии, сочетающие анализ формальной регламентации и неформальных сетевых взаимодействий, что, как представляется, повышает объяснительную силу китайских кейсов для общей элитологической теории.

Если подвести итог, то можно констатировать, что накопленный эмпирический материал в известной мере ставит три взаимосвязанных методологических проблемы, структурирующих проблемное поле последующего эмпирического анализа.

Первая из них состоит в том, что ограниченная прозрачность и фрагментарный доступ к данным о внутренних механизмах принятия решений переводят исследование в постфактум-режим и затрудняют идентификацию причинно-следственных связей, притом, что, хотя кадровые перестановки наблюдаемы, сам процесс остаётся «за кулисами».

Вторая заключается в доминировании количественных процедур при дефиците качественных стратегий, что скрывает внутрислойные дифференциации, включая конфигурации социального капитала, неформальные сетевые взаимодействия, ценностные ориентации и стратегии идентичности.

Третья базируется на том, что длительный дефицит полноценных сравнительных исследований не позволял системно сопоставлять процессы циркуляции элит в Китае с другими странами, поэтому труднее отделить универсальные закономерности циркуляции политических элит от специфически китайских.

Следует подчеркнуть, что указанные ограничения ослабляют объяснительный потенциал традиционных подходов. Так, формальные индикаторы политической мобильности учитывают частоту перемещений чиновников, однако не раскрывают, обеспечивается ли карьерная динамика меритократическими критериями или неформальными покровительственными сетями. Кроме того, узконаправленная статистика слабо отражает воздействие культурного капитала — уровня образования, «элитности» вузов, зарубежного опыта и социального капитала (в том числе личных связей и родственных конгломератов) на воспроизводство элиты. Соответственно, без межстранового анализа трудно определить, являются ли наблюдаемые тенденции, такие как интеграция экономической элиты в политику или усиление технократичности управления, уникальными для Китая, либо они вписываются в общемировую траекторию. В итоге остаются открытыми вопросы об источниках карьерного роста, масштабе влияния капиталов и степени универсальности выявляемых трендов. Следовательно, необходим контекстуализированный многоуровневый

смешанный дизайн, интегрирующий событийный и сетевой анализы, а также кейс-стади.

На наш взгляд, для нивелирования обозначенных проблем целесообразен интегрированный социологический подход, сочетающий макро- и микроанализ, количественные и качественные стратегии. С теоретической стороны важно осуществить продуктивный синтез классических элитологических концепций с марксистским анализом классовой структуры и социального неравенства. При этом категории П. Бурдьё о многообразии форм капитала и идея А. Гидденса о дуализме структуры и агента эвристичны для уточнения механизмов рекрутации и воспроизводства. Исходя из этого, вводится понятие «институционализируемая циркуляция элит», описывающая механизмы ротации и преемственности, подпадающие под формальную регламентацию партийно-государственных институтов. В их числе: партийные нормы отбора, номенклатура, процедуры проведения экзаменов и оценки кадров, лимиты сроков и возрастные лимиты, осуществляемые при однопартийной системе. В то же время важно учесть влияние спектра неформальных факторов — семейно-клановых и земляческих сетей, клиентелизма и патронажа, что требует сочетания анализа формальной регламентации и анализа неформальных сетевых взаимодействий. Тем самым достигается более точное схватывание баланса преемственности и обновления. Таким образом классические теоретические рамки уточняются и приводятся в соответствие с китайскими реалиями, а их индикативный аппарат адаптируется под китайское институциональное поле.

На прикладном уровне многоуровневый дизайн прежде всего требует согласования выборки, окон наблюдения и сопоставимых контрольных групп. Далее на методическом уровне утверждается многоуровневый дизайн, сочетающий микро-, мезо- и макропланы, смешанные методы и межкультурные сопоставления. Если международные эксперты акцентируют комплексный анализ элит, то китайские исследователи настаивают на необходимости

комбинировать репрезентативные выборки с кейс-стади, опросы с полевыми наблюдениями и аналитикой формальных правил. В результате теоретические гипотезы — об открытости «лифтов» и роли меритократических критериев — проверяются на расширяющейся эмпирической базе. Важно отметить, что модернизация увеличила доступность данных и спектр источников: численность преподавателей вузов возросла примерно с 206 тыс. в 1978 г. до 1,885 млн в 2021 г.,¹⁸⁰ возникли новые сегменты элиты частного предпринимательского сектора, технократии и «возвращенцев» с иностранными степенями, что стимулирует комбинирование стратегий измерения и интерпретации.

Прежде всего преимущество социологического подхода состоит в способности сопрягать количественные показатели с социальным контекстом и реконструировать механизмы, скрытые за цифрами. Если чисто количественная оптика фиксирует долю частных предпринимателей в составе депутатского корпуса или КПК, то социологический анализ ставит вопрос о природе интеграции бизнес-элиты в политику — кооптация ли это в целях укрепления режима либо результат меритократической селекции талантов, — и, следовательно, обращается как к статистике (динамика вступления предпринимателей в партию), так и к качественным данным (интервью, биографический анализ).

По данным ряда исследований, после 2001 г. КПК активно включала представителей «новой экономики», и доля частных предпринимателей среди членов партии к середине 2000-х приближалась к 40%,¹⁸¹ что указывает на институциональную политику инклюзивности, однако требует проверки, насколько при этом сохраняется принцип меритократии и как именно меняется состав элит.

---

¹⁸⁰ Wu Z. The Evolution and Issues of China's Elite Groups / The Theory of Chinese Modernization. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. P. 271 - 343.

¹⁸¹ Мэтлок-мл. Дж. Личный отчет о распаде СССР / Пер. Ву Найхуа и др. Пекин: Издательство «Мировое знание», 1996. Кн. 1. С. 58.

В данной связи методы эмпирической верификации, прежде всего, целесообразно дополнить результатами авторского исследования - серией полуструктурированных интервью с представителями центральных и региональных элит КНР, с участием, среди прочих, Ли Шэньминя, Ван Вэйгуана, Ли Ланьцина, Хуана Цзяньфа, Цзян Хуэя. Причём в их нарративах критерии продвижения устойчиво трактуются как конъюнкция политической благонадёжности и измеримой результативности, тогда как образовательный капитал выступает селективным «ускорителем» карьерной динамики. Более того, респонденты подчёркивают укрепление процедур проведения экзаменов и целевого набора, расширение институтов партийного обучения и ротационных стажировок, в то же время признавая, что сети выпускников ведущих университетов и профессиональные сообщества продолжают функционировать как неформальные каналы доступа.

Таким образом «меритократия в действии» проявляется как институционально опосредованная конфигурация, где политическое соответствие остаётся условием допуска, а человеческий капитал — необходимым, но недостаточным условием вертикальной рекрутации в элиту. Следовательно, фиксация корреляций сменяется идентификацией «снизу» каналов влияния на управленческие исходы.

Далее опыт новейших эмпирических работ в русле сравнительной социологии демонстрирует частичное преодоление методологических затруднений через многоуровневый дизайн и совмещение количественных и качественных процедур. В данной связи показателен исследовательский проект, реализованный в провинции Цзянсу. Сначала были выполнены масштабный опрос и статистический анализ по восьми деревням, затем добавлены полевые кейс-стади и глубинные интервью в тех же локациях. В результате было выявлено, что коллективные действия «снизу» улучшают результаты управления на местном уровне, сдерживая эгоистичные стратегии сельских руководителей и расширяя участие жителей. В южных районах, где «сельские

элиты» организовали фермерские кооперативы и регулярные собрания жителей, уровень благосостояния оказался выше, а эффекты «захвата элитой» позиций — ниже, чем в сопоставимых зонах без таких практик. В итоге совмещение методов раскрывает посредническую роль коллективных институтов, повышающих доверие и взаимную подотчётность. В то же время оно создает вызов недостаточному учёту качественных различий, поскольку позволяет измерять социальный капитал и интенсивность участия и демонстрировать их влияние на успешность управления¹⁸².

Следует отметить, что важным вкладом в методологическое обновление исследовательских подходов к анализу элит стали исследования, использующие большие массивы данных о карьерной мобильности, образовании и происхождении элит. Развитие цифровых архивов и доступ к биографическим сведениям о чиновниках позволили количественно протестировать меритократические механизмы и их реальные эффекты.

Так, показательным примером служит работа, опубликованная в журнале «Американское обозрение политических наук», где посредством анализа событийных историй оценивалось влияние образования и достижений на вертикальную мобильность китайских чиновников. Исследователями был получен парадоксальный вывод: официально декларируемая меритократия фактически служит инструментом авторитарной кооптации — система рекрутирует талантливую молодёжь из широких социальных слоёв, но при этом сохраняет исходную социальную асимметрию. Иными словами, предоставляя возможности карьерного роста наиболее способным, режим усиливает лояльность новых кадров и использует меритократические критерии прежде всего для стабилизации собственной власти¹⁸³. На наш взгляд, приведённый вывод согласуется с результатами социологического анализа программы

---

¹⁸² Li Y., Qin X., Sullivan, A., Chi G., Lu Z., Pa W., Liu Y. Collective action improves elite-driven governance in rural development within China // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. № 10(1). P. 1 - 13.

¹⁸³ Liu H. Meritocracy as authoritarian co-optation: Political selection and upward mobility in China // *American Political Science Review*. 2024. № 118(4). P. 1856 - 1872.

целевого рекрутирования выпускников вузов на госслужбу: хотя конкурс формально открыт всем студентам, выпускники престижных университетов получают несоразмерное преимущество, а представители низших социальных групп среди победителей почти не представлены. Элитное образование как фильтр усиливает гомогенность руководящего слоя и снижает реальную мобильность малообеспеченных сегментов, превращая идеал «социального лифта» в значительной мере иллюзию.

Таким образом, интеграция количественных данных о социальном происхождении и образовании с институциональным анализом процедур отбора раскрывает скрытые механизмы воспроизводства элиты: меритократические критерии применяются, однако преимущественно в пользу привилегированных групп, усиливая межпоколенческое подобие (эффект «гомофилии») элитных сегментов¹⁸⁴.

Таким образом, приведённые примеры подтвердили эффективность анализа больших данных в эмпирической проверке социологических гипотез, при этом для интерпретации полученных результатов продуктивно используются ключевые элитологические понятия — прежде всего кооптация и гомофилия (склонность индивидов к объединению с индивидами, схожими по психологическим и социальным качествам).

Далее, чтобы перейти от эмпирики к концептуальной рамке, необходимо уточнить и операционализировать ключевые категории. При этом особое внимание важно уделить роли культурного капитала и образования в процессе формирования элит, что позволяет охватить ранее упущенные качественные аспекты. Так, социологический подход интегрирует как китайские кейсы, так и международные параллели. Показательным примером является британское исследование Р. Стенхауса и Н. Инграм, демонстрирующее, как выпускники престижных частных школ несоразмерно часто попадают в элитные

---

¹⁸⁴ Zhao M., Ma L., Chan H. S. The illusion of merit in political leadership selection in China // *The China Quarterly*. 2024. № 257. P. 38 - 58.

университеты (Оксбридж), впоследствии занимая высшие позиции, и тем самым подтверждающее конверсию культурного капитала в статусные преимущества при прочих равных условиях. Этот вывод значим для общего теоретического осмысления механизмов элитобразования¹⁸⁵. Другими словами, социологический анализ показал, что без учёта неформальных ресурсов — элитного образования, манер, социальных сетей, унаследованных через учебные заведения, — механизмы воспроизводства элиты понять трудно.

В частности, применительно к КНР аналогичную роль играют сети выпускников ведущих университетов (Цинхуа, Пекинский университет). Так, эмпирически было установлено, что диплом престижного вуза значительно повышает вероятность попадания в кадровый резерв, особенно через специализированные отборочные программы. Более того, сами университеты становятся акторами политики: по данным М. Чжао с соавторами, топ-вузы КНР получают преимущество при распределении выпускников на государственную службу, усиливая влияние академических элит. В результате формально нейтральный критерий «престижности университета» фактически консервирует власть в узком кругу учебных заведений, а поскольку студенты из рабочих и сельских семей крайне редко поступают в элитные вузы, канал «образование — элита» сужается до привилегированных слоёв, обеспечивая социальную преемственность вместо заявляемого обновления.

Таким образом, благодаря социологической перспективе стало очевидно, почему быстрый рост числа дипломированных специалистов в Китае не привёл к автоматическому «размыванию» элиты: «ведущие позиции по-прежнему занимают выходцы из ограниченного числа престижных учреждений, воспроизводящиеся аналогично западным частно-школьным элитам¹⁸⁶.

---

¹⁸⁵ Stenhouse R. L., Ingram N. Private School entry to Oxbridge: How Cultural Capital Counts in the Making of Elites // *British Journal of Sociology of Education*, 2024. № 45:2. P. 267 – 283.

¹⁸⁶ Olivos F., Lattz M. Attitudes toward Income Inequality in China: Revisiting the Concern about Inequality from a Comparative Perspective // *Journal of Contemporary China*. 2025. № 22. <https://doi.org/10.1080/10670564.2024.2445544> (Дата обращения: 10.09.2025).

Глобальные сравнения в целом подтверждают позитивное влияние престижного высшего образования на социальную мобильность¹⁸⁷, однако китайский случай демонстрирует, что без выравнивания качества образования и равного доступа, меритократические механизмы реализуются лишь частично, закрепляя привилегированность отдельных образовательных траекторий.

С опорой на данные о таком «образовательном фильтре», полуструктурированные интервью со «старшими» партийными деятелями и региональными администраторами (включая Сун Пина, Ляо Силуна, Хуана Цяна, Цзинь Ляя, Дун Вэймина), проведенные автором, фиксируют двойственный эффект ротации: межрегиональная и межсекторальная ротация как элемент институционализированной циркуляции элит, во-первых, выступает формально регламентированным противовесом клиентелизму, а во-вторых, при высоких темпах и отсутствии институтов наставничества порождает «эффект туннеля», то есть кратковременное падение управленческой согласованности. *Отсюда вытекает институциональный компромисс: формальные правила ротации должны дополняться механизмами передачи «институциональной памяти» — моделью «наставник — преемник», проектными группами, архивами управленческих решений, — иначе сети выпускников и образовательные сети фактически компенсируют дефицит преемственности собственными, нередко закрытыми каналами.* На наш взгляд, данная логика напрямую ведёт к проблеме влияния семейно-сетевых факторов на многопоколенное воспроизводство элит. При контроле за семейным происхождением и конфигурацией локальных институтов эффект элитного образования остаётся статистически значимым, однако проявляет межрегиональную вариативность.

Таким образом, одним из направлений социологического анализа является роль семейно-сетевых факторов в воспроизводстве элит. Классическая

---

¹⁸⁷ Werfhorst van de H.G. Is Meritocracy Not So Bad After All? Educational Expansion and Intergenerational Mobility in 40 Countries // American Sociological Review. 2024. № 89(6)/ P. 1181 - 1213.

проблема — насколько элита обновляется или сохраняет себя поколениями — требует специальных методов: генеалогического анализа, реконструкции карьерных династий, изучения неформальных сетей влияния. Следует отметить, что современные исследования, опираясь на новые данные, активно используют подобные подходы.

Например, в работе С. О'Брайена на материалах ряда обществ показано, что элитные семьи сохраняют высокий статус в течение нескольких поколений благодаря брачным стратегиям, наследованию собственности, сетевым связям и трансляции культурного капитала¹⁸⁸. Указанные наблюдения перекликаются с феноменом «второго поколения красных» — потомков революционной номенклатуры, сохраняющих ключевые посты, причём для его системного анализа требуются нетривиальные методики, поскольку прямые данные о родственных связях партийных лидеров зачастую закрыты. Поэтому применяются косвенные измерители: проверяется, ускоряет ли наличие высокопоставленного родственника карьерное продвижение, сопоставляются траектории вертикальной рекрутации с сетевыми метриками родственно-брачных и патронажных связей, оценивается вклад неформальных каналов инкорпорации в воспроизводство элиты. В продолжение историческая линия включает реконструкцию архивных массивов и социально-сетевой анализ прежних элит.

В этом плане показательна экономико-историческая работа Й. Бай и соавторов, где воссоздан «веб власти» позднеимперского и республиканского Китая, объединяющий военачальников, политиков и крупные семьи в единую сеть влияния. В результате выявлено, что кланово-брачные и протекционистские связи заметно воздействовали на исход войн и политических процессов начала XX века, совместно поддерживая, либо подрывая центральную власть и задавая траектории революций и реформ.

---

¹⁸⁸ O'Brien S. The Family Web: Multigenerational Class Persistence in Elite Populations // Socio-Economic Review. 2024. Volume 22, Issue 1, January. P. 1 – 27.

Таким образом, использование инструментов математической социологии позволяет обнаруживать узлы и центры влияния, невидимые при нарративном описании, следовательно, усиливается объяснительная мощь элитологических исследований в китайском контексте¹⁸⁹. Далее китайские социологи адаптируют указанные методики к анализу актуальных элит, рассматривая совместную учёбу и карьерные пересечения высших чинов как индикаторы фракционных связей. В результате при ограниченном доступе к внутренним процедурам и невозможности прямых интервью с членами Политбюро, биографический и сетевой анализ позволяет, по крайней мере в известной мере, реконструировать вероятные неформальные альянсы. Следовательно, уместен переход к анализу межпоколенческих механизмов воспроизводства, в рамках которых семейные связи и сети выпускников выступают устойчивыми каналами передачи элитного статуса.

Прежде всего, длительное сохранение привилегий опирается на наследование экономического капитала, причём, как показано в исследовании Д. Шиффер-Сейба, опубликованном в журнале «Американский социологический обзор», механизмы бюрократической регламентации — налогообложение, трастовые и семейные фонды — функционируют как институциональные средства межпоколенческой консервации богатства¹⁹⁰. Несмотря на западный фокус, выводы релевантны КНР: право и регуляторные режимы нередко обслуживают интересы верхних эшелонов власти, институционализируя неравенство, тогда как тесная сцепка экономической и политической элит через партийные структуры, консультативные органы и государственно-частные формы взаимодействия превращает лицензирование, распределение квот и доступ к кредитам в механизмы поддержания богатства и статуса немногих семей. Следовательно, необходим междисциплинарный

---

¹⁸⁹ Ying Bai, Ruixue Jia, Jiaojiao Yang, Web of Power: How Elite Networks Shaped War and Politics in China // *The Quarterly Journal of Economics*. 2023. Volume 138, Issue 2, May. P. 1067 – 1108.

¹⁹⁰ Shiffer-Sebba D. Keeping the Family Fortune: How Bureaucratic Practices Preserve Elite Multigenerational Wealth // *American Sociological Review*. 2025. № 90(2). P. 291 - 317.

анализ на стыке политической экономики и социологии неравенства, где разбор формальной регламентации дополняется кейс-стади династий и компаний показывает, как элитные группы адаптируют правила под собственные интересы. Далее для разведения универсальных и контекстно-специфических механизмов требуются сравнительные исследования.

В ответ на третий вызов — дефицит компаративности — усиливается корпус работ, помещающих китайскую элиту в межстрановой и глобальный контексты. В данной связи показателен кросс-национальный анализ К. Маркиса и его соавторов, где демонстрируется, что статусные сигналы и внешние признаки (физическая привлекательность) влияют на наём и карьерную мобильность в Китае и США, хотя конкретные механизмы, как представляется, культурно дифференцированы. В частности, их статья «Привлекательность и достижения: статус, красота и работа в Китае и США» подтвердила продуктивность сравнительного подхода: в Китае эстетические и статусные индикаторы оказывают более сильное воздействие на решения работодателей, что авторы связывают с более коллективистскими нормами и заботой о «лице» организации¹⁹¹. Тем самым выявлены культурно-структурные различия функционирования элитного сегмента рынка труда.

Показателен и другой пример: в исследовании С. Максвелла и К. Лилли «От национальной элиты к мировой элите: возможности и проблемы масштабирования» анализируется, как представляется, переход к транснациональности — каким образом национальные элиты конвертируют капитал в международное влияние и какие барьеры масштабирования при этом возникают¹⁹². На наш взгляд, прежде всего вопрос транснационализации актуален для КНР: по мере укрепления международных позиций китайской бизнес-элиты (миллиардеров, руководителей корпораций) встаёт задача её

---

¹⁹¹ Marquis C., Tilcsik A., Zhang Y. Attractiveness and Attainment: Status, Beauty, and Jobs in China and the United States // *American Journal of Sociology*. 2024. № 129(6). P. 1720 - 1762.

¹⁹² Maxwell C., Lillie K. From a national elite to the global elite: Possibilities and problems in scaling up // *Br. J Sociol.* 2024. Dec. № 75(5). P. 938 - 945.

инкорпорации в глобальные элитные сети. Социологический анализ акцентирует параметры транснационального поля — владение иностранными языками, способность действовать по западным нормам заключения контрактов и коммуникации, а также встроенность в глобальные сети — как необходимые условия конверсии экономического капитала в международное влияние. Для элит, социализированных в иной нормативно-институциональной системе, «масштабирование» на глобальный уровень сопряжено с адаптацией к чужим институциональным средам и селективным заимствованием правил. Таким образом, расширение корпуса транснациональных исследований расширяет теоретический горизонт и, следовательно, подтверждает методологическую необходимость выходить за пределы одностранственных рамок и сопоставлять механизмы институционализированной циркуляции элит в различных контекстах.

В данной связи, прежде всего заслуживает внимания корпус исследований, сопоставляющих массовые установки и восприятие элит: ключевые вопросы — как население оценивает неравенство, признаёт ли элиты легитимными и в каких условиях происходит их легитимация. Длительное время для китайского случая доминировала гипотеза «компенсации ростом», согласно которой высокие темпы развития сглаживают восприятие неравномерности распределения благ. Однако недавние кросс-национальные сравнения выявили более сложную конфигурацию оценок: экономический рост не устраняет автоматически чувствительность к несправедливости и статусным привилегиям, следовательно, требуется учитывать культурные и институциональные детерминанты восприятия¹⁹³.

Прежде всего сопоставления опросных данных показывают, что массовые установки фиксируют обеспокоенность неравенством, однако принятие или отторжение «элитного богатства» в решающей мере определяется доверием к

---

¹⁹³ Olivos F., Lattz M. Attitudes toward Income Inequality in China: Revisiting the Concern about Inequality from a Comparative Perspective // Journal of Contemporary China. 2025. № 1. P. 22.

государству и верой в процедурную справедливость. Если успех элит интерпретируется как результат честного труда и общественной пользы, то терпимость к доходным разрывам возрастает, тогда как атрибуция коррупционности усиливает недовольство. Следовательно, учёт субъективных восприятий и механизмов легитимации элит методологически обязателен, поскольку устойчивость политической элиты опирается не только на институциональную архитектуру, но и на общественное согласие с её привилегиями.

В русле выявленной зависимости легитимации от процедурной справедливости полуструктурированные интервью с руководителями идеологического и издательского блоков и исследователями марксистской теории — в том числе Цзян Хуэем, Си Вэйдунем, Чэн Энфу, Синь Сяньяном, проведенные автором фиксируют пусковой характер связи процедурной открытости и управленческой результативности. Публичная отчётность на низовых уровнях, стандартизованные правила отбора и прозрачные критерии оценки при ощутимой общественной пользе, повышают терпимость к статусным разрывам. Однако привязка в общественном сознании элитного успеха протекционизму усиливает чувствительность к несправедливости. Поэтому в интерпретации китайского случая теория легитимации элит должна учитывать контуры регулируемой фрагментации, поскольку множественные центры влияния не подрывают устойчивость, если поддерживаются институциональными каналами координации и обратной связи. Следовательно, выявленные различия требуют ревизии универсалистских тезисов и уточнения пределов их применимости к китайскому контексту.

Новейшие эмпирические данные по китайской элите побуждают к ревизии теоретических моделей и, в частности, ставят под сомнение тезис Р. Даля о том, что «единство элиты = сила элиты», поскольку, как показывают М. Мизручи и Й. Чу на материале американской корпоративной элиты, при определённых конфигурациях сетей фрагментированная элита способна

сохранять сопоставимую влияние именно потому, что оппоненты не в состоянии надёжно идентифицировать и координированно оспорить рассредоточенный центр власти. Следовательно, для интерпретации китайских кейсов релевантна гипотеза о функциональной эффективности «распылённого» руководящего слоя при наличии регуляторных механизмов координации и устойчивых неформальных сетевых связей¹⁹⁴.

В данной связи целесообразно ввести понятие «непреднамеренного устойчивого действия» элит: при отсутствии сговора разрозненные решения акторов, кумулятивно складываясь, поддерживают воспроизводство статус-кво. В китайском контексте, там, где руководящий слой образуют партийные кадры, технократы и бизнес-сегмент с потенциально расходящимися интересами, социологический анализ должен, как представляется, эмпирически выявлять, обеспечивается ли единство дисциплиной партии, либо сосуществуют скрытые фракции, и каким образом это сказывается на политической устойчивости. Кроме того, обнаруживается выраженная контекстуальная зависимость: меритократия в авторитарных и демократических системах функционирует по-разному, тогда как фрагментация элиты способна либо ослаблять её способность к коллективному действию (пример — американская бизнес-элита последних десятилетий), либо, напротив, затруднять консолидацию оппозиции против правящего слоя (что нередко наблюдается в постсоветских странах).

Таким образом, соединение теоретических предпосылок с эмпирическими исследованиями и международными сопоставлениями побуждает переосмысливать универсалистские догмы применительно к китайскому материалу. В итоге проясняются элементы преемственности и очерчиваются направления необходимого теоретического развития в китайском контексте.

Следует подчеркнуть, что современные социологические исследования китайских политических элит заметно продвинулись в снятии обозначенных

---

¹⁹⁴ Mizruchi M.S., Chu J.S.G. The Power of Fragmented Elites: the Role of Inadvertent Robust Action. *Theoretical Sociology*. 2025. № 54 (3). P. 475 – 506 // <https://doi.org/10.1007/s11186-025-09617-3> (Дата обращения: 20.08.2025).

методологических ограничений, поскольку, сопрягая крупномасштабные статистические массивы, сетевые реконструкции и глубинные интервью с междисциплинарными инструментами политической экономики и стратификационного анализа, формируют более объёмное представление о конфигурации и динамике правящего слоя на фоне модернизации. Исходя из этого учёт категорий культурного и социального капиталов, меритократических критериев и институциональной роли государства, в сочетании с наблюдаемыми практиками кооптации и ротации, в известной мере, позволяет объяснить, каким образом институционализированная циркуляция элит совмещает воспроизводство и обновление.

В результате китайский материал высвечивает специфические вызовы — комбинирование формальной регламентации и неформального неравенства, ускоренную инкорпорацию предпринимателей и профессионалов при сохраняющейся укоренённости «красных династий», а также регуляторные механизмы сдерживания внутриэлитных конфликтов ради структурной устойчивости. Тем самым, он связывает эмпирические наблюдения с общей теорией стратификации, циркуляции элит и сетевого общества. Прежде всего, часть зафиксированного исследовательского прогресса подтверждают экспертные интервью с управленцами и университетским сегментом, в том числе с Се Хэпином: дисциплинарная нормализация эпохи Си Цзиньпина — усиление внутрипартийного контроля, институционализация критерия «идеологическая надёжность + профессиональная компетентность», регулярные инспекционные циклы и практики ротации — функционируют как мезоуровневый интерфейс между формальной регламентацией и фактическими карьерными траекториями. В результате такой интерфейс одновременно ограничивает произвол неформальных сетей и повышает предсказуемость кадровых решений, что, в известной мере, объясняет наблюдаемую комбинацию воспроизводства и обновления. Следовательно, соответствующая

связка непосредственно сопрягается с итоговыми тезисами об институционализированной циркуляции элит.

В результате, как представляется, проведённый мета-аналитический обзор имеет прямое значение для раскрытия темы диссертации «Циркуляция политической элиты в процессе модернизации китайского общества: преемственность и развитие», поскольку задаёт методологию выявления баланса между преемственностью, то есть продолжением сложившихся структур и границ элитных кластеров, и развитием, то есть появлением новых сегментов и модификацией правил отбора и продвижения. При этом преодоление обозначенных трудностей создаёт условия для достоверных выводов о влиянии модернизации на верхние эшелоны власти, о механизмах, через которые одновременно обеспечиваются обновление и предсказуемая и селективная динамика, а также о ресурсных потенциалах и рисках сложившейся модели институционализированной циркуляции.

Более того комбинированные социологические методы позволяют предметно отвечать на вопросы об открытости или закрытости правящего слоя для новых талантов, о действии формальных норм и компенсаторных функций неформальных практик, ограничивающих произвол и поддерживающих ответственность элиты перед обществом, а также о динамике публичной оценки высших кадров и изменении легитимности правящего слоя. В итоге эмпирически подкреплённый социологический анализ китайских кейсов не только восполняет пробелы прежних подходов, но и обогащает мировую элитологию, демонстрируя теоретически значимый пример синтеза преемственности и развития.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

1. В период руководства Си Цзиньпина циркуляция политической элиты Китая приняла выраженно институционализированный характер, который обеспечивает управляемое сочетание преемственности и обновления. В результате закреплённые формальной регламентацией лимиты сроков, правила отбора и продвижения, а также меритократические критерии создают условия для регулярного обновления руководящего слоя и сдерживают монополизацию власти. Центральным механизмом поддержания социального консенсуса выступает институционализированная циркуляция элит, поскольку регулярное обновление ограничивает жёсткую фрагментацию интересов, укрепляет целостность правящего слоя и повышает институциональную результативность и стабильность режима.

Однако механизм институционализированной циркуляции элит не устраняет межпоколенческое воспроизводство. Напротив, социально-экономические преимущества и культурный капитал продолжают определять траектории элитной мобильности, что согласуется с концепцией П. Бурдьё о механизмах символического воспроизводства власти. Обладание культурным капиталом — престижным образованием, изощрёнными вкусами и устойчивыми сетями социальных связей предоставляет потомкам высокостатусных групп непропорционально высокие шансы на включение в руководящий слой. Причём подобная инкорпорация усиливается конверсией культурного и социального капиталов в символический ресурс, конвертируемый в доступ к позициям.

2. Институционализированная циркуляция элит содержит элементы инклюзивности, поскольку наряду с жёстким партийным контролем действуют каналы представительской инкорпорации, через которые ограниченно вливаются разнородные группы — независимые исследователи и деятели

культуры, представители этнических меньшинств, выпускники зарубежных вузов, что расширяет спектр артикулируемых интересов и усиливает адаптивный потенциал системы. Эти два процесса — кооптация частного предпринимательского сектора и массовизация высшего образования — имеют общий эффект: расширяется набор источников рекрутирования при одновременном усилении селективности каналов.

Наличие институционализированной циркуляции предполагает существование каналов восходящей мобильности, хотя они труднодоступны, а идеал социального лифта сохраняется, даже если фактическое продвижение реализуется выборочно и с неравной скоростью. Тем не менее, опыт Китая демонстрирует адаптивные свойства институционализированной циркуляции элит, смягчающие жёсткость межпоколенческого воспроизводства, поскольку партия, непрерывно корректируя кадровую политику с учётом меняющейся социальной структуры, стремится предотвратить закрытие руководящего слоя. В результате в политическую элиту инкорпорируются акторы, обладающие экономическим и техническим капиталом и внегосударственными сетями, что обновляет социальную базу управления и в известной мере повышает институциональную результативность. Кроме того, на местном уровне государство опирается на «адаптивные неформальные институты».

3. Синтез теоретических и эмпирических наблюдений позволяет утверждать, что китайская институционализированная циркуляция элит представляет собой подвижное сопряжение структурных ограничений и агентных стратегий, соединяя институционалистскую логику с элементами элитистского воспроизводства. С позиции неинституциональной социологии партия устанавливает формальные правила и процедуры — омоложение руководящего слоя, правила отбора и продвижения, меритократические критерии, кадровые резервы, рейтинговые механизмы — тем самым снижая риск олигархизации и легитимируя селекцию. Однако критическая традиция справедливо указывает, что любая элита стремится продлить собственное

доминирование, а в китайском случае это осуществляется скрыто и в санкционированных институциональных формах, где вместо открытого протекционизма действуют экзамены и оценочные фильтры, производящие видимость нейтральности.

4. В эпоху Си Цзиньпина складывается синтез элитного воспроизводства и институционализированной циркуляции элит. С одной стороны, элита в известной мере самовоспроизводится через образование, родственные связи и неформальные сетевые взаимодействия, что поддерживает преемственность управленческих компетенций и ценностных ориентиров. С другой стороны, действуют институциональные фильтры и «социальные лифты», вводящие новые кадры и препятствующие замыканию руководящего слоя. В результате устойчивость политической системы возрастает, поскольку адаптивное обновление верхних эшелонов власти происходит без утраты профессиональной памяти, а плановая ротация при лимитах сроков подаёт сигнал управляемой открытости и смягчает социальное напряжение в рамках предсказуемой и селективной динамики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ модернизационных процессов и механизма циркуляции политической элиты в современном китайском обществе, проведенный в настоящей диссертационной работе позволяет подвести итоги и сформулировать основные выводы.

Классические западные теории модернизации подчеркивают структурные перемены и экономический рост, однако зачастую рассматривают модернизацию как стихийный (малоуправляемый) процесс, полностью игнорируя роль в нем исторических субъектов. Критические версии фокусируются на властных отношениях и колониальности, но мало пригодны для анализа социалистических систем. Китайская модернизация представляет собой социалистический политический проект, требующий анализа институциональной и идейной специфики партии-государства.

Модернизационный курс Китая, осуществляемый под руководством КПК, сформировал особую траекторию развития политической элиты, отличную от западных образцов и обусловленную спецификой партийно-государственной институциональной среды. В отличие от положений теории «циркуляции элит» В. Парето и «властвующей элиты» Ч.Р. Миллса, основанных на анализе общества в условиях плюралистической конкуренции, однопартийная организация власти в КНР задаёт иную логику рекрутирования и обновления её верхних эшелонов.

Начиная с периода реформ обновление правящего слоя в Китае идёт через внутривнутрипартийную селекцию и административные назначения, то есть посредством институционализированных процедур, а не простой ротации. Данные проведенного автором теоретико-методологического, а также эмпирического исследования, представленные в диссертационной работе, показали, что точечная кадровая перестройка начала реформ — демонтаж маоистской номенклатуры и выдвижение более молодых и более образованных

функционеров — закрепила меритократические критерии и институционализированную логику отбора и подготовки. Как отметил в рамках авторского исследования эксперт Ван Вэйгуан, «кадровая политика партии на протяжении длительного периода опирается на норматив «добродетель и талант в единстве» при одновременном совершенствовании процедур выявления и оценки. Трансформация от практик массового выдвижения к современным механизмам открытого конкурса и государственных экзаменов повысила степень объективности и исключила произвольность, а всесторонняя организационная оценка, включающая консультации с коллективами и сопоставление показателей служебной деятельности, придала решениям необходимую легитимность. Воспитание кадров сочетает преемственность традиции наставничества с системным обучением: целенаправленное поручение молодым руководителям сложных заданий под руководством опытных товарищей обеспечивает ускоренный рост управленческой зрелости, тогда как регулярные циклы обучения в партийных школах и специализированные семинары для руководителей высшего звена формируют единство понятийного аппарата и стратегического видения; в результате модель «экзамен плюс практика» получает современное содержательное наполнение и служит гарантией готовности руководителей к испытаниям любой сложности».

Модернизационные процессы диверсифицировали состав китайской элиты и расширили институциональные каналы её пополнения, причём современный элитный корпус формируется как межсекторальная конфигурация политической, экономической и культурной элит, где первая определяет стратегию развития и аккумулирует ресурсы, вторая поддерживает рост производительных сил, третья легитимирует социально-политический порядок и обеспечивает социальную интеграцию. В ходе реформ эмпирически фиксируется расширение механизма рекрутирования: частный предпринимательский сектор, техническая интеллигенция и иные новые

сегменты получают доступ к власти через механизмы единого фронта и регулятивные каналы представительных и консультативных органов — ВСНП и НПКСК — что институционально интегрирует бизнес-элиту и экспертное сообщество в партийно-государственную систему. В то же время представители «новой элиты» — лидеры интернет-индустрии и платформенной экономики не демонстрируют институционально закреплённой автономии, оставаясь встроенными в партийно-государственную конфигурацию представительства и консультации.

Возросшая формализация механизмов институционализированной циркуляции и плановой ротации правящего слоя обеспечила регулярную смену поколений политической элиты Китая, что в известной мере профессионализовало управленческий корпус и стабилизировало власть. При этом целенаправленная кадровая политика с самого начала реформ ориентировалась на омоложение и повышение образовательного уровня руководителей, вследствие чего уже к началу XXI века доля членов Центрального комитета КПК с высшим образованием устойчиво превышала 90%, а во властной вертикали произошёл сдвиг от ветеранов революции с невысоким формальным образованием к высококвалифицированным технократам.

Ключевую роль при этом выполняет партийно-государственная номенклатура как гарант стабильности и инструмент управляемой межпоколенческой мобильности, нормативно закрепляющий меритократические критерии продвижения и ограничивающий монополизацию власти через лимиты сроков и возраста, регулярную оценку результативности и институциональные фильтры, среди которых с 1980-х функционирует многоуровневая система экзаменационно-тренингового отбора. Эта система ускоряет накопление управленческого опыта у перспективных функционеров, тогда как систематическая ротация центра и регионов усиливает интегрированность элиты и согласованность управления на разных уровнях.

Сравнительный анализ префектуральных назначений 2003–2020 гг. фиксирует рост централизации контроля над ключевыми постами в период руководства Си Цзиньпина, что свидетельствует о расширении номенклатурных возможностей в современных контурах институционализированной циркуляции элит и одновременно, благодаря высокой предсказуемости и нормативности межпоколенческой сменяемости, обеспеченной формализованными процедурами, обуславливает повышение адаптивности управленческой системы, а также укрепление положительной связи между регулярным обновлением руководящих кадров, устойчивостью режима и эффективностью государственного управления.

Структура капиталов в терминах концепции генетического структурализма П. Бурдьё — экономического, культурного, социального и символического — предопределяет траектории воспроизводства элиты и частично ограничивает открытую мобильность, формируя эффект межпоколенческой преемственности внутри правящего слоя, поскольку формальная должность задает лишь стартовый статус, тогда как удержание позиций и доступ к элитному ядру зависят от ресурсов, не распределяемых сугубо меритократическим путем. В то же время потомки высокостатусных групп, обладающие институционализированным культурным капиталом — престижным образованием и устойчивыми ценностными установками — и встроенные в стабильные сетевые связи, получают непропорционально высокие шансы на рекрутирование в политическую элиту, причём конверсия их культурного и социального капиталов в символические ресурсы повышает обменную способность этих активов на доступ к должностям. В китайском контексте «красные наследники» десятилетиями сохраняют влияние за счёт политического наследования статусов и капитализации фамильного авторитета, отсюда вытекает, что сочетание требуемых форм капитала функционирует как негласный барьер для внешних претендентов, понижая институциональную проницаемость, тогда как формальные «социальные лифты» в

рассматриваемый период преимущественно избирательны и воспроизводят неравенство в логике символической репродукции власти. В то же время такая селективность стабилизирует элитное ядро и генерирует напряжения, что требует оценки её стабилизирующих и конфликтогенных эффектов циркуляции.

Институционализирующая циркуляция элит действует двояко, поскольку с одной стороны поддерживает социально-политическую стабильность, а с другой генерирует скрытые противоречия и требует постоянных корректировок с целью нивелирования возможных негативных эффектов. При этом регулярное обновление руководящих кадров удерживает внутреннее единство элиты и консенсус по базовым вопросам. В китайском случае прочный союз власти и капитала — включение бизнес-лидеров в партийно-государственную систему и их ориентация на лояльность правящему центру — стал опорным элементом существующего порядка и предотвратило формирование оппозиционной повестки, способной дестабилизировать модернизационный курс, а институциональная интеграция была формально закреплена решением XVI съезда КПК 2002 года о приеме выдающихся частных предпринимателей в партию.

Циркуляция политической элиты в КНР предстает гибридом институционального обновления и элитистского воспроизводства, служит ключевым фактором управляемых преобразований и выражает диалектическое единство преемственности и развития. С неинституциональных позиций партийно-государственная система институционализовала ротацию, возрастные лимиты и меритократическую селекцию, снижая риски олигархизации и легитимируя обновление, а критическая традиция видит в конкурсах и оценочных фильтрах маскированное продление доминирования под видом нейтрального отбора.

Таким образом, в полемике с классическими теориями элит, рассматривающими циркуляцию элит как саморегулируемое воспроизводство

классовой структуры, и с классическими и критическими западными теориями модернизации, трактующими модернизацию как стихийный процесс, автор ставит в центр социологического анализа институциональную модель управления процессом воспроизводства элит партии-государства.

В основе этой модели лежат четыре взаимосвязанных механизма:

- 1) институционализирующая циркуляция элит,
- 2) институциональная адаптация и инновация,
- 3) элитные сети и социальный капитал,
- 4) социалистическое научно-рациональное управление.

Во-первых, Китайская Коммунистическая партия выстроила сложную, институционализированную систему обновления — циркуляции элитных кадров, включающую ограничения по возрасту и срокам, ступенчатую систему продвижения, обязательное обучение и оценку. Эти правила обеспечивают регулярное обновление управленческого корпуса, снижая случайность смены власти и укрепляя предсказуемость политики. В отличие от паретовской «самопроизвольной» ротации, здесь речь идет об управляемом процессе, который уменьшает конфликты и усиливает политику преемственности.

Во-вторых, особенность китайской модернизации заключается в постоянном реформировании институтов и способности адаптироваться к внутренним и внешним вызовам. Политические элиты экспериментируют с корпоративным управлением, системой оценки чиновников, механизмами межрегиональной конкуренции и координации. Постепенные и обратимые реформы позволяют сочетать социалистические ценности с прагматическими инновациями, формируя уникальный путь развития.

В-третьих, формальные и неформальные сети среди элит — важный ресурс координации и инновации. Система партийно-государственных кадров стимулирует обмен между ведомствами и территориями, создавая сеть, соединяющую центральные органы, местные администрации, госсектор и академическое сообщество. Эти связи улучшают циркуляцию информации и

ресурсов, способствуют формированию консенсуса и ускоряют реализацию решений. Накопление социального капитала повышает сплоченность элит и их способность к коллективному действию.

Социалистическое научно-рациональное управление обеспечивает Коммунистическая партия Китая. Под научно-рациональным управлением понимается соединение социалистических ценностей с эмпирически обоснованными методами принятия решений. Китайская Коммунистическая партия ставит в центр человека и одновременно требует, чтобы политика опиралась на данные, планы и оценку. Четкое нормативное регулирование, стратегическое планирование и масштабные пилотные проекты позволяют избежать технократического формализма и подчинить эффективность идеологическим целям. Такой тип управления придает легитимность и повышает результативность политики.

На наш взгляд, обобщение этих четырех механизмов позволяет создать общие контуры теории циркуляции политических элит Китая среднего уровня. Эта теория выходит за рамки описательной модели: она не только фиксирует факты, но и объясняет, как институты и действия элит формируют траектории модернизации. Понимание различия между моделью и теорией — первая представляет систему, а вторая ее объясняет — позволяет утверждать, что только теоретические конструкции, проверяемые и переносимые в другие контексты, могут служить основанием для сравнительных исследований.

Таким образом, китайская институционализируемая циркуляция элит — это подвижное сопряжение структурных ограничений и стратегий акторов, при котором элита отчасти самовоспроизводится через образование, «семейные паутины» и неформальные сети, сохраняя управленческие навыки, ценности и курс, а с другой стороны, действуют институциональные социальные лифты, рекрутируя компетентные кадры извне и не позволяя правящему слою полностью замкнуться. При этом особенность эпохи Си Цзиньпина состоит в закреплении такого синтеза, поскольку обновление верхних эшелонов власти

происходит без утраты профессиональной памяти и институциональной преемственности, а планомерная сменяемость при соблюдении лимитов сроков служит сигналом контролируемой открытости и смягчает социальное напряжение в режиме предсказуемой селективной динамики элит.

Как показало проведенное авторское исследование, в процессе формирования политической элиты изменилось соотношение между политическим капиталом, накопленным в годы революционной борьбы, и человеческим капиталом, основанным на образовании, профессионализме и интеллектуальных компетенциях. Как отметил один из экспертов Дун Вэйминь, «в революционную эпоху и на раннем этапе государственного строительства мерой служили заслуги перед делом национального освобождения, в фазе экономического становления — практические результаты и общественное доверие, а с углублением модернизации — образовательная подготовка, профессионализм и доказательная эффективность реформаторских действий; институционализация конкурсных процедур открыла возможности для выдвижения специалистов, чьи знания и результаты явились объективным основанием дальнейшего служебного роста. Одновременно практика убедительно подтверждает, что без политической надёжности и ценностной устойчивости даже значительный объём формальных достижений не образует прочного капитала: преданность партии, честность и дисциплина составляют фундамент долгосрочной пригодности к службе; поэтому оценка руководителя строится как комплексная — знания и умения сопоставляются с моральным обликом и постоянством поведения, что обеспечивает выдвижение кадров, способных совместить верность идеалам с компетенциями, необходимыми для задач современной модернизации». Так, оптимальной моделью современного руководителя экспертам представляется «сочетание политической стойкости и профессиональной состоятельности, то есть единство нравственной надёжности и дееспособности, что отражает прогресс критериев отбора от узкой

ориентации на революционный стаж к требованию «добродетель и талант в единстве».

Научный характер развития политической элиты в эпоху Си Цзиньпина предполагает соответствие объективным законам общественного развития. При этом, в отличие от прежних периодов, возрастает роль субъективных факторов. Решающим среди них выступает деятельность политической элиты, опирающаяся на признание и сознательное применение объективных закономерностей, что ускоряет социальные преобразования. Исходя из глубокого анализа реалистических ориентиров и динамики политических, социально-экономических и идеологических процессов, элита выстраивает траектории дальнейшего развития социалистического Китая, мобилизует заложенный в массах ресурсный потенциал, обеспечивает комплексное развитие общественной жизни в направлении укрепления и развития социализма и создаёт условия для результативного решения широкого круга сложных общественных проблем.

Тем самым современная стадия модернизационного развития с китайской спецификой сочетает высокие темпы роста с усложнением социальной структуры. Власть политической элиты воспроизводится через формальные механизмы; диспропорция «город — деревня» смягчается, но не исчезает; государство конструирует условия модернизации, а новые классы инкорпорируются в действующие институты, размывая границу политики и рынка. Элиты в однопартийном государстве адаптируют стратегии поддержания легитимности и контроля, реформы сверху перестраивают стратификацию, а институциональная интеграция новых элит укрепляет структурную устойчивость системы, одновременно проверяя применимость классической теории в незападном контексте и обогащая глобальный научный дискурс моделями альтернативных траекторий развития.

В целом по результатам анализа в контексте модернизационного развития Китая институционализированная циркуляция политической элиты

обеспечивает регулярное обновление руководящего слоя без дестабилизации общества и, тем самым, совмещает преемственность базовых основ социально-политического строя с направленным развитием. При этом укреплены институциональная результативность управления и элементы социального консенсуса, однако в известной мере сохраняется потребность в непрерывной институциональной адаптации во избежание замыкания элиты.

Таким образом, диссертационное исследование уточняет связь элит и модернизационных процессов, вписывает китайский случай в глобальный теоретико-сравнительный дискурс и предоставляет серьезную теоретико-методологическую базу для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государственные документы и нормативные акты

1. Конституция Китайской Народной Республики (пересмотренный текст 2018 г.) // <https://flk.npc.gov.cn/xf/html/xf2.html> (Дата обращения 07.08.2025).
2. Подборка важных документов с момента проведения XIX съезда КПК (средняя часть) // Решение ЦК КПК о ряде важных вопросов, касающихся сохранения и совершенствования системы социализма с китайской спецификой, продвижения модернизации системы государственного управления и управленческих способностей. Пекин: Издательство «Чжунъян вэньсянь чубаньшэ», 2021.

Монографии и научные статьи

3. Афанасьев М.Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Политические исследования. 1994. № 6.
4. Ашин Г.К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993. № 7.
5. Ашин Г.К. Элита. Социологическая энциклопедия. В 2-х Т. М.: Мысль, 2003. Т. 2.
6. Ашин Г.К. Элитология / Пер. Лю Шэнь Элитарные науки. Зарубежные общественные науки. 2004. № 1. С. 32 - 35.
7. Ашин Г.К. Элиты теории // Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М.: Наука, 1986.
8. Бадовский Д.В. Трансформация политической элиты в России - от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Политические исследования. 1994. № 6.

9. Батуренко С.А. Современная российская элитология // Вестник Московского университета. Серия 18: социология и политология. 2015.
10. Болдин В.И., Крушение пьедестала: штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995.
11. Буренкова Э.Э. Трансформация общества и внутренние характеристики элитных групп // Мир России. 1995. № 3-4. С. 3 – 24.
12. Ван Вэйгуан и др. Избранные материалы Китайской академии общественных наук. Том 1. 1982-1992 г. Марксизм, литература, история и философия. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2017.
13. Ван Вэйгуан. Приверженность и развитие марксизма-ленинизма // Ван Вэйгуан. Избранные труды. М.: Родина, 2023.
14. Ван Вэйгуан. Чтобы поддерживать и развивать марксизм, мы должны неуклонно отстаивать и развивать ленинизм. URL: <https://msk.kprf.ru/2021/08/06/165297/> (Дата обращения: 8 августа 2025 года).
15. Ван Синьби, Яна Цзэсэнь. Исследование моделей исполнения должностных обязанностей глав местной администрации: длительный анализ города А в Центральном Китае // Общественное управление. 2025. № 2. С. 80 - 114.
16. Ге Шань, Сюань Чжаоцин. От управления элитами в структурах — к элитному управлению с агентностью // Социологический обзор. 2025. № 3. С. 140 - 162.
17. Гидденс Э., Саттон Э. Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Р. Рождественской, С. Гавриленко. М.: Изд. Дом Высшая школа экономики, 2018.
18. Гу Хуэй. Переходная классовая структура и механизм трансформации социальной мобильности: теоретическая интерпретация и реалистичный анализ // Zhejiang Journal. 2023. № 6. С. 81 - 92.
19. Добренков В.И. Социология на перепутьях трудного пути // Социология. 2019. № 1. 2.

20. Дуань Чжечжэ, Пэн Юнь, Цзяо Цзясинь. Содержание системы отбора достойных и способных кадров: сравнительный подход // Китайский журнал кадровой науки. 2025. № 6. С. 1 - 11.
21. Дука А.В. Теоретические проблемы исследования властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. С. 63 – 66.
22. Зюганов Г.А. Политический отчёт Центрального Комитета КПРФ XVIII съезду партии // <https://kprf.ru/party-live/cknews/201822.html> (Дата обращения; 20.07.2025).
23. Инь Юйжу, Сунь Цзыцин. Исследование участия сельских политических элит в управлении сельскими территориями с точки зрения возрождения села // Contemporary Economy. 2024. № 5. С. 77 – 83.
24. Кодин М.И. Общественно-политические объединения и формирование политической элиты в России (1990-1997). Дисс. канд. социол. наук. М.: МГУ, 1998.
25. Кочетков А.П., Моисеев В.В. Российская политическая элита как субъект социально-экономической политики // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57.
26. Кремнёв Е.В. Властно-управленческие концепции китайской марксистской социологии начала XX в.: традиции и революция // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 102 - 112.
27. Крылов В.В. Производство. Власть. Собственность. Фурсов о Крылове. Москва: Товарищество научных изданий, 2024.
28. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
29. Крыштановская О. В. Бизнес-элита и олигархии: итоги десятилетия // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/biznes-elita-i-oligarhi-itogi-desyatiletija> (Дата обращения: 17.07.2024).

30. Ленин В.И. II конгресс коммунистического интернационала. ППС. Том 41. М.: Издательство Политической Литературы, 1981.
31. Ленин В.И. Борьба с кадетствующими с.-д. и партийная дисциплина // Полное собрание сочинений. Том 14. М.: Издательство политической литературы, 1972. С. 125 - 126.
32. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. ППС. Том 41. М.: Издательство Политической Литературы, 1981.
33. Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. Полное Собрание Сочинений. Том 45. М.: Издательство политической литературы, 1970.
34. Ленин В.И. Что делать? // ПСС. М., 1963. Т. 6.
35. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // ПСС. М., 1967. Том 1.
36. Ли Сифан и Хэ Ю. (2011). Межпоколенческая передача преимуществ класса: социологический анализ механизма отбора в элитные средние школы на примере школы F в Нанкине // Сюэфан. 2011. № 5. С. 109 - 113.
37. Ли Тинью. Предварительное исследование ценностных взглядов местных политических элит: размышления на основе обследования руководящих кадров Шанхая. Форум по науке о лидерстве (теория). 2014. № 05. С. 29 - 33.
38. Ли Цян, Ей Юйли. «Ты — старший брат»: происхождение управленческих элит государства в семье. Обзор государственного управления. 2025. № 1. С. 121 – 146.
39. Ли Шэньмин. Как правильно понимать систему социалистической теории с китайской спецификой и социалистический путь с китайской спецификой // <https://msk.kprf.ru/2021/08/04/165059/?>. (Дата обращения: 14 августа 2025 года)
40. Лю Боцзянь. Превосходство всепроцессной народной демократии над элитарностью и плюрализмом — с точки зрения теоретической

конструкции // Вестник Административной академии провинции Хубэй. 2024. № 6. С. 45 - 52.

41. Лю Цзянькунь, Хэ Сяобинь Влияние неформальных сетей элит на инновации частных предприятий // Вестник менеджмента. 2025. № 3. С. 483 - 494.

42. Люй Пэн, Фу Фань. Критическая традиция элитарной социологии: возрождение и итерация // «Цзянхай». 2020. № 1. С. 96 – 104.

43. Ма Хуатэн и др. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. М.: Интеллектуальная литература, 2019.

44. Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Соч. М., 1931. Том XIV.

45. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Соч. М., 1955. Т. 2.

46. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собрание сочинений, изд. 2. Т. 13. М.: Политиздат, 1959.

47. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. М., 1959. Т. 13.

48. Марксизм-ленинизм эпохи диктатуры пролетариата: цикл научно-популярных работ: В 7 Т. / Планирование социалистической экономики. Ленинград: Издатель Англинова Л.Н., 2025.

49. Микульский К.И., Бабаева Л.В., Чирикова А.Е. Российская элита: опыт социологического анализа. М.: Институт социологии РАН, 1995.

50. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Диалог. 1990. №№ 5,9; 1991. № 4. www.studfiles.ru/preview/3025802/. Дата обращения 05.05.2017.

51. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10.

52. Мэтлок-мл. Дж. Личный отчет о распаде СССР / Пер. Ву Найхуа и др. Пекин: Издательство «Мировое знание», 1996. Кн. 1.

53. Мясников О.Т. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // Политические исследования. 1993. № 1.
54. Осипова Е.В. Патриархи социологии. М.: ИСПИ РАН, 2011.
55. Осипова Н.Г. Роль классического университета в воспроизводстве элиты общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 4. С. 9 – 31.
56. Осипова Н.Г. Российское общество после пандемии COVID-19: взгляд в будущее // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 27(4). С. 7 – 32.
57. Осипова Н.Г. Социология. М.: Издательство ФИВ, 2024.
58. Осипова Н.Г. Элита. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; М.: Норма: Инфра-М, 2010.
59. Осипова Н.Г. Элиты теории // Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; М.: Норма: Инфра-М, 2010.
60. Осипова Н.Г., Современная социология: Учебное пособие для Вузов (для направления подготовки 39.04.01 «СОЦИОЛОГИЯ», уровень высшего образования: Магистратура) / Основные подходы к анализу социальных систем и социальных процессов в социологии. М.: АНО ЦЭМИ, 2023.
61. Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Наука, 2004.
62. Парето В. Взлеты и падения великих держав. Шанхай. Шанхайское народное издательство, 2003. Парето В. Взлеты и падения великих держав. Шанхай. Шанхайское народное издательство, 2003. С. 47 - 48.
63. Парето В. Учебник политической экономии: пер. с фр. / предисл. В.С. Автономова. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017.
64. Пляйс Я.А. Политическая элита постсоветской России: этапы трансформации, проблемы совершенствования. М: Издательство "Росспэн", 2024.

65. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 146 – 168.
66. Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Ростов на Дону, 1996.
67. Попов М.В., Мазур О.А. Материализм и теория формации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6.
68. Родионов М.А., Волкова Т.А. Китайские политические элиты: история и современность // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 4.
69. Садченко В.Н. Эволюция политического режима в Китайской Народной Республике в период председательства Си Цзиньпина // Политологические науки. 2018. № 11.
70. Самсонова Т.Н., Шпуга Е.С. Политическое лидерство перед вызовами современности // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4.
71. Сельцер Д.Г. Распад СССР и сохранение КНР через призму анализа кадровой политики: общие подходы // История и археология. 2020. № 4.
72. Си Цзиньпин. Избранные труды Си Цзиньпина. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2023.
73. Си Цзиньпин. Полный текст речи Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0701/c31521-9867521.html> (Дата обращения: 8 августа 2025 года).
74. Синьхуа. Си Цзиньпин провел десятое коллективное занятие Политбюро ЦК КПК и выступил с речью // https://www.gov.cn/xinwen/2018-11/26/content_5343441.htm (Дата обращения 07.08.2025).
75. Соколова Г.Н. Модернизация // Социология. Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелкин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск: Книжный Дом, 2003.

76. Солнцев С.Н. Общественные классы / вступ. Статья, сост. и комментарии В.С. Сычевой. М.: Астрель, 2008.

77. Соловьева В.Л. Теория модернизации в контексте развития общественной мысли в XX веке // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. С. 312 – 316.

78. Сталин И.В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ. Сочинения. Том 11. М.: Издательство политической литературы, 1949.

79. Федоркин Н.С. Политическая социология и политический менеджмент в предметном поле политической науки // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 25(4). С. 209 - 226.

80. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40 – 54.

81. Цаголов Н.А. и др. Курс политической экономии. Том II. М: Изд-во «Экономика», 1974.

82. Цзо Ци. Цифровое доверие в цифровой трансформации Китайской Народной Республике. Дисс. канд. соц. наук. М.: МГУ, 2024.

83. Цзоу Сяочжань. Дискуссия о политике простого народа и элиты в интеллектуальных кругах в конце династии Цин и начале Китайской Республики // Исследования современной истории. 2023. № 6. С. 78 – 92.

84. Цяо Гуйпин, Лу Сяодун. Столетняя эволюция критериев членства в Коммунистической партии Китая и практические выводы. Вестник партийной школы Тяньцзиньского комитета Коммунистической партии Китая. 2025. № 27 (01). С. 16 - 27.

85. Челищев В.И. Элита политическая // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 582 - 583.

86. Чен Эньфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения / Обогащение и развитие существенной коннотации социализма благодаря «Мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху». М.: Родина, 2021.

87. Чен Эньфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения / Многовековой опыт построения марксистской учебной партии в Китае и путь его продвижения. М.: Родина, 2021.

88. Чен Эньфу. Китайский новаторский марксизм: избранные произведения / О трех этапах социалистического развития: экономическая система и конкретная деятельность. М.: Родина, 2021.

89. Чен Эньфу. Необходимо уделять большое внимание марксистскому методу классового анализа // Тяньфу синьлунь. 2017. № 1. С. 1 - 3.

90. Чжоу Сюэгуань. Дифференциальные паттерны: построение и интерпретация идеального типа // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 136 - 157.

91. Чжу Сюфэн. Социальный капитал группы китайских политических элит: анализ с точки зрения структурализма // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 86 - 116.

92. Энгельс Ф. Из письма Фридриху Адольфу Зорге, 1892 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Том 38. М.: Издательство политической литературы, 1965.

93. Эстьефнер Г. Политические партии Федеративной Республики Германии. Бонн, 1976.

94. Эттли К. Лейбористская партия в перспективе. Пекин: Коммерческая пресса, 1965.

95. Юн Луанью, Цуй Чэньмяо, Ван Вэйцзя. Технологическое расширение прав и возможностей и социальная мобильность: исследование формирования элитного сообщества «ведущих-продавцов» и его влияния на примере «Дум-Дум-Деревни» в уезде У провинции Шаньси // Социальное управление. 2021. № 6. С. 66 - 75.

96. Юнь Чуньси и Ван Са. (2025). Логика возникновения явления захвата элиты в процессе возрождения сельских районов и способы его преодоления — на примере исследования деревни С в восточной части

провинции Энь // Вестник Северо-Восточного университета (социальные науки). 2025. № 2. С. 66 - 76.

97. Bourdieu P. *Distinction: A social critique of the judgement of taste*. Cambridge: Harvard University Press, 1984.

98. Carroll W.K. *Corporate power in a globalizing world: A study in elite social organization*. Ontario: Oxford University Press, 2004.

99. Eisenstadt S.N. *Multiple Modernities* // New Brunswick, Transaction, 2002. P. 1 – 30.

100. Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.R. *Making capitalism without capitalist: Class formation and elite struggles in post-communist central Europe*. London: Verso, 1998.

101. Graaff de N. *China Inc. goes global. Transnational and national networks of China's globalizing business elite* // *Review of International Political Economy*. 2020 № 27:2. P. 208 – 233.

102. Graaff de N., & van Apeldoorn B. *US Elite Power and the Rise of 'statist' Chinese Elites in Global Markets* // *International Politics*. 2017. № 54(3). P. 338 – 355.

103. Guoguang Wu. *The Rise of CCP Young Elites and Xi Jinping's "Tsinghua New Army"*. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/rise-ccp-young-elites-and-xi-jinpings-tsinghua-new-army> (Дата обращения 07.08.2025).

104. Jia Ruixue, Xu Yiqing. *Rotating to the Top: How Career Tracks Matter in the Chinese Communist Party* (August 31, 2018). Available at SSRN: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3613276> (Дата обращения 07.08.2025).

105. Jiang X., Eaton S., & Kostka G. *Women's Work: The Gendered Nature of Appointment Politics in Subnational China* // *Government and Opposition*. 2025. № 60 (1). P. 63 - 85.

106. Kautz C. *Power Struggle or Strengthening the Party: Perspectives on Xi Jinping's Anticorruption Campaign* // *J OF CHIN POLIT SCI*. 2020. № 25. P. 501–511.

107. King A., Smith D. The Jack Wills crowd: towards a sociology of an elite subculture // *British Journal of Sociology*. 2018. Mar. № 69 (1). P. 44 - 66.
108. Li Y., Qin X., Sullivan, A., Chi G., Lu Z., Pa W., Liu Y. Collective action improves elite-driven governance in rural development within China // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. № 10(1). P. 1 - 13.
109. Liu H. Meritocracy as authoritarian co-optation: Political selection and upward mobility in China // *American Political Science Review*. 2024. № 118(4). P. 1856 - 1872.
110. Longmei Zhang, Sally Chen. China's digital economy: Opportunities and risks / *International Monetary Fund*. 2019. – P. 4 – 6.
111. Manion M. How to Assess Village Elections in China // *Journal of Contemporary China*. 2009. № 18 (60). P. 379 – 383.
112. Marquis C., Tilcsik A., Zhang Y. Attractiveness and Attainment: Status, Beauty, and Jobs in China and the United States // *American Journal of Sociology*. 2024. № 129(6). P. 1720 - 1762.
113. Maxwell C., Lillie K. From a national elite to the global elite: Possibilities and problems in scaling up // *Br. J Sociol*. 2024. Dec. № 75(5). P. 938 - 945.
114. Michels R. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig: Werner Klinkhardt, 1911.
115. Mizruchi M.S., Chu J.S.G. The Power of Fragmented Elites: The Role of Inadvertent Robust Action. *Theoretical Sociology*. 2025. № 54 (3). P. 475 – 506.
116. Mosca G. *Elementi di Scienza Politica*. Rome, 1986.
117. O'Brien S. The Family Web: Multigenerational Class Persistence in Elite Populations // *Socio-Economic Review*. 2024. Volume 22, Issue 1, January. P. 1 – 27.

118. Olivos F., Lattz M. Attitudes toward Income Inequality in China: Revisiting the Concern about Inequality from a Comparative Perspective // *Journal of Contemporary China*. 2025. № 22.
119. Pareto V. *Trattato di Sociologia Generale*. Milano, 1964. Vol. II;
120. Qian J., Tang F. Campaign-style Personnel Management: Task Responsiveness and Selective Delocalization during China's Anti-corruption Crackdown, 2013 – 2020 // *The China Quarterly*. 2023. № 256. P. 919 – 938.
121. Rivera L A. *Pedigree: How elite students get elite jobs*. Princeton: Princeton University Press, 2015.
122. Savage M., Williams K. Elites: Remembered in Capitalism and Forgotten by Social Sciences // *The Sociological Review*. 2008. №: 56. P. 1 - 24.
123. Shiffer-Sebba D. Keeping the Family Fortune: How Bureaucratic Practices Preserve Elite Multigenerational Wealth // *American Sociological Review*. 2025. № 90(2). P. 291 - 317.
124. Snegovaya M., Lanoszka A. Reclaiming what is ours: Elite continuity and revanchism // *European Journal of International Security*. 2025 № 10 (2). P. 252 – 270.
125. Stenhouse R. L., Ingram N. Private School entry to Oxbridge: How Cultural Capital Counts in the Making of Elites // *British Journal of Sociology of Education*, 2024. № 45:2. P. 267 – 283.
126. The Economist. Don't underestimate Xi Jinping's bond with Vladimir Putin. China // Chaguan. Apr 9th 2022 // <https://www.economist.com/china/2022/04/09/dont-underestimate-xi-jinpings-bond-with-vladimir-putin> (Дата обращения: 10.08.2025)
127. Wagner P. *Modernity: Understanding. The Present* Cambridge Polity, 2012.
128. Werfhorst van de H.G. Is Meritocracy Not So Bad After All? Educational Expansion and Intergenerational Mobility in 40 Countries // *American Sociological Review*. 2024. № 89(6). P. 1181 - 1213.

129. Wu Z. The Evolution and Issues of China's Elite Groups / The Theory of Chinese Modernization. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. P. 271 - 343.
130. Xinhui Jiang, Sarah Eaton, Genia Kostka. Provinces in Command: Changes in Prefectural Appointments from Hu Jintao to Xi Jinping (2003-2020) // Journal of Contemporary China. 2023. № 32:144. P. 963 – 983.
131. Yan, Y., Christensen, T., Yang, Z. Personnel Control and Local Officials' Attention to Economic Development: Evidence from China // Administration & Society. 2024. № 56(2). P. 145 - 171.
132. Ying Bai, Ruixue Jia, Jiaojiao Yang, Web of Power: How Elite Networks Shaped War and Politics in China // The Quarterly Journal of Economics. 2023. Volume 138, Issue 2, May. P. 1067 – 1108.
133. Zhao M., Ma L., Chan H. S. The illusion of merit in political leadership selection in China // The China Quarterly. 2024. № 257. P. 38 - 58.
134. Zhou Z., Zhou Y., Yuan M., Tang, A. Anti-corruption Efforts, Corruption Perception and Public Evaluation of Local Governments in China. The China Quarterly. 2025. № 262. P. 310 – 329.
135. Zhu L., Yang F. Trading integrity for competence? The public's varying preferences for bureaucratic types across government levels in China // Political Science Research and Methods, 2023. № 11(4). P. 877 – 892.

Источники официальной статистики, базы данных

136. Агентство новостей Синьхуа. Число зарегистрированных частных предприятий по всей стране превышает 55 миллионов // <http://www.xinhuanet.com/mrdx/20241109/b8baa43495b841be9e88e4eb04f52b04/c.html>. (Дата обращения: 19 августа 2025).
137. База данных «Государственные данные» ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0402&sj=2024> (Дата обращения: 19 августа 2025).

138. База данных «Государственные данные» ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A02&sj=2024> (Дата обращения: 24.07.2025).

139. База данных «Государственные данные» ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0402&sj=2024> (Дата обращения: 24.07.2025).

140. База данных «Государственные данные» ГСУ Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A02&sj=2024> (Дата обращения: 24.07.2025).

141. База данных «Государственные данные» ГСУ Китая. URL: <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0A0G&sj=2024> (Дата обращения 07.08.2025).

142. База данных «Государственные данные» Национального бюро статистики Китая // <https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=A01&zb=A0E01&sj=202502> (Дата обращения: 19 августа 2025).

143. ГСУ Китая. 70 лет великих перемен, возрождение нации и достижение величия — один из серии отчетов о достижениях в области экономического и социального развития за 70 лет со дня основания Нового Китая // https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1900355.html (Дата обращения: 07.08.2025).

144. ГСУ Китая. В 2023 году доля добавленной стоимости национальной культуры и смежных отраслей в ВВП составила 4,59% // https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202412/t20241230_1957934.html. (Дата обращения: 19 августа 2025).

145. ГСУ Китая. Ван Пинпин: Общее снижение численности населения сокращается, качество населения продолжает улучшаться // https://www.stats.gov.cn/sj/sjld/202501/t20250117_1958337.html (Дата обращения: 20 августа 2025).

146. ГСУ Китая. Культурная жизнь народа становится все более разнообразной, строительство культурной державы ускоряется — двадцать первый отчет серии о достижениях экономического и социального развития новой Китая за 75 лет // https://www.stats.gov.cn/sj/sjgd/202409/t20240923_1956632.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

147. ГСУ Китая. Масштаб занятости значительно расширился, качество занятости неуклонно улучшалось - Отчет № 16 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития нового Китая // https://www.stats.gov.cn/zt_18555/ztfx/xzg75njshfzcyj/202409/t20240920_1956594.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

148. ГСУ Китая. Объявление Национального бюро статистики об окончательной проверке ВВП (валового внутреннего продукта) в 2012 году. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202302/t20230203_1898423.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

149. ГСУ Китая. Отчет о мониторинге мигрантов-сельских рабочих за 2022 год // https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202304/t20230427_1939124.html (Дата обращения: 14 августа 2025 г.).

150. ГСУ Китая. Отчет о мониторинге труда мигрантов за 2023 год // https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202404/t20240430_1948783.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

151. ГСУ Китая. Предварительные результаты учета ВВП за четвертый квартал и полный 2024 год. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/zxfb/202501/t20250118_1958363.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

152. ГСУ Китая. Трансформация страны с большим населением в страну с сильными человеческими ресурсами: результаты высококачественного развития населения - отчет № 15 из серии отчетов о 75-летних достижениях экономического и социального развития в новом Китае //

https://www.stats.gov.cn/sj/sjld/202409/t20240920_1956588.html (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

153. ГСУ Китая. Устойчивый прогресс в экономических показателях в 2024 году, основные цели развития успешно достигнуты // https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202501/t20250117_1958332.html. (Дата обращения: 19 августа 2025 г.)

154. Жэньминь жибао онлайн: новостная сеть Коммунистической партии Китая. База данных всех съездов Коммунистической партии Китая // <https://src.people.com.cn/GB/64162/64168/106155/> (Дата обращения: 04.08.2025).

155. Информационное агентство «Синьхуа». Статистика численности членов Коммунистической партии Китая за различные периоды // <https://sports.cctv.com/specials/80zhounian/sanji/bj060807.html> (Дата обращения 07.08.2025).

156. Статистическое бюро провинции Гуандун. 2023 Статистический бюллетень национального экономического и социального развития Гуандуна // http://district.ce.cn/newarea/roll/202404/01/t20240401_38955400.shtml (Дата обращения: 24.07.2025).

157. САИСТ. Белая книга о глобальной цифровой экономике (2022) [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития // http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202212/t20221207_412453.htm, свободный (Дата обращения 05.08.2023).

158. САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2022) [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития // URL.: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202207/t20220708_405627.htm, свободный – (Дата обращения 05.08.2023).

159. САИСТ. Отчет о развитии цифровой экономики Китая (2023) [Электронный ресурс]: Национальный высококлассный профессиональный

аналитический центр, платформа промышленных инноваций и развития // http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/bps/202304/t20230427_419051.htm, свободный (Дата обращения 15.08.2023).

160. DIGITAL 2022: GLOBAL OVERVIEW REPORT // https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report?utm_source=Global_Digital_Reports&utm_medium=Article&utm_campaign=Digital_2022.

Научные труды автора

161. Ли Чжожу. Государственная стабильность в системе сдерживания вызовов государственной безопасности: институциональная логика и эмпирическая оценка стратегии Российской Федерации по противодействию «цветным революциям» в период 2014–2025 годов. Часть II // Свободная мысль. 2025. Т. 1713. № 5. С. 55 – 68.

162. Ли Чжожу. Государственная стабильность в системе сдерживания вызовов государственной безопасности: институциональная логика и эмпирическая оценка стратегии Российской Федерации по противодействию «цветным революциям» в период 2014 - 2025 годов. Часть I // Свободная мысль. 2025. № 4. С. 63 – 82.

163. Ли Чжожу. Социальная структура китайской элиты в условиях модернизации: институционализируемая циркуляция, многомерная напряженность и траектории развития // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2025. Т. 31. № 4. С. 150 – 171.

164. Ли Чжожу, Ханс-Йоахим Виллердинг. Взаимодействие профессионализации кадров и институциональной эластичности: историко-материалистический сравнительный анализ опыта ГДР и Китая // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 241 – 258.

165. Ли Чжожу. Социальная память и символический капитал: институциональные практики празднования Дня Победы в современной России. Часть 2. Эмпирический механизм, партийная конкуренция и выводы // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2025. № 8. С. 56 – 63.

166. Ли Чжожу. Социальная память и символический капитал: институциональные практики празднования Дня Победы в современной России. Часть 1. Теоретико-методологические основания и институциональный контекст // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2025. № 7. С. 67 – 74.

167. Ли Чжожу, Фань Ван. Взаимосвязь между законами развития общественных форм и развитием социальных структур с точки зрения исторического материализма // *Социально-гуманитарные знания*. 2025. № 5. С. 231 – 240.

168. Ли Чжожу. Изменение социальной структуры Китая в эпоху Си Цзиньпина (2012–2025): двойная траектория китайской модернизации и капиталистических элементов // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2025. № 4. С. 76 – 88.

169. Ли Чжожу, Егров В.И. Формирование рабочего класса в современном Китае: состав, характеристики и проблемы // *Свободная мысль*. 2024. № 4. С. 113 – 120.

170. Ли Чжожу, Новиков В.Г. Особенности формирования и динамики социально-классовой структуры в процессе китайской модернизации на основе марксистской перспективы // *Свободная мысль*. 2024. Т. 1708. № 6. С. 80 – 99.

171. Ли Чжожу. Размышления о задачах обеспечения политической безопасности Китая // *Свободная мысль*. 2024. Т. 1705. № 3. С. 45 – 64.

172. Ли Чжожу. Эволюция политики в городских общинах современного Китая: анализ эволюционных процессов в системе управления на местном уровне // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 3. С. 144 – 149.

173. Ли Чжожу, Ван Цзинсюань. Трудности в политике управления сельскими общинами в современном Китае // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 306 – 312.

174. Ли Чжожу, Исаков В.П. Политическая мобилизация молодежи: опыт Коммунистического союза молодежи Китая и его потенциал диссеминации опыта // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 11. С. 227 – 233.

175. Ли Чжожу. Китайская практика марксистской теории государства: логика реформ и институциональных инноваций в КПК в период с Третьего пленума ЦК КПК 18-го созыва по Третий пленум ЦК КПК 20-го созыва // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 248 – 258.

176. Ли Чжожу, Цзежэнь У. Идеологические вызовы и стратегии глобальной коммуникации китайских ценностей в условиях международной конфронтации // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 21 – 27.

177. Ли Чжожу, Ван Цзинсюань. Многомерный анализ эволюции структуры социальной стратификации и трансформации социальных противоречий в Китае XXI века // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 8. С. 51 – 56.

178. Ли Чжожу, Макаров И.Н. Социальная структура китайской политической элиты в условиях модернизации, основные тенденции ее развития // Alma mater (Вестник высшей школы). 2024. № 9. С. 81 – 92.

179. Ли Чжожу, Комендантов И.С. Возрождение и развитие экономической элиты в процессе китайской модернизации: развитие социальной структуры и её особенности // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 7. С. 58 – 66.

180. Ли Чжожу, Ван Цзинсюань. Прорывы в политике управления сельскими общинами в современном Китае // Власть. 2024. Т. 32. № 4. С. 291 – 298.

181. Ли Чжожу, Исаков В.П. Эволюция группы элиты СССР в центре КПСС: опыт, характеристики и извлеченные уроки // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 5. С. 77 – 85.

182. Чен Эньфу, Ли Чжожу. Сравнение динамики всеобъемлющей национальной мощи СССР и США: к вопросу о причинах распада Советского Союза // Вопросы политической экономии. 2024. № 4. С. 116 – 141.

183. Ли Чжожу. Характерные черты движения вперед китайского общества в условиях китайской модернизации // Alma mater (Вестник высшей школы). 2024. Т. 3. № 5. С. 87 – 93.

184. Сянъин О., Ли Чжожу. Диффузия и реконструкция международного справедливого порядка в условиях турбулентных изменений международного геополитического ландшафта // Свободная мысль. 2023. № 6. С. 99 – 118.

185. Ли Чжожу. Межпоколенческая эволюция политической элиты Китая в эпоху Си Цзиньпина // Свободная мысль. 2023. Т. 1701. № 5. С. 83 – 98.

186. Ли Чжожу. Диалектика Си Цзиньпина и китайская модернизация: теория, особенности и практика // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 3. С. 220 – 240.

187. Ли Чжожу. Китаизация марксизма и новая эпоха: политика, общество, культура и идеология. М.: Родина, 2022.

188. Ли Чжожу. Китаизация марксизма и новая эпоха: продолжение пути Октябрьской революции. М.: Родина, 2025.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИРКУЛЯЦИИ КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

I. Научное обоснование и цель исследования

Целью планируемого индивидуального интервью было получение эмпирических сведений относительно восприятия и непосредственного опыта представителей политической элиты КНР, касающихся процессов её формирования, структурной трансформации и циркуляции в контексте модернизационных изменений. Интервью были нацелены на выявление субъективных представлений респондентов относительно действующих механизмов рекрутирования элитных кадров, ключевых этапов их собственной карьерной траектории, а также степени и характера влияния макросоциальных факторов, прежде всего таких, как политический режим, экономический базис общества и специфика идеологической надстройки, на направленность и динамику эволюции элиты. Полученные в ходе интервью материалы призваны обеспечить эмпирическое обоснование и уточнение ключевых выводов диссертационного исследования и, помимо того, могут послужить исходной базой для построения обобщающих типологий и проведения компаративного анализа изучаемых процессов.

II. Методологические основания и технические элементы

Интервьюирование проводилось в форме полуструктурированного личного интервью на основе предварительно разработанного тематического руководства (гайда) с фиксированными базовыми тематическими блоками и

ключевыми вопросами, однако допускающего гибкое следование смысловой логике ответов респондента, постановку дополнительных уточняющих вопросов и выявление новых тематических линий в процессе беседы. Выбор именно метода личного полуструктурированного интервью обусловлен необходимостью получения углублённых, контекстуально-насыщенных и недоступных через применение формализованных анкет сведений эмпирического характера.

Генеральную совокупность респондентов составляют представители действующей и бывшей политической элиты КНР, включая:

- 1) высокопоставленных чиновников центрального и регионального уровней,
- 2) членов Центрального и региональных комитетов КПК, а также
- 3) руководящий персонал государственных предприятий.

Выборка респондентов была целенаправленной и вариативной, с учётом таких переменных, как межпоколенческие различия, региональная и этническая принадлежность, а также различный служебный опыт, охватывающий партийные структуры, органы государственной власти, армию и промышленные предприятия. Всего было опрошено 14 респондентов.

Интервью проводились на родном языке респондентов; продолжительность одного интервью составила приблизительно 60 минут. Перед началом интервью каждому респонденту была предоставлена подробная информация о целях и задачах исследования, гарантиях конфиденциальности, а также о правилах и условиях использования полученных сведений в аналитических материалах и публикациях. Участие в интервью было строго добровольным, с обязательным правом отказа респондента от ответа на любой заданный вопрос без объяснения причин. В процессе обработки и анализа данных интервью строго соблюдались установленные нормативные требования по обеспечению полной анонимности респондентов и защиты их персональных данных.

Логическая структура каждого интервью была выстроена по принципу последовательного перехода от общего к частному: от реконструкции личной биографии респондента и этапов его профессиональной карьеры к более узким вопросам восприятия макрополитических процессов и функционирования механизмов рекрутирования в состав политической элиты, и далее к оценкам современных тенденций циркуляции элитных кадров в условиях реформ, политики открытости и специфики политического управления в период пребывания у власти Си Цзиньпина. Именно такая логическая последовательность вопросов позволила обеспечить постепенное вхождение респондентов в проблемное поле исследования и способствовало формированию связного и внутренне согласованного нарратива.

III. Основные и дополнительные вопросы интервью и научное обоснование их выбора

1. Просим Вас подробно охарактеризовать образовательную и профессиональную траекторию Вашей биографии, обстоятельства вступления в ряды Коммунистической партии Китая, а также ключевые этапы Вашей политической карьеры.

Данный вопрос ориентирован на реконструкцию индивидуальных карьерных траекторий и предназначен для выявления конкретных форм образовательного капитала и начальных позиций в политической карьере представителей различных поколений элиты. Эмпирические данные показывают заметные изменения академического уровня и стартовых должностей членов ЦК КПК начиная с 1990-х годов, когда доля членов партии, имеющих высшее образование не ниже степени бакалавра, впервые превысила 90%. Анализ карьерных траекторий, включающий типологизацию исходных должностей (низовые партийные структуры, инженерно-технические позиции, административные должности на предприятиях, академические

учреждения, военная служба и др.), позволил сопоставить индивидуальный опыт респондента с агрегированными статистическими тенденциями.

2. Каково Ваше понимание сущности модернизационных процессов в новейшей истории Китая, и каким образом, на Ваш взгляд, эти процессы повлияли на структуру и состав политической элиты?

Ответ позволил провести сопоставление личной позиции респондента с существующими теоретическими моделями модернизации и определить, какие конкретные элементы (экономические, социальные или культурные) оказывают наибольшее влияние на эволюцию состава элиты.

3. По Вашим наблюдениям, как изменилось соотношение между политическим капиталом, накопленным в годы революционной борьбы, и человеческим капиталом, основанным на образовании, профессионализме и интеллектуальных компетенциях, в процессе формирования политической элиты различных поколений?

Ответ позволил выявить субъективные представления респондента о происходящих изменениях в критериях легитимации и авторитета внутри элиты, а также определить факторы (образовательные, профессиональные, идеологические), которые воспринимаются им как определяющие для карьерного продвижения в современных условиях.

4. Какие конкретные механизмы отбора, подготовки и продвижения партийных кадров Вы лично испытали или наблюдали в ходе Вашей карьеры? Насколько эти механизмы соответствуют традиционной модели «экзамен и тренировка»?

Ответ респондента позволил эмпирически детализировать содержание и эффективность этих механизмов, а также проследить возможную их эволюцию во времени.

5. Наблюдали ли Вы значимые различия по признакам пола, этнической принадлежности и регионального происхождения при отборе и продвижении партийных кадров в политической элите? Какие изменения в этом аспекте Вы отмечаете за последние несколько десятилетий?

Ответы позволили соотнести эмпирические наблюдения респондента со статистическими данными и оценить степень соответствия принципа формального равноправия реальной кадровой практике.

6. Какие отличительные характеристики и ресурсы, по Вашему мнению, выделяют узкую группу политических лидеров – ядро элиты – по сравнению с более широкой элитной прослойкой? Какие конкретные критерии позволяют войти в данную группу?

Вопрос позволил конкретизировать восприятие респондентом отличий между лидерами и элитой в широком смысле, а также выявить критерии (идеологическая зрелость, профессиональная компетентность, патрон-клиентные отношения), воспринимаемые им как ключевые для включения в лидерское ядро.

7. Как Вы оцениваете влияние периода руководства Си Цзиньпина на процессы межпоколенческой циркуляции политической элиты? Какие новые требования к кадрам и идеологические установки появились в этот период?

Ответы позволили дополнить ограниченные открытые данные содержательными эмпирическими наблюдениями респондентов о практическом воплощении этих тенденций.

8. Как Вы видите взаимодействие экономического базиса и идеологической надстройки в процессе формирования и развития политической элиты? Какие противоречия, на Ваш взгляд, возникают в современных условиях?

Исходя из теоретической позиции исторического материализма, трансформации надстройки, включая элиту, обусловлены изменениями производственных отношений. Данный вопрос был направлен на выявление восприятия респондентом реальных механизмов, определяющих противоречия между рыночными реформами и идеологической монополией партии, и позволяет соотнести эмпирические наблюдения с базовыми положениями марксистской теории.

Дополнительные (резервные) вопросы:

1. Как Вы оцениваете текущее состояние и перспективы участия женщин в руководящих структурах партии и государственных органов? Какие структурные, социальные и культурные барьеры, по Вашим наблюдениям, в наибольшей степени ограничивают повышение их представительства в политической элите?

Данный вопрос дополнил сравнительный статистический анализ гендерного дисбаланса в составе элиты, позволяя через субъективные оценки респондентов выявить скрытые институциональные препятствия, нормативные ожидания и культурные установки, которые оказывают влияние

на возможности продвижения женщин на высшие должности в партийно-государственной иерархии.

2. Какой Вы видите реальную роль представителей этнических меньшинств в политической элите Китая? Имеются ли, по Вашему мнению, специфические особенности карьерных траекторий и механизмов интеграции представителей различных этнических групп в элитные структуры?

Вопрос позволил более предметно исследовать этнические аспекты межпоколенческих изменений в составе элиты, а также выявить степень соответствия официально декларируемой политики национального равенства и практики рекрутирования представителей этнических меньшинств на высшие должности в партийных и государственных органах.

3. Считаете ли Вы зарубежное образование или участие в международных академических программах важным условием успешной карьеры для современного китайского государственного деятеля? Как зарубежный опыт влияет на его политико-идеологическую лояльность и соответствие требованиям партийной ортодоксии?

По мнению ряда исследователей, доля лиц с высшим образованием, включая международный гуманитарный и социальный опыт, в китайской элите заметно возросла. Данный вопрос был призван выявить, как респонденты оценивают значение зарубежного образовательного капитала в построении карьеры, а также определить, как данный опыт соотносится с идеологическими критериями, предъявляемыми партией к руководящим кадрам.

4. Какие механизмы внутрипартийного контроля и дисциплинарного воздействия, направленные на обеспечение политической лояльности и профилактику коррупции, Вы наблюдали на протяжении своей карьеры? Насколько Вы считаете данные механизмы эффективными в современных условиях?

В контексте усиления антикоррупционных мер и требований идеологической чистоты данный вопрос позволил получить дополнительный эмпирический материал относительно внутренних институциональных регуляторов, контролирующих циркуляцию элитных кадров, и выявить восприятие партийного контроля среди представителей самой элиты.

5. Насколько важным условием продвижения в центральные органы власти Вы считаете наличие предварительного опыта работы на региональном уровне? Какие конкретные преимущества и ограничения связаны с подобной карьерной траекторией?

Вопрос соотносится с представленным в диссертации анализом распределения членов ЦК КПК по организационным уровням (центральный, провинциальный, государственные предприятия и армия), позволяя конкретизировать значимость регионального опыта и определить различия в карьерных стратегиях, присущих политической элите.

IV. Заключительные замечания

Предложенная выше совокупность вопросов образует логически последовательный и методологически выверенный исследовательский инструмент, в основе которого лежит диалектический принцип единства

микросоциальных (индивидуально-биографических) и макросоциальных (структурных) подходов к изучению политической элиты. Вопросы расположены таким образом, что обеспечивается постепенное и последовательное углубление в изучаемую проблематику: первоначально фиксируются индивидуальные ресурсы и карьерные стратегии респондентов, затем выявляется трансформация критериев легитимации политической элиты, после чего детально исследуются механизмы рекрутирования и институциональные условия циркуляции элитных кадров. В завершающей части интервью фокусируется внимание на актуальных вызовах и противоречиях современного периода, таких как особенности эпохи Си Цзиньпина, взаимодействие экономического базиса и идеологической надстройки, гендерные и этнические аспекты.